

Глава IV. Кампания 1813 года

Итак, приступая к описанию действий Гвардейского Экипажа в кампании 1813 года, следует обратить внимание на положение наших армий в стратегическом отношении. Армии наши после изгнания неприятеля из земли русской не переставали преследовать их и в Польше, они шли к Висле несколькими путями. Правый фланг нашей операционной линии составлял граф Витгенштейн, он шел к Мариенвердеру. Армия адмирала Чичагова, бывшая в центре, направлялась на Торн, а Главная армия, составлявшая левый фланг, шла к Плоцку, один корпус к Варшаве. При Главной армии находился и Гвардейский Экипаж. Ему и в этом 1813 году предстояло начать кампанию в должности понтонеров переправой армий через Вислу, и он должен был обойти все войска Главной армии, должен был спешить в город Плоцк Варшавского герцогства (ныне королевства Польского), для того чтобы подготовить там переправу через близкую к вскрытию реку Вислу.

Экипаж прибыл в Плоцк 8 февраля, воспользовался находившимися там каботажными речными судами, именуемыми берлинками. Это длинные, узкие и плоскодонные суда, численность которых в Плоцке не соответствовала потребности для устройства на них моста при этой ширине реки, тем паче при ходе льда.

Командир Гвардейского Экипажа капитан 1-го ранга Карцов поручил капитан-лейтенанту Горемыкину все легкие суда и лодки исправить, законопатить и засмолить, материалами для этого снабдил город, и тем охотнее, что как берлинки, так и все легкие суда должны были возвратиться хозяевам их. Не отлучались дежурные офицеры от рабочих, а для переправы назначался особый дежурный, один из ротных командиров. Ход льда не должен был останавливать переправы, а потому тотчас по вскрытии реки приступили к устройству летучих паромов. Для этого, соединяя по две берлинки вместе на небольшом одна от другой расстоянии, настилали на них одну общую палубу, не стесняя при том управление рулем и оставляя впереди место для нескольких весел. Потом избрали за городом удобное для переправы место, сделали на обеих сторонах реки спуски и пристани; между пристанями на середине реки гораздо выше по течению положили несколько якорей гуськом, т.е. один за другим и один к другому привязанных, и, взяв от последнего из положенных по течению якорей канат длиной около двух кабельтов*, приняли этот канат на середину парома, на перенесенную с берлинки лебедку**,

**Примечание М. Н.:* *Около 100 сажень. **Горизонтальный маленькой ворот.

первый опыт с таким паромом был сделан во время сильного хода льда по Висле при быстроте её течения весной, и он оказался удовлетворительным. Паром преспокойно описывал дугу около своих якорей, а небольшое количество гребцов удерживало его всегда в настоящем направлении, тогда как находящиеся на пароме свободные матросы отталкивали и разбивали льдины. Шкипер Романов, начальствовавший обозом, исправлял при этом случае должность строителя и деятельного исполнителя приказаний начальства при переправе войск по мере их приближения к Висле. Нельзя промолчать, что однажды, установив на такой паром ползвода гусаров с лошадьми, во время хода льда канат потерло льдом, и он перервался, а паром с грузом людей и лошадей понесло по течению. Но не дремали в Гвардейском Экипаже: несколько офицеров с достаточным числом нижних чинов на лодках поехали к парому, успели освободить его от напивавшего льда и привести к противоположному берегу, конечно, не у пристани, а ниже её. Собственно же переправа не задерживалась, потому что, продолжая постройку паромов на собранных в окрестностях Плоцка берлинках, переправа производилась на нескольких паромах, и когда река совершенно очистилась от хода льда, тогда на пятнадцати подобных паромах устроили мост, а перед ним предмостовое укрепление (тет-де-пон). К мосту каждодневно назначался караул офицерский. Надобно заметить, что всё это сделано без участия кого-либо из инженерных офицеров, а собственно Гвардейским Экипажем.

Чтобы ознакомить с нравственностью этой небольшой военной семьи моряков, долгом представляется представить здесь, что, не имея священника в Экипаже, он лишен был возможности исполнять через священнослужителей требы по уставу Православной церкви, и потому часто переправляемый через Вислу при войске священник бывал останавливаем Экипажем для молебнов и других треб, и никогда не служили молебны без возглашения многолетия Императору и всему Царствующему дому. Иногда священнослужители прибавляли многолетие всему христоролюбивому Российскому воинству. Служба с таким народом была отрадна, и взаимность между начальством и подчиненными без вреда чинопочитанию соединяла Морскую Гвардию неразрывными узами.

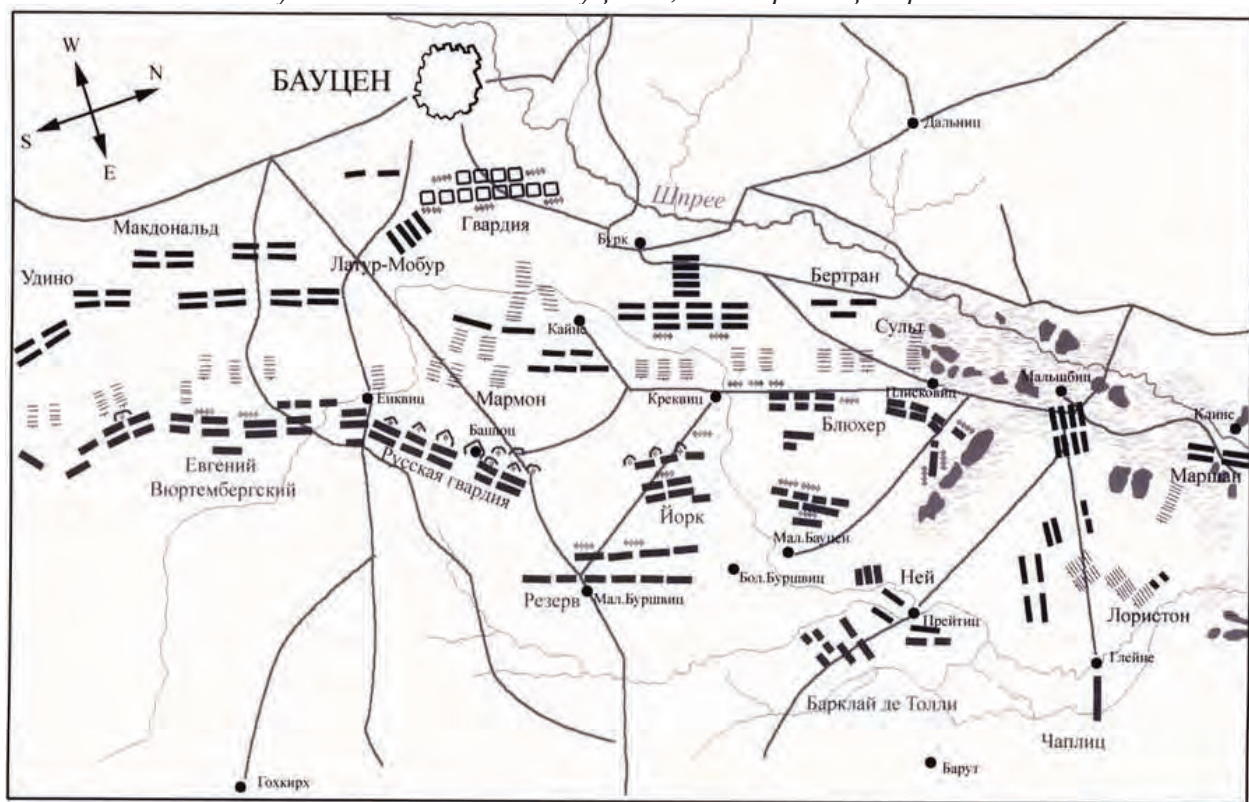
Гвардейский Экипаж простоял в Плоцке весь Великий пост, только на другой день Св. Пасхи должен был вследствие предписания Его Высочества Цесаревича, командовавшего 5-м Гвардейским корпусом, выступить из Плоцка для соединения с действовавшими войсками. Маршрут, присланный в Экипаж, вел его в Польше: от Плоцка на Гумбин, Клодаву и Калишь. В Пруссии: на Трахинберг, Лёвенберг и Буницау. В Саксонии: на Гёрлиц к Бауцену. Здесь суждено было морякам стать лицом к лицу с неприятелем в виду Государя своего и всей российско-прусской армии.

Совершенное присоединение прусской армии к русской замедлялось дипломатическими причинами, и потому движение нашей армии за Вислою было не так быстро, как наступление её на правый берег реки. По соединении же русских и пруссаков братским союзом соединенные армии вошли в Саксонию, миновали столицу её и направлялись уже к Лейпцигу. Император Наполеон, оставив Эрфурт, медленно двигался вперед, и 20 апреля обе армии сошлись около Люцена. По кончине Главнокомандующего князя Голенищева-Кутузова Смоленского, последовавшей ровно через 8 месяцев после вступления его на поприще Главнокомандующего, главное начальство над армией принял генерал граф Витгенштейн. И неудачи вследствие опоздания пруссаков прибыть на место по диспозиции или какие другие причины заставили армию союзников, проведшую ночь впереди пунктов первоначального боя под Люценом, 21 апреля отступить от Люцена двумя колоннами на Печау.

Гвардейский экипаж соединился с Гвардейским корпусом на отступлении его от Печау и отступал в составе корпуса к Бауцену до 8 мая. В этот день начались авангардные дела под Бауценом, и граф М. А. Милорадович должен был очистить Бауцен.

9 мая Гвардейский Экипаж назначен в главную квартиру Государя Императора Александра I. Вступив в караул до рассвета, Экипаж расположился в саду замка, занятого императорскою квартирою, развел часовых и принял все предосторожности. Командир Экипажа сделал все нужные распоряжения к посылке адъютанта и казначея в главную квартиру армии, в местечко Рейхенбах, с нужными донесениями и для приёма жалованья.

С рассветом подвели к подъезду замка верховых лошадей Государя. Экипаж встал в ружьё, Его Величество сел на лошадь и подъехал к фронту. «Здорово матросы, — сказал Государь, — поздравляю вас с праздником, сегодня Ваш праздник, и я хочу потешить Вас для праздника, идите в дело, и я буду смотреть на вас». Единодушное «Ура!», единодушное «Рады стараться!» было ответом на этот желанный привет Монарха и Вождя. В шестом часу утра началось сражение, Гвардейский Экипаж поставлен в линию между Малым и Большим Бауценом, имея Креквице перед собою.

(Илл. 55) Карта. Ход сражения 9 мая 1813 года под Бауценом [21].

Наполеон, показывая намерение прорвать центр, вскоре объяснил план свой. Войска его потянулись на наши фланги, и в особенности на левый, надо было подкрепить их, и Гвардейский Экипаж с двумя батальонами гренадер под командою генерал-лейтенанта Чоглокова перевели на наш правый фланг. Здесь эти три батальона выдвинуты в переднюю линию. Прусская артиллерия, защищавшая оконечность этого фланга, должна была уступить превосходству позиции неприятельской артиллерии, стоявшей на высоте, командовавшей нашею позицією, и отъехать, а этот трехбатальонный отряд, беспрепятственно поражаемый французскою артиллериею, не мог ничего предпринять против неприятеля. Ему приказано не терять места до повеления, и Гвардейский Экипаж, стоя на правом фланге этого отряда, стоя в колонне к атаке, был поражаем ядрами и гранатами с фронта и фланга. Государь Император, стоя на возвышении, смотрел на эти три батальона и присылал несколько раз к отряду похвалу его стойкости, и, наконец, генерал-адъютант Ожаровский приехал собственно к Гвардейскому Экипажу и от имени Его Величества благодарил Экипаж, объявив при том, что Государь оценивает хладнокровную храбрость матросов. Все в батальонах и в Экипаже просились вперед в глазах генерал-адъютанта Ожаровского. Музыканты Гвардейского Экипажа снимали с убитых патронные сумы, брали их ружья и занимали места убитых в колонне. Неприятель тщетно употреблял все усилия, чтобы артиллериею своею сбить эти три батальона с позиции. Пехота его не посмела спуститься с возвышения и приблизиться к отряду, а местность не позволяла действовать кавалерии. Около пятого часу пополудни убит капитан-лейтенант Горемыкин, за ним скоро смертельно ранен лейтенант Колзаков 2-й и тяжело ранен мичман Хмелев. Экипаж видел отступление наших войск, выходивших на большую дорогу, видел отступление центра и не прежде сошел с места, как получил на то приказание. Это приказание достигло до отряда вечером часу в восьмом, когда весеннее солнце склонилось уже к вершинам возвышенностей занятых неприятелем. Гренадеры двинулись с места, начиная с батальона, стоявшего на левом фланге отряда, Морская Гвардия прикрывала их отступление. Неприятель не переставал поражать колонны и при отступлении, и ядра, и гранаты следили за отступавшими.

Генерал-лейтенант Чоглоков, ехавший подле Морской Гвардии в самом начале отступления, получил контузию, лошадь взвилась под ним, и он упал. «Стой!» — раздалось в колонне Гвардейского Экипажа, и несколько офицеров и нижних чинов бросились к лежащему генералу, а колонна повернулась лицом к неприятелю. Генерала подняли, посадили на лошадь и повели в голове колонны, знаменитый Ермолов заменил храброго Чоглокова, густая пыль, поднимавшаяся на пахотном поле, по которому отступали колонны, закрыла неприятеля, она закрыла и свет солнца, являвшегося сквозь эту пыль в кровавом виде*.

**Примечание М. Н.: Рассказ бывшего в этом деле офицера Гвардейского Экипажа.*

Пыль эта ясно означала путь отступления колонн. Вышедши на большую дорогу около деревни Глейне и построив отделения, Отряд, проведя весь день в огне, надеялся освежиться колодезною водою и потому, останавливаясь у колодцев внутри деревни, стал наполнять свои манерки водою, не смотря на свист ядер и шипение гранат. Но когда очередь дошла до Гвардейского Экипажа, то гранаты уже успели зажечь деревню, и матросы должны были оставить деревню, не запасаясь водою. Поздно уже затихла пальба, и отряд, пройдя деревню к ручью, получил приказание остановиться тут на всю ночь, соблюсти всю военную осторожность, не разводит огня и не оставлять своих мест.

Так кончилось для Гвардейского Экипажа Бауценское сражение, первый опыт его стойкости. Таков был пир Гвардейским матросам в день их праздника 9 мая, тот славный день присоединил новый и свежий Лавр к Лаврам, кровью добытым моряками, и доказал, что моряк по образу службы своей способен к самоотвержению, а Высочайшие похвалы, приобретенные Морскою Гвардию, доказывают, что Экипаж достойно носит это почетное звание.

Примечание авт.: Атака Наполеона началась в 10 часов утра 9 мая. Макдональд штурмовал укрепленный Бауцен, маршалы Удино и Сульт должны были овладеть высотами вдоль передовой позиции союзников на Шпрее. После 3 часов дня французы смогли форсировать Шпрее в нескольких местах. Мощная батарея из 40 орудий стала бить во фланг русского корпуса Евгения Вюртембергского (правый фланг), который не мог отстреливаться, так как большая часть русской артиллерии была заблаговременно отправлена по приказу Милорадовича на основную позицию.

К 6 часам вечера правое крыло русских отошло к основной позиции. Захватив к тому времени Бауцен, французы без особого успеха атаковали левый фланг Милорадовича.

Особенно ожесточенные бои развернулись за высоты на крайнем правом фланге, где против 5 тысяч пруссаков Клейста сражались 20 тысяч французов из корпуса Бертрана. Отразив с помощью подкреплений фронтальные атаки Бертрана, Клейст тем не менее был вынужден к 8 часам вечера отойти на главную позицию, будучи обойденным Мармоном слева. Вечером 9 мая в бой с аванпостами Барклая де Толли на крайнем правом фланге вступили передовые части подошедшего с севера Нея. Бои затихли только в 10 часов вечера и стоили союзникам 2600 солдат.

В 5 часов утра 10 мая сражение возобновилось. Корпуса маршалов Макдональда и Удино штурмовали позиции левого фланга союзников, нанося отвлекающий удар. Витгенштейн убеждал императора Александра I во второстепенности удара на левом фланге, однако российский монарх настоял, чтобы большая часть резервов была переброшена на левый фланг (чего и добивался Наполеон), который возглавлял Милорадович. Усиленный Милорадович контратаковал и к 2 часам дня отбил ранее потерянные позиции.

На правом фланге с 6 часов утра повели наступление на позиции Барклая де Толли 3 пехотных корпуса из группировки Нея. Ней получил от Наполеона простой приказ — следовать на колокольню селения Гохкирхен. Если бы Ней достиг Гохкирхена, расположенного в тылу левого фланга союзников, все дороги для отступления союзников оказались бы перерезаны.

Барклай де Толли располагал всего 12 тысячами солдат против 45 тысяч французов, преимуществом ему служили выгодная позиция на господствующей высоте и сильная артиллерия. Завязав бой с главными силами Барклая, Ней послал две дивизии (10 тыс.) из корпуса Лористона в обход расположения союзников. Барклай был вынужден отступить к 11 часам утра на новую позицию за рекой Лебау, в результате чего оголился фланг соседнего прусского корпуса Блюхера. Совместной атакой прусские части Блюхера и русские полки Барклая де Толли оттеснили французов из местечка Прейтиц и восстановили линию фронта.

Узнав об отходе Нея из Прейтица, Наполеон после полудня привел в действие войска центра, ожидавшие до того успеха флангового наступления Нея. Под мощным давлением прусские корпуса подались назад, но, получив подкрепление резервными русскими полками, попытались отбить потерянные высоты. В этот момент к 2 часам дня Наполеон бросил в бой гвардию и артиллерийский резерв, одновременно Ней вновь захватил Прейтиц. Вместо первоначального движения на Гохкирхен Нею пришлось вести бой с корпусом Блюхера, в тыл которому он смог выйти.

В то время, как русские войска прочно удерживали позиции на левом фланге, оборона центра, особенно на стыке центра с правым крылом, была разрушена. Дальнейшее продвижение французов отрезало бы союзникам пути отхода. В 4 часа дня союзники начали хорошо организованный отход тремя колоннами. Сначала под прикрытием арьергардов отошла прусская колонна Блюхера, затем корпус Барклая, замыкала отход колонна левого фланга под командованием Милорадовича. Союзная армия организованно отходила, отбиваясь от наседавшего авангарда Наполеона [21].

Описание этого сражения генералом Михайловским-Данилевским не так подробно, как описание других сражений. Сказав, что позиция наша была растянута на десять верст, он не объяснил путей отступления наших оконечностей и в особенности левого фланга, а переходит прямо к авангардным на большой дороге делам графа Милорадовича, командовавшего левым флангом. Армия, расположенная в бою на 10 верстах, начав отступление в 4 часа пополудни, не может совершить такое отступление по одному пути в течение 4 или 5 часов времени в том порядке и без малейших потерь, как это случилось под Бауценом. Ясно, что армия отступала к сборному месту несколькими путями. Ясно и то, что левый наш фланг, наиболее отдаленный от операционной линии отступления, не мог в это короткое время выйти на дорогу, по которой отступал центр и правый фланг, прикрывший это отступление, и что левый фланг должен был отступать другим путем, следовательно, мог быть отделен неприятелем от армии. Последовавшие действия нашего знаменитого генерала А. П. Ермолова, принявшего после получившего контузию генерала Чоглокова <командование> над отрядом гренадер и Гвардейским Экипажем, ведут к заключению, что наш левый фланг под командою генерала Графа Милорадовича в день сражения, 9 мая, при отступлении не мог выйти в тот день на дорогу к Рейханбаху и что до того времени надобно было удерживать неприятеля.

10 мая перед восходом солнца отряд начал в порядке отступать. Неприятель, казалось, не замечал этого движения, и отряд спокойно перешел на избранную генералом Ермоловым позицию. Генерал объехал ряды отряда и, выхваляя стойкость русских, коротко объяснил необходимость удержать за собой место до соединения графа Милорадовича, долженствовавшего выйти с левой стороны сзади отряда на большую дорогу. «Вот там, влево от нас, где вы видите на лугу дерево, тут убит шведский король Густав Адольф, славно шведы дрались тогда, постоим и мы не хуже их!» — говорил генерал, и отряд, одушевленный присутствием, словами, доходившими до сердца солдат, и славным именем генерала, готов был лечь костями на месте, но не уступить его неприятелю, начинавшему уже показываться в отдалении. Передовые посты его легкой кавалерии медленно приближались, за легкой его кавалерией двигалась пехота. Весеннее утреннее солнце осветило позицию под гребнем возвышенности, скат который перед отрядом оканчивался зеленою ложиною, за нею поднималась другая, несколько меньшая возвышенность, предоставленная неприятелю. Перед полуднем колонны неприятельские стали сгущаться, кавалерия усиливалась, и генерал Ермолов привел к отряду русских гусар. С позиции, занятой русскими, можно было сосчитать неприятеля, выславшего часть своей кавалерии на наш левый фланг, занятый одним гренадерским батальоном. Наши гусары спустились в ложбину, встретили неприятеля и прогнали его, в ложбине остались одни удалые фланкёры. Они разогнали французских наездников, гарцевали по ложбине около нашего левого фланга и левее его, как бы вызывая на бой неприятеля. Противу русского отряда появилась французская артиллерия, и засветили по отряду ядра, но с отрядом был любимый русскими солдатами и Гвардейскими матросами бесстрашный генерал Ермолов, и отряд стоял как вкопанный, но вот и за отрядом взвилась густая пыль на дороге и быстро приближалась к позиции русской, стоя ниже гребня возвышенности, матросы не прежде могли разгадать причину густой пыли, как услышав наверху русскую команду: «Стой! С передков долой!» — не прежде, как увидели орудий наших и около них нашего генерала. В это время густые французские колонны начали спускаться на наш правый фланг, кавалерия французская, подержанная своею пехотою, выезжала на наш левый фланг, а артиллерия сыпала в отряд картечь и ядра. Отряд изготовился принять неприятеля, а артиллерия наша, направляемая отрядным генералом, остановила движение колонн. Французская кавалерия не смогла идти далее, и, наконец, наши пушки усмирили на время и неприятельскую артиллерию. Между тем приметно увеличилось войско на позиции, занятой неприятелем, и новые атаки поведены им на отряд, но отряд бодро отстаивал занятое им место. Отстаивал, пока не показалась в левой от отряда стороне извивавшаяся длинной изогнутой линией, блестящей стальными штыками, часть армии, сражавшаяся под Бауценом на левом фланге. Эта линия штыков одним видом усмирила французов, а отряд выждал вступления её на Большую дорогу, дал ей время встать в боевой порядок и, прикрываемый артиллериею и кавалериею, начал отступление левым своим флангом. Гвардейские же матросы не покидали своих орудий, пока не прошли линии графа Милорадовича и пока не приказано было Экипажу идти к городу Гёрлицу. Отступление от Бауцена произведено в таком порядке, что не оставлено неприятелю никаких трофеев, и Наполеон, не приобретя в этом сражении никаких выгод, с неудовольствием сказал: «Как после такой резни нет последствий! Нет пленных! Эти люди не оставят мне и гвоздя!»*

**Примечание М. Н.:* (в рукописи эта фраза написана по французски и переведена). Записки генерала Михайловского-Данилевского.

Такова была первая попытка Морской Гвардии в деле, признанном резнею, в деле, где Экипаж, поражаемый со всех почти сторон, не двинулся с места.

От города Гёрлица Морская Гвардия пошла к крепости Швейдницу в Силезии и близ этой крепости, близ деревни Якобсдорфа занялась пионерными работами. Там матросы сделали плотины для возвышения воды в этом пункте, входившем в боевую линию сражения, которое располагали дать тут. Но в Пойшвице заключено перемирие до 8 июля, и война смолкла на время. По этому перемирию демаркационную линией между воевавшими назначена река Эльба от Гамбурга до Магдебурга, отсюда эта линия шла почти по параллели через Трейенбрицкн и поднималась к Франкфурту-на-Одере, от Франкфурта спускалась на Кроссен, Глогау, Глибниц и Гrefенберг до Богемской границы. Гвардейский Экипаж на всё перемирие поставлен был в город Бриг-на-Одере, поблизости корпусной квартиры Его Высочества Государя Цесаревича в Хсипе. Понтонные и Пионерные работы, производимые Экипажем, бивуачная жизнь действовали на обмундировку Гвардейского Экипажа в особенности

сильно, и в Бриге этому Экипажу наравне с полками Гвардии доставлено сукно для летних мундиров и шинелей, выдан и сапожный товар. Городское начальство города Брига оказывало со своей стороны все возможные пособия, но сноровка и расторопность матросов не нуждались ни в чём, кроме поместительности, и в Экипаж явилась швальня, ткацкая для выткания басонов, чеботарня и мастерская для исправления ружей и обоза; в исходе июня Экипаж был одет, и во всей готовности выступить по первому повелению.

Не лишнее будет заметить, что в Гвардейском Экипаже того времени уже было принято правилом производить постройку амуниции и мундиров при Комиссии (?) и в Бриге эта Комиссия состояла из лейтенантов Титова, Валуева и Дубровина и мичманов Ушакова и Константинова, которая и приступила к действию 10 июня*.

**Примечание М. Н.: Приказ по Экипажу 9 июня в г. Бриге.*

(См. Илл. 56) Унтер-офицер и матрос Гвардейского Экипажа. 1812–1816 гг. Акварель [12].

(См. Илл. 57) Матрос Гвардейского Экипажа в штыковой атаке. Оловянная миниатюра. Коллекция автора. 2014.

Стоянка в Бриге навсегда останется в памяти служивших тогда в Гвардейском Экипаже не только по гостеприимному вниманию жителей всех сословий и попечительности их о русских воинах, но и по воинственному расположению и по готовности к войне всего юношества.

Недовольные перемирием как бы преддверием к миру, пруссаки усердно брались за оружие, жертвовали имуществом, припевая слова известного фихте... (?).

Пожертвования России увлекали к таким же жертвованиям и всю Пруссию. Резервы, приходившие из России, усугубляли воинственность пруссаков; и всё это, вместе взятое, производило особое, свойственное тому времени впечатление на Морскую Гвардию, увеличивало жажду её к бою и нетерпение в ожидании перемирия. Во время этого перемирия получено предписание Его Высочества от 22 июля за № 2470 о сформировании 8 июля в Санкт-Петербурге резервного Гвардейского Экипажа, о поступлении в этот Экипаж капитан-лейтенантов Качалова и Мандерштерна*, лейтенантов Денисьева,**

**Примечание М. Н.: *Впоследствии переведенного в Павловский полк.*

***Его сын служит в Гвардейском Экипаже и по сей час.*

Казина, Шуленникова, Лялина и Черкасова, мичманов Мусина-Пушкина, Балсунова, Набокова, Палтова и Балкашина и в Артиллерийскую команду этого Экипажа лейтенанта Семенова и унтер-лейтенанта Ларионова. Это предписание оканчивалось объявлением Высочайшего повеления, чтобы в резервный Гвардейский Экипаж не назначать особого командира, а состоять ему под командою капитана 1-го ранга Карцова. Во время же пребывания резервного экипажа в Петербурге заведовать им капитан-лейтенанту Качалову. 29 июля Командир Гвардейского корпуса Государь Цесаревич предписал Гвардейскому Экипажу выступить из Брига в Стрелен, 31-го прибыть во Франкентейн и 1 августа быть в Нейроде, там примкнуть к Гвардейской кавалерийской дивизии до соединения с пешею Гвардией. Моряки, исполнив это приказание и соединившись со своей пехотой, вступили в своё место в 1-й Гвардейской дивизии на левом фланге Гвардейских егерей. 15 августа по приказанию генерал-лейтенанта А. П. Ермолова Экипаж занял позицию у местечка Дона в горах около Дрездена.

В этот самый день 15 августа происходило сражение под Дрезденом. Неудача атаки на столицу Саксонии заставила соединенную Русскую, Австрийскую и Прусскую армии отступить в Богемию через горы и, главное, по дороге на Дипподисвальде, Альтенберг и Циннвальде. Местечко Дона находится между Дипподисвальдом и Пирною, тогда занято русскими. Вандам с 35 тысячным корпусом*

**Примечание М. Н.: Теперь считают у Вандама сорок тысяч, исключая помощи, посланной ему Наполеоном с Сен-Сиром, но не дошедшей до Вандама.*

переходил на левый берег Эльбы в Кёнингштейне и тем заставлял Его Высочество Принца Евгения Вюртембергского отходить от Пирны, стягивать свои колонны для удержания за собой пути отступления на Петерсвальде. Первая Гвардейская дивизия, состоявшая из полков Преображенского, Семеновского, Измайловского, Егерского (ныне Гатчинского) и Гвардейского Экипажа с несколькими дивизионами Гвардейской кавалерии и своею артиллериею, под начальством графа Остермана-Толстого при генерале Ермолове, 15 августа подоспела ко 2-му корпусу принца Вюртембергского, встала в его центре от Дона к Кенингштейну и через дорогу, ведущую к Питерсвальде. Весь день 15 августа прошел в пререстрелках. Вторым корпусом твердо выдержал усиливающиеся атаки Вандама, войска которого по мере перехода через мост в Кёнингштейне усиливались. 16-го граф Остерман-Толстой должен был по распоряжению главного начальства идти от Дона на Максен и в Дипподисвальде соединиться с отступавшими от Дрездена войсками Барклая де Толли. Но этим движением Первая Гвардейская дивизия открывала Вандаму свободный путь на Петерсвальде, давала неприятелю возможность вторгнуться в Богемию, прежде чем наша армия выйдет из гор, и, наконец, подвергала опасности Императора Александра I, а с ним и короля Прусского. Недолго думали наши генералы, они командовали отборным русским войском, готовым на всякое самоотвержение. Принц Вюртембергский сказал: «В настоящем положении дел гвардии не предстоит славнейшего подвига, как принести себя в жертву для спасения остальной армии». И первая Гвардейская пехотная дивизия героически обрекла себя на эту жертву. С дивизиею и при войсках были герои: принц Вюртембергский, граф Остерман и Ермолов, имя которого и присутствие двигали сердца русских воинов. Принц повел ложную атаку на Гросс-Коту и Кричвиц, Ермолов взял лейб-гвардии Егерский полк и два полка пехоты 2-го корпуса, пострадавшие от неприятеля, и уланов того же корпуса и пошел к Кольбергу.

Гвардейский Экипаж единогласно просил не отделять его от Гвардейских Егерей, но ему после Дона досталось другое место — Гегсгюбель. Погода во все эти дни была ненастная, проливные дожди растворили землю, сильные ветры наносили осеннюю температуру, проселочные пути в горах сделались едва проходимыми, и только главный путь на Петерсвальде не был лишен всех удобств к движению войск. И чтобы не загромождать этот путь во время отступления артиллерии и кавалерии и не стеснять его — все тяжести 1-й Гвардейской Дивизии приказано было отправить на Дипподисвальде.

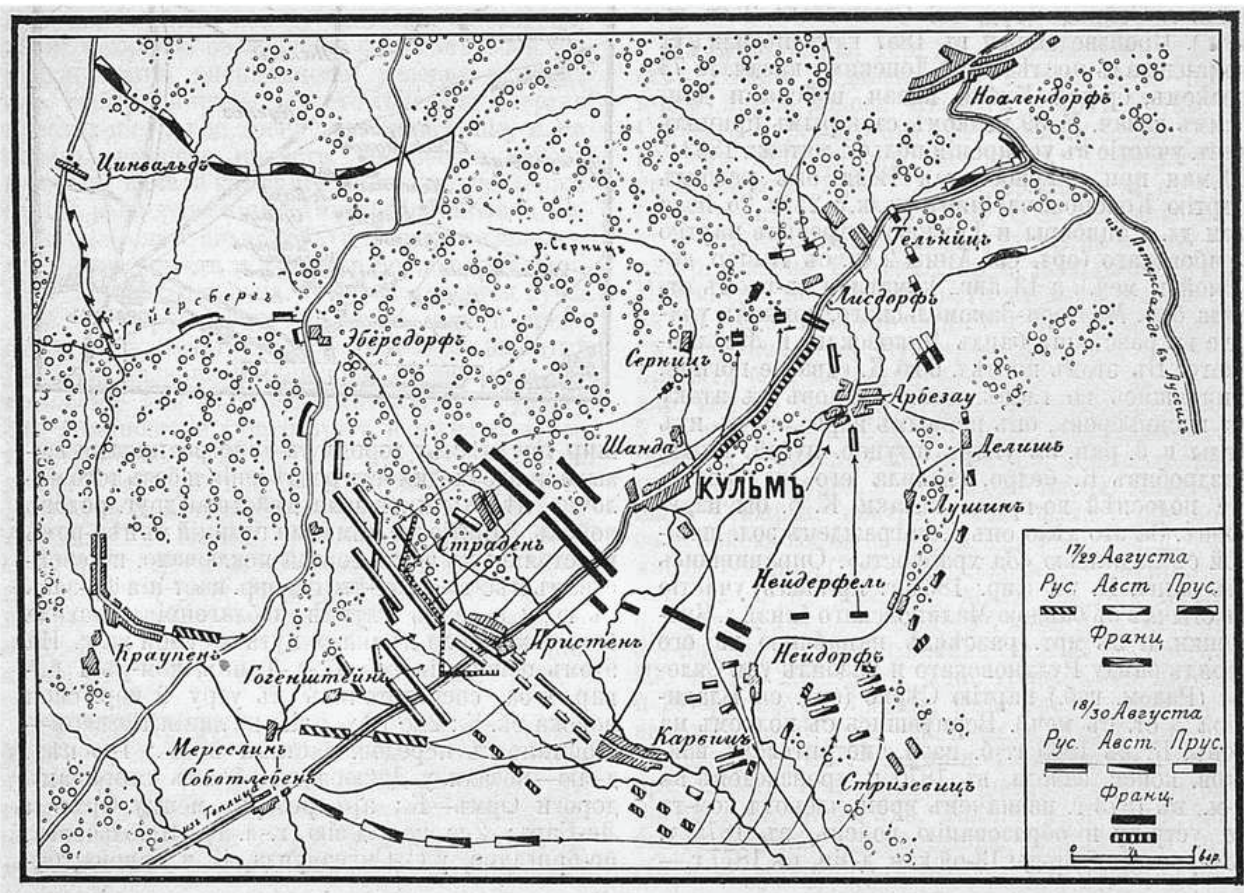
Растерялся в соображениях Вандам, атакованный на двух пунктах — принцем Вюртембергским и Ермоловым, но, добываясь жезла фельдмаршала, обещанного ему Наполеоном, когда пробьется с корпусом в Теплиц, и, выставя противу 2-го корпуса достаточные силы, устремился сам к Кольбергу.

Генерал Ермолов потребовал к себе лейб-гвардии Измайловский полк, а полки лейб-гвардии Преображенский, Семеновский и Гвардейский Экипаж отступили к Гишюбелю правым флангом. Подойдя к этой деревне лейб-гвардии. Преображенский, шедший в голове отступающей колонны, нашел путь к Гишюбелю занятым французами при нескольких орудиях, и штыки преобразенцев очистили дорогу. Гренадеры этого полка бросились на высоты полка влево от дороги, они казались гигантами, готовившимися погresti под обломками скал мелких французов, и только поспешное удаление и спасло их от смерти. Спокойно пошли Преобразенцы к Гишюбелю, а за ними и Семеновцы, а Гвардейский Экипаж весь совершенно рассыпался в стрелки влево от дороги, и параллельно ей к Экипажу примкнул батальон Ея Высочества Великой Княгини Екатерины Павловны. Дождь и сырость в воздухе препятствовали успехам перестрелки, зато работали штыки, и шедшие в цепи стрелки не раз собирались в кучи и штыками отгоняли французов. Здесь сильно надоедали матросам и стрелкам Великой Княгини Екатерины Павловны французские вольтижеры, отличавшиеся желтыми выпушками, и были славно наказываемы. Влево от дороги к Гишюбелю, по направлению дороги и недалеко от нее протекал ручей, он пересекал дорогу в этом селении, и высокой деревянный мост был перекинут через этот ручей; переправа по этому мосту должна была приостановить движение колонны, но подошли полки лейб-гвардии Измайловский и Егерский. Первый прошел за цепью Гвардейского Экипажа, а Гвардейские Егеря помогли совершенно сбить французских вольтижеров. Голова колонны пробилась на штыках, а егеря и моряки, избегая на высоты, доканчивали поражение вольтижеров. Нравственная и физическая сила первой Гвардейской пехотной дивизии разрушила первую попытку французов перерезать ей путь отступления, и Гвардейская дивизия, а за нею и сильно пострадавшие войска принца Вюртембергского пошли к Гелендорфу, преследуемые неприятелем не только в тылу, но и с обеих сторон дороги, проложенной между гор, и каждому из батальонов первой Гвардейской пехотной дивизии и не один раз, а часто приходилось выбивать заходивших по сторонам неприятелей. Французы между тем по ближайшей дороге от Кенингштейна успели предупредить дивизию

в Гелендорфе. Раздался голос Ермолова, и по слову его штыки русские очистили путь отступления. Здесь штыки семеновцев работали славно, и семеновцы явились во всей своей славе, и 1-я Гвардейская Дивизия, уничтожив второе сильное покушение неприятеля стать на операционной её линии, спокойно дошла к вечеру 16 августа до Петерсвальде. Прошла это селение и остановилась на ночь на открытом месте около опушки леса, а сильно пострадавший 2-й Корпус остановился около Петерсвальде; Гвардейский Экипаж, следуя примеру лейб-гвардии Егерского полка, не отставал от него и, смешавшись с ним, удерживал на отступлении натиск неприятеля.

Ночь с 16 на 17 августа проведена под ружьем, и только пламенное усердие согревало воинов в сырую и холодную весеннюю ночь в горах, даже генералы наши не разводили для себя огня, и далеко еще до рассвета без малейшего шума первая Гвардейская дивизия двинулась через Геллендорф к Кульму на избранную генералом Ермоловым позицию; перед рассветом в горах плавал туман, а небо начинало понемногу очищаться от туч, и восходящее солнце, многие дни скрытое облаками, проникая сквозь туман, предвещало ясный день. 17 августа прояснились и мысли Вандама, узнавшего, как малочисленно войско русское, упорно удерживающее его и вырывающее у него из рук обещанный Наполеоном маршальский жезл. Наши немногочисленные войска отступали от Петерсвальде к Геллендорфу, и первая Гвардейская дивизия без тревоги миновала это селение; озлобленный Вандам, стянув к оставленному нами Геллендорфу все свои войска, воспользовавшись опадавшим густым туманом, со всеми силами напал неожиданно на слабый арьергард 2-го Корпуса, обхватив его с флангов и фронта, на груди его дошел до Ноллендорфа и употребил все усилия и способы и, заняв две дороги, расходящиеся от этого селения, пробиться на Теплиц. Но принц Вюртембергский потребовал от Гвардии помощь, и полки лейб-гвардии Измайловский и Егерский укротили запальчивость французов. И Гвардия, не тревожимая более, прошла Кульм, заняла избранную генералом Ермоловым позицию, расположив центр за Кульмом у деревни Пристенъ, правый фланг к селению Карвиц, а левый — к селению Страденъ. Эта позиция сближала левый фланг с нашею армиею, шедшею в горах, а правый фланг мог и во время действий наблюдать, чтобы неприятель, принявший влево от Ноллендорфа, не обошел наше правое крыло.

(Илл. 58) Карта сражения при Кульме 17–18 августа 1813 года [23].

Первая Гвардейская пехотная дивизия построилась в две линии в колоннах к атаке, пересекая большую Теплицкую дорогу и упираясь левым флангом в горы, покрытые редким лесом. Дивизионы кавалерии поставлены на правом фланге к селению Карвицу. Часть войск второго корпуса оставлена для обороны Кульма, остальные же войска этого корпуса заняли Пристенъ, Гвардейский Экипаж поставлен в резерв левее дороги, а лейб-гвардии Егерский полк и несколько армейских егерей, пройдя перед нашим левым флангом, заняли Гейерсберг, через который отходившая от Дрездена армия и Император Александр должны были выходить, чтобы выйти на Теплицкую дорогу.

Путь армии от Дрездена на Динподисвальде и Альтенберг, испорченный продолжительными дождями, был загроможден артиллериею и тяжестями. Пехота и кавалерия пробиралась по тропинкам, наши генералы под Кульмом знали это, и Ермолов, объезжая Гвардейские батальоны, с достоинством Русского Вождя объяснил долг каждого не уступать далее ни шагу: «Честь и слава Гвардии Императора Русского обязывает каждого из нас лечь костями на этом месте», — сказал генерал, и громкое «Ура!» было ответом. Государь наш Сам направлял войска в горах для поддержания Гвардии под Кульмом.

Уверенность Императора в стойкости и храбрости Гвардии Его была так основательно велика, что Его Величество располагал уже 18 августа дать решительное сражение, когда первая Гвардейская пехотная дивизия удержит Вандама под Кульмом, и Александр не ошибся, с его Гвардией был генерал Ермолов. Прусский король Фридрих Вильгельм прислал своего флигель-адъютанта к графу Остерману, просить его держаться сколько можно долее.

Гвардейский Экипаж недолго стоял в резерве. Командир Экипажа и офицеры, устраивая ряды, просчитывая стрелков, с трудом сдерживали храбрость и рвение матросов, все без исключения рвались вперед, музыканты просили ружей и патронов, между тем всякой был уверен в том, что Экипажу придется быть впереди. Для этого сочли нужным для (?) сохранения своего места на позиции назначить своим сборным пунктом стоявшее на лугу фруктовое дерево с тем, чтобы далее этого дерева морякам не отступать, но, сформировавшись под деревом, идти снова вперед. И вот в 10 часу утра при солнечном сиянии заблестали штыки и оружие французов, раздался гром орудий в ущельях гор. Цепь французских стрелков начала спускаться с гор, колонны неприятеля шли за цепью, Пристенъ и Страденъ атакованы в одно время. Гвардейские егеря притянуты к Страдену, французы сгущались, сильно атаковали наш центр и левый фланг, и загорелось сражение, и всё пришло в движение. Измайловцы подкрепили Страденъ, Гвардейский Экипаж занял их место в линии левее Семеновских.

Измайловцы и Егеря прогнали французов от Страденя. В центре французы прогнаны Преображенцами, Семеновцами и Гвардейским Экипажем. При этом случае команда Гвардейских моряков попала в столь сильный перекрестный огонь французских вольтижеров, что ей надобно было дойти до них и штыками выкалывать их. Тут капитан-лейтенант Титов ранен в левый пах и вынесен из дела.

Стихли на минуту французы, и батальоны наши отошли на позицию, и Морская Гвардия рассыпалась в стрелки. Но ненадолго смолкли французы, войска их выстроились на возвышениях в лесу и уже колоннами начли спускаться с гор. Сомкнулись и моряки, и на левом фланге Семеновских встретили неприятеля, Преображенцы приняли вправо, обхватили неприятеля слева, и вся линия ударила в штыки. Непродолжителен был рукопашный бой — прорвавшихся французов встретили Гвардейские кавалерийские дивизионы, и французы прогнаны снова, моряки рассыпались опять. В этой схватке убит лейтенант Константинов и ранен лейтенант Римский-Корсаков в левое бедро. Не один ещё раз пытались французы пробиться сквозь полки первой Гвардейской дивизии, пытались сбить их с места, но попытки их не удавались, батальоны этой дивизии по слову генерала Ермолова собирались, строились, ходили в штыки и рассыпались, предупреждая везде неприятеля. Схватки эти походили на сильный прибой, прибой волн на утес. Быстро взбежит волна на утес, омоет его и быстро сбежит вновь на минутный покой. В этих схватках в цепи нашей ранен лейтенант Дубровин, а в преследовании неприятеля ранены лейтенанты Лермонтов 2-й и Ушаков. При Экипаже кроме командира оставались только два старших лейтенанта Чихачев и Валуев незадетыми. А потому, легко раненные, два последних офицера, перевязав наскоро раны свои, остались в цепи стрелков. Лейтенант Дубровин, раненный в плечо, после перевязки также явился опять во фронт.

Нельзя выставить каждые из движений и атак Морскою Гвардию и другими полками первой пехотной Гвардейской дивизии во весь день 17 августа. В Экипаже расстреляны были все патроны, и матросы сами по собственному увлечению вынимали патроны из сум убитых и раненых сослуживцев своих и делили между собою. Так, два матроса, Ефим Власов и Муртаза Мурдалеев, бывшие

в паре вблизи офицера во второй схватке с французами, шли вперед, пуля пробила Власову лоб и череп, и Власов упал лицом на землю и умер. Мурдалеев тотчас принялся вынимать из сумы Власова патроны, и, когда офицер, не понявший действий Мурдалеева, закричал на него, тогда тот, показывая спокойно на выбранные патроны, отвечал офицеру: «Ваше благородие, Власову орехи уже не нужны, а я ими попотчую ими француза».*

**Примечание М. Н.: Рассказ офицера, тут же действовавшего.*

Тут видно присутствие духа, сметливость и хладнокровие. Русские прочтут с благоговением донесение об этом сражении наших действовавших под Кульмом генералов. Мы же действовавшие в ответ на отзывы их скажем: мы не могли иначе действовать, с дивизией были Вы, перед дивизией в горах наш Государь Александр I. Генералы наши в донесениях своих, описывая бой под Кульмом и объясняя один их моментов отражения неприятеля, доносили: «Одна из неприятельских колонн скрылась в лесу, другая огонь дерзости угасила в крови своей: охваченная со всех сторон, она легла мертвыми рядами на равнине. Все войска сражались с невероятным мужеством: лейб-гвардии полки покрыли себя славою. Неприятель возобновил атаки, употребляя все усилия, и всё разрушилось о твердую грудь неустрашимых, нет ужасов, могущих поколебать неустрашимых. Ермолов, имя которого неразрывно связано с Кульмом, заменив лишившегося руки в этот день, 17 августа, графа Остермана, доносил: «Не скрыл я, что армия находится в горах и скоро выйти не может, что Государь при ней и ещё не возвратился. Не был я в положении поощрять солдата: сколько неустрашимы служащие, им примером. Начальники их, сколько каждый горел усердием, что я находился в необходимости укрощать тех и других пылкость. Каждый превосходил себя». Повторим ещё раз: с дивизией были Вы перед дивизией Государь, о котором и победитель при Гогенлиндене генерал Моро, подле Государя тяжело раненный под Дрезденом, в (?) сказал: «Милости Александра налагают на меня обязанность умереть за него. И како недостаточно, то высокое мнение, которое я составлял об этом ангеле кротости и умеренности».*

**Примечание М. Н.: Les bontés d'Alexandre m'imposent le devoir de mourir pour lui; Ah! Combien l'isée avantageuse que je m'en étais formé, est au dépens de cet ange de douceur et de modération.*

Записки (непонятна ссылка)

(*Ум Александра навязывает мне, что мне придется умереть в битве с ним. Ах, сколько интересных идей у меня появлялось в зависимости от этого приятного и сдержанного гения.)

Записки (непонятна ссылка)

Проведя весь день 17 августа в бою, Гвардейский Экипаж вечером в девятом часу начал сменяться Перновским Гренадерским полком. Звук орудий умолкал, и только редкая перестрелка в цепи продолжалась до темноты, с этою темнотою начали собираться и все чины Гвардейского Экипажа, по смене их на местах битвы, на условленное место под фруктовое дерево. Совершенная темнота кончила действие 17 августа, а военная история свято сохранит на веки память о Кульмском бое.

Первая Гвардейская пехотная дивизия отведена на ночь на места, назначенные для главного резерва, дабы очистить нужное пространство под боевые линии выходившей из гор армии. В продолжение ночи получено приказание построиться в полубатальионные колонны, и вся дивизия утром расположилась у Теплицкой дороги в двух линиях, Гвардейскому Экипажу досталось стоять несколько спереди бывшего перевязочного пункта. Император Александр еще 17 числа послал собственноручное повеление прусскому генералу Клейсту,*

**Примечание М. Н.: Генерал Михайловский-Данилевский основывает это на фактах, а Гибер, упоминая об этом, опровергает и приписывает движение Клейста случайности. Опровержение очень слабо и недостаточно — потому что основано на догадках.*

бывшему у Ценвальда, чтобы он шел на Гейерсбург и на другой день напал на правый фланг Вандама сзади. Но дороги до того были испорчены дождем и загромождены, что войску генерала Клейста

пришлось идти на Петерсвальде к Ноллендорфу, а этим движением он зашел французам совершенно в тыл.*

**Примечание М. Н.:* Появление Клейста в тылу может назваться случайностью, но не движение его от Ценвальда

Рассвет 18 августа открыл неприятелю, расположившемуся по склонам гор, наши боевые линии. Часу в седьмом утра французы открыли слабый огонь из орудий, русские не завязывали дела, давая время пруссакам Клейста исполнить повеление нашего Государя и, сверх того, прибыть войскам, назначенным обойти левый неприятельский фланг. В девятом часу дело началось кавалерийскою атакою, пехота начала наступательные движения, неприятель не устоял.

В одиннадцатом часу послышались выстрелы орудий Клейста, и вся боевая линия двинулась вперед, и неприятель обращен в бегство. Но, встреченный на пути отступления Клейстом, был обхвачен со всех сторон, и во втором часу уже 35-тысячного корпуса Вандама не существовало, пробилась только часть его кавалерии, а корпусный командир генерал Вандам, четыре генерала, двенадцать тысяч пленных со знаменами, восемьдесят четыре орудия, двести зарядных ящиков и весь неприятельский обоз были трофеями этого дня, подготовленного первою Гвардейскою дивизиею, к которой принадлежала Морская Гвардия.

Пленные проходили колоннами при своих офицерах. Вандам ехал верхом на казацком седле и на казацкой лошади, которую вел казак и под конвоем казаков. Так кончился этот знаменитый бой Кульмский, спасший Богемию. Но Гвардия в этот последний день не принимала участия в деле, и её отвели к Теплицу.

Тут приехал Государь и, поздравляя Гвардию с победою и объявляя о трофеях, изволил объявить о полученном донесении от Блюхера об одержанной при Кацбахе над неприятелем победе, и громкое восторженное «Ура!» огласило все окрестности, известие это увеличило радость и торжество этого дня. Генералы наши увековечили этот день донесениями своими, ярко очертав в них действия Гвардии. «Мне остается, — доносил граф Остерман, — благодарить провидение, вверившее мне храбрые полки Гвардии, которых свет вечно будет чтить славу, а неприятель чувствовать поражение».*

**Примечание М. Н.:* Говоря о поражениях, нанесенных неприятельским колоннам, в одном из донесений сказано: «Одна из них огонь дерзости угасила в крови своей, другая, будучи охвачена со всех сторон, легла мертвыми рядами».

«Надобно бы было, — представляет генерал Ермолов, говоря об отличившихся, — представить список всех вообще. Не представляю и о нижних чинах: надобно исчислить все ряды храбрых полков, имеющих счастье носить звание лейб-гвардии Государя, ими боготворимого».

Выражения этих представлений дают Гвардейскому Экипажу, подвизавшемуся наравне с другими полками Гвардии, неотъемлемое право с благородною уверенностью принимать эти похвалы и на свою долю.

Кончилась битва, но в Гвардейском Экипаже оставалась сильная забота об обозе его, который, как было уже известно, не попал в Дипподисвальде, а задержан был неудобством пути между этим селением и Ноллендорфом в лесу. Обоз этот, как и всей Гвардейской первой дивизии, уже 17 числа считали оставленным неприятелю. Но генерал Клейст дал знать, что русские обозы покинуты неприятелем, и поэтому командир Гвардейского Экипажа послал немедленно адъютанта Экипажа к Ноллендорфу для отыскания обоза и принятия мер к доставлению его в Экипаж. Была уже ночь, вошла полная луна во всем блеске, и адъютанат отправился верхом, ему пришлось проезжать по местам двухдневных битв, ему встречались форштань*,

**Примечание М. Н.:* длинная обывательская телега.

наполненные ранеными, встречались казаки, ловившие бродивших по лесу французов уничтоженного неприятельского корпуса. Въехав в лес и проехав несколько вперед к Ноллендорфу, адъютанат усмотрел в лесу у лесничьего дома огонь, распознал людей, около того огня сидевших, это были прусские ландверы. Они объяснили адъютанту, как найти место, где стоят русские обозы, и посланный скоро

отыскал его. Французская новая почетная Гвардия потешилась над обозом. Фуры были опрокинуты, и из них всё рассыпано и разграблено, казначейский ящик взломан, и бумаги все выкинуты, а на месте их лежал старый австрийский солдатский мундир, до казны же французы не добрались. Одни патронные ящики остались неприкосновенными, лошади бродили по небольшому лугу, частью легкораненые, построжки частью перерублены, немногие раненые фурлейты подобраны и успокоены пруссакими. Один из обозных офицеров, шкипер Поспелов, недавно произведенный в этот чин, получив 7 ран, умер на месте, а начальник обоза шкипер Романов, тяжело израненный, был под попечением наших военных сотоварищей пруссаков. Романов, увидев французскую кавалерию, шедшую в карьер к обозу, успел, однако ж, построить его к каре упряжью внутрь. Имея при обозе небольшой караул и, кроме того, несколько свободных ружей убитых под Бауценом, вооружил ими фурлейтов и расставил их и караульных между фурами. Кавалерия наскочила, и первый упал под ударами сабель храбрый Романов, убит Поспелов, нижние чины обезоружены, и начался грабеж. Романов лежал на земле лицом вниз, страдая, и просил воды, тогда один из французских почетных гвардейцев, с достоинством народа высшего образования, народа храброго, вонзил пику в поясницу полумертвому. Храбрый Романов получил пять ран почетной Наполеона гвардии, и только две, защищаясь, а остальные три лежащим и уже почти полумертвым. Впрочем, это не в укор почетной гвардии, во Франции нет пословицы «лежачего не бьют», это пословица русская.

Адъютант Гвардейского Экипажа, приведя в порядок по возможности обоз свой, собрал при помощи оставшихся фурлейтов нераненых лошадей, заменил убитых и тяжелораненых легкоранеными, приказал сплести построжки и успел к утру доставить в Экипаж под Теплицы патронные ящики, а к полудню и весь обоз.

Заклучим описание этих славных дней 15, 16, 17, 18 августа приказом Императора Александра I своей Гвардии.

В этом Высочайшем приказе, имеющем вид рескрипта, является возвышенность души Государя, души, исполненной признательности к доблестям его Гвардии. Этот приказ или рескрипт вдвойне драгоценен Гвардейскому Экипажу как признательности и награды Монарха, так и потому, что он составлен Государственным секретарем вице-адмиралом Шишковым, выразившим постоянно в продолжение всей войны высокие чувства и мнения Государя во всех знаменитых того времени Манифестах, рескриптах и воззваниях. Приказ этот подписан ровно через год после Бородинской битвы.

«Российской Императорской Гвардии

В достопамятный день седьмого на десять числа сего месяца, храбрые Гвардейские воины!

Покрыли вы себя новыми неуязвимыми лаврами и оказали важную Отечеству услугу. Вы в малом числе удержали и с неслыханным мужеством поразили превосходного в силах врага, порывавшегося с лютостью при Теплицах простирать далее шаги свои в Богемию.

Вы грудью своею остановили его, нанесли ему страшный удар, и тем открыли путь к воследовавшей потом на другой день совершенной победе. Знатный неприятельский корпус весь без остатка побит, истреблен и рассеян.

Главнокомандующий оным со всеми прочими генералами, штаб- и обер-офицерами и двенадцатью тысячами рядовых взят в плен, восемьдесят одна пушка со множеством зарядных ящиков и обозов досталась в наши руки.

Воины! Телохранители и защитники Государства! Вы доказали, что достойно и праведно честь имени сего на себе носите.

Изъявляю Вам всего Отечества и Мою благодарность.

Вы вместе с бессмертною славою купили её кровью своею и делами.

В знак должной признательности дарую вам: Преображенскому и Семеновскому полкам и Гвардейскому Морскому Экипажу, Георгиевские Знамена; Измайловскому и Егерскому Георгиевские трубы.

Рука Господня да хранит вас поборающих по вере и правде.

Подлинный подписан: Александр

Теплиц, 26 августа 1813 год».

Примечание авт.: За этот героический бой 111 офицеров и матросов Гвардейского Экипажа были награждены русскими орденами и медалями. Король Прусский также наградил четырех офицеров Экипажа своими орденами и медалями и учредил особый Кульмский крест, которым впоследствии были награждены все участники Кульмского боя. Австрийский император наградил

одного офицера Экипажа орденом и трех матросов медалями: одного золотой, а двух других серебряной. На месте героического боя при Кульме был вначале установлен австрийский памятник с изображением наверху богини победы Ники, но позже был заменен чехами на более простой — стелу с памятной доской. Бывший Кульм называют сейчас в Чехии как Хлумец.

Победа при Кульме — первая победа над французами, при которой лично присутствовал Император Александр I, имевший полное право приписать себе одержанный успех. Поэтому он представлял себе войну только с этого времени, о другом — Бородине — не хотел вспоминать. Он никогда не был на местах побед русского оружия. А при Кульме стойкость гвардии спасла Императора Александра I, она вознесла его на небывалую высоту.

О Кульмских крестах известно следующее. Прусский король Фридрих-Вильгельм III, который наблюдал за ходом сражения под Кульмом, объявил, что награждает всех русских гвардейцев за стойкость в бою. Единственной солдатской наградой в распоряжении прусского короля был учреждённый весной 1813 года «Железный крест», однако он давался только прусским подданным за вполне определённые воинские подвиги. Осознав, что не может наградить разом более 10 тысяч человек без принижения статуса ордена «Железного креста» («Железным крестом» за войны 1813–1815 гг. было награждено всего около 11 тысяч пруссаков), прусский король учредил особый наградной знак — «Кульмский крест». В декабре 1813 года одной из берлинских шёлковых фабрик дают заказ изготовить 12 тысяч Кульмских крестов, так как поначалу решили воспользоваться прежней идеей об изготовлении крестов из чёрной шелковой ленты с белой каймой, а для прочности укрепить ленту бумагой. Однако комиссия по учреждению Кульмского креста, осмотрев ленточные образцы, такой проект отклонила и сделала другой заказ: на солдатские кресты из железа с серебряными и бронзовыми рантами и из серебра — для офицеров. Первые кресты изготавливались из металла трофейных кирас французских кирасир самими награждёнными после того, как они узнали о своём награждении.

Изготовленные в Берлине Кульмские кресты были доставлены в Петербург только в мае 1815 года в количестве 443 офицерских крестов и 11 120 солдатских. В апреле 1816 года на параде произошло вручение 7 131 креста.

Командующий Гвардейским корпусом генерал Милорадович отдал следующий приказ: «Государь Император и Союзные монархи вместе с целой Европою отдали полную справедливость непреодолимому мужеству, оказанному войсками российской гвардии в знаменитом бою при Кульме в 17 день августа 1813 года. Но его Величество Король Прусский, желая особенно ознаменовать уважение Свое к отличному подвигу сих войск, соизволил наградить их Знаком Отличия Железного креста...»

Солдатские кресты чеканились из тонкой жести размером 43х43 мм и покрывались черной краской за исключением краёв на лицевой стороне, покрытых серебристой краской. На плече креста было два отверстия для пришивания к мундиру.

Офицерские кресты изготавливались из листового серебра и покрывались на лицевой стороне черным лаком с оставленными выступающими серебряными краями. Стандартный вариант на обороте имеет булавку для крепления к мундиру. Однако существует много модификаций крестов, изготовленных, видимо, в России по заказу офицеров в мастерских, так как внешний вид креста не регламентировался статутом. Известны экземпляры с шариками на уголках креста для пришивания к мундиру.

(См. Илл. 59) Офицерский «Знак отличия Железного креста» (Кульмский крест) [24].

(См. Илл. 60) Солдатский «Знак отличия Железного креста» (Кульмский крест) [24].

На первом Георгиевском знамени, которым был награжден Морской Гвардейский Экипаж за Кульм, надпись гласила: «За оказанные подвиги в сражении 17 августа 1813 года при Теплице». Это знамя было даровано Экипажу Императором Александром I приказом от 26 августа 1813 года в Теплице. Но вскоре оно было заменено другим Георгиевским знаменем с надписью «За оказанные подвиги в сражении 17 августа 1813 года при Кульме». Проект этого знамени разработан

генералом Аракчеевым и утвержден Императором 22 декабря 1813 года во Фрейбурге. По этому проекту в 1814 году были изготовлены и вручены, взамен прежних, восемь знамен гвардейским полкам и Морскому Гвардейскому Экипажу [11].

(См. Илл 61) Знаменщик Гвардейского Экипажа с Георгиевским знаменем. 1813 г. Акварель [12].

(См. Илл. 62) Знаменщик Гвардейского Экипажа с Георгиевским знаменем. Оловянная миниатюра. Коллекция автора. 2014.

Примечание авт.: Уместно здесь описать и сам факт пленения французского командующего — маршала Вандама. В конце боя он с кавалькадой офицеров своего штаба вынужден был спасаться бегством от преследования русскими казаками. Увидев в пылу скачки русского штаб-офицера и приняв его за генерала, Вандам быстро остановился, слез с коня и протянул свою шпагу капитану 2-го ранга Колзакову П. А. — офицеру Гвардейского Экипажа, который был адъютантом Великого князя Константина Павловича и находился на поле боя с поручением. Но Колзаков передал Ванدامу для конвоирования взводу конногвардейцев под командованием ротмистра Сталя, а сам вернулся к Императору Александру I и громким голосом возвестил о пленении французского командующего. Великий князь Константин Павлович приказал Колзакову тут же сопроводить его к маршалу Вандаму, который позже при встрече с Его Высочеством назвал его «сир», приняв за Императора, и второй раз протянул для сдачи в плен свою шпагу. Затем, когда его уже доставили к Александру I, Вандам в третий раз повторил свою фразу о сдаче и, наконец, отдал шпагу, которую Государь велел принять князю Волконскому [11].

Отдохнули Гвардейские моряки 19 и 20 августа, поправились, наполнили патронные сумы патронами, а фуры провиантом и готовились к новому назначению подобно тому, какое им дано было после сражения под Бауценом, и 21 августа были командированы в отряд инженер-генерала Карбоньера. Этот отряд состоял из Гвардейского Экипажа, нескольких инженерных офицеров и взвода казаков, к нему должны были присоединиться прусские волонтеры уже на правом берегу Эльбы. Отряд должен был идти на Кульм и, не дойдя до Ноллендорфа, поворотить направо на Тетшен, там переправиться на правый берег Эльбы, на другой день прибыть в Аусси, на третий в Крепость Терезеенштадт (Лентмериц тоже) собрать по пути сколько можно больше лодок разной величины, из которых некоторые наполнить горючими материалами и взрывными снарядами и приготовить таким образом брандеры, спуститься с ними по течению Эльбы через Ауссиг к Тетшену, а оттуда спуститься к Кёнигштейну под прикрытием прусских волонтеров, разорвать и истребить там построенный французами мост.

Прием, сделанный отряду в Тетшене, был прием торжественный. Победа под Кульмом была уже известна, и небольшой отряд от войск, поразивших неприятеля, явился в город как бы в подтверждение этой победы, в успокоение встревоженных жителей.

Все в городе вышли навстречу отряду с радушием и на перерыв предлагали офицерам и нижним чинам ночлег в домах своих. Но, получив отказ и соглашаясь, что отряд для безопасности города должен расположиться на бивуаках перед городом, вынесли на бивуаки для отряда солому, сена, овес, дрова, водку, вино и пива, хлеб и мясо и, наконец, вынесли и постели. Одни инженерные офицеры, состоявшие при генерале Карбоньере, поместились в городе. Такой же прием был отряду в Ауссиге. Но формальность австрийцев в Леитмерица и медлительность их действий лишали возможность исполнить это лестное Экипажу поручение в короткое время. А потому, пока готовились брандеры, командир Гвардейского Экипажа послал Экипажного адъютанта с казначеем в Прагу для собрания сведений о раненых офицерах и нижних чинах и для доставления офицерам Всемиловнейше пожалованных каждому штаб- и обер-офицеру по сорока червонцев. Прага от Леитмерица или Терезиенштадта отдалена на десять миль. Адъютант Экипажа пробыл в отсутствии около трех дней и нашел в Праге капитан-лейтенанта Титова, лежащего в постели. Он был помещен в доме Князя Коллорадо, имел от своего приветливого хозяина домашнего доктора и был окружен всем, что только комфорт того времени придумать мог. В Праге был и лейтенант Римский-Корсаков. Он был помещен в доме богатого негоцианта, имел также доктора от своего хозяина и не нуждался ни в чём. Жесто-

ко израненный шкипер Романов был также в Праге. Он был принят и помещен во временный лазарет, устроенный иждивением и попечением двух русских дам, графиней Витгенштейн и графиней Остерман-Толстою. Графини, как простые сестры милосердия, ходили за ранеными офицерами и нанимали достаточную прислугу, упрашивали офицеров строго исполнять предписания медиков, сами наблюдали за этим, были переводчицами между ранеными и медиками и, платя дорого сим последним, покупая медицинские пособия, не отказывая ни в чем раненым, как, например, шкиперу Романову предписаны были животные ванны, и он получал их. Адъютант Экипажа не забудет никогда того, что в этом лазарете два раза перевязывали ему легкую его рану и предупредили воспаление. Нижних чинов в Праге не было. Вручив офицерам Гвардейского Экипажа пожалованные Государем деньги, адъютант возвратился в Леитмериц, донёс об этом командиру Экипажа.

5 сентября брандеры были готовы, 6-го Гвардейский Экипаж спустился с ними к Тетшену с генералом Карбоньером и несколькими инженерными офицерами, здесь соединились с прусскими волонтерами, а в ночь с 7 на 8 сентября, прикрытые этой отборною, столь же храброю, сколь и образованною прусскою молодежью, подошли незаметно к Кёнигштейну, спустили зажженные брандеры, взорвали мост и спокойно выгребли противу течения к сборному месту на правом берегу Эльбы, живое участие инженеров содействовало много успеху предприятия, им и честь, и слава.

В очерке собственно Гвардейского Экипажа излишне было бы рассматривать и вникать в предначертания наших Главнокомандующих, все действия и движения армий наших и объяснять причины, побудившие истребить переправу на Эльбе в Кёнигштейне, тем паче, что и поныне ещё многое не разъяснено, писатели не со всем согласны, а потому скажем коротко, что войска наши по возможности сосредоточились в Богемии и Саксонии.

Северная армия, отстоявшая Берлин, и Силезская после победы их выходили на сообщения Наполеона. Кульм, Гросс-Берен, Кацбах и Денневиц одушевили храбрые войска. Открылись партизанские действия в Германии отдельно от армий. Барон Тетенборн взял Бремен, генерал Чернышев занял Кассель и прокламациею уничтожил Вестфальское королевство, вся Германия оживала, и всё это вместе побудило Наполеона сосредоточить силы у Лейпцига, и потому в исходе сентября вместе с королем Саксонским он оставил Дрезден, остановился в Дюбене, а 3 октября отправился в Лейпциг*.

**Примечание М. Н.: (на немецком языке) Feldzug im Jahre 1813. Саксонской службы офицер, находившийся в кампании 1813 года при Наполеоне. Тьер в «Истории» своей относится с уважением об этом офицере.*

Примечание авт.: После поражения корпуса Вандама Наполеон стал действовать менее решительно. Только к началу октября его войска стали концентрироваться в районе Лейпцига, где суждено было 5–7 октября разыгаться знаменитой «Битве народов», решившей по сути падение Наполеона и участь Европы. К 4 октября вокруг Лейпцига собралось более 300 тысяч войск союзных армий с 1500 орудиями против 190 тысяч французов при 700 орудиях. Сражение началось рано утром. Но Экипаж со всей гвардией простоял весь этот день в резерве у Магдеборна. Непосредственное участие в «Битве народов» принимала только артиллерийская команда Экипажа, которая вместе с гвардейской артиллерией сыграла важную роль в поражении французов. Следующие дни, 5–6 октября, Экипаж занимался тяжелой, безостановочной работой по восстановлению мостов и плотин, которые французы разрушили при отступлении к Лейпцигу. Здесь снова русские гвардейские моряки действовали против батальона французских гвардейских моряков, прибывших к Лейпцигу с резервами из Франции. 7 октября союзными войсками был занят Лейпциг, началось беспорядочное отступление французов, напомилавшее их отход из России в 1812 году. Войска союзников следовали за ними по пятам [11].

Армии наши были также в движении и направлены к Лейпцигу. Гвардейский Экипаж после истребления мостов у Кёнигштейна пошел за армиями для соединения с Гвардейским корпусом.

Перейдя горы, Гвардейские моряки направились через Коммотау и Мариенберг к Лейпцигу. Чувствительный недостаток в офицерах в Гвардейском Экипаже пополнился прибывшим из Резервного экипажа мичманом Палтовым. Этот деятельный и храбрый офицер заменил на время адъютанта Экипажа, рана которого требовала хотя при Экипаже небольшого успокоения. Лейтенант же Ушаков должен был остаться на пути в небольшом городе до излечения раны. В Альтенбурге Император

Александр I произнес те незабвенные для военных слова, которые, распространяясь в армии, усилили восторженную привязанность к Монарху и Вождю во всех чинах. Эти слова внесены неизгладимыми буквами в записки генерала Михайловского-Данилевского. Эти слова должны иметь почетное место и в очерке истории Гвардейского Экипажа.

В Альтенбурге в один бурный осенний вечер Государь стоял у окна (в замке Герцога) и, смотря, как проливной дождь гасил бивуачные огни, едва мелькавшие во мраке, сказал: «Сколько трудностей должна армия перенести в эту ночь! Как мне не любить военных и не предпочитать их тем господчикам, которых я вижу иногда из окон Зимнего дворца, как они, уснув на мягкой постели часу в одиннадцатом, идут по бульвару к своим должностям? Можно ли сравнить службу их с военной?»

В исходе сентября соединился Гвардейский Экипаж со своим корпусом в Саксонии и следовал с ним к пункту соединения войск почти всей христианской Европы, к Лейпцигу.*

**Примечание М. Н.: Не было только датчан и англичан, эти последние были в Испании.*

4 октября Морская Гвардия простояла у селения Магдеборн в составе всей Гвардии. 5 и 6 октября провела в передвижениях для исправления переправ и мостов на притоках Плейсы, испорченных и неприятелем, и движениями всех войск и военных тяжестей, и потому под Лейпцигом случалось работать в виду неприятеля, случалось брать и выбивать неприятельских мародёров, отрезанных от своих войск, наконец удалось Бианки перейти Плейсу у мельницы, а 7 октября при общем и быстром отступлении неприятеля от Лейпцига при поспешном его очищении освобожденной Германии и следовании его в Рейну.

Гвардейский Экипаж пошел с главною армиею в составе Гвардейского корпуса через Йену и Веймар к Франкфурту-на-Майне. В городе Оффенбахе на Майне в весьма близком расстоянии от Франкфурта, места расположения главной квартиры всех союзных Государей, Гвардейскому Экипажу назначены были кантонир-квартиры вместе с лейб-гвардии Литовским, ныне Московским, полком. Вспоминая эту короткую стоянку между гостеприимными и благодарными немцами на просторных кантони-квартирах, трудно решить, кому отдать преимущество, хозяевам ли за их предупредительность и усердие или постояльцам Гвардейского Экипажа за их благородную оценку того и другого. Незначительное происшествие в Гвардейском Экипаже очертит это лучше.

2-й роты два матроса Клим Потакин и Артамон Ласточкин, оба храбрые и искусные стрелки, оба стояли на квартире у одной пожилой вдовы. В одно утро женщина эта приходит в канцелярию Экипажа к Адъютанту Экипажа с жалобой на постояльцев своих за то, что они не оценивают усердия её, кажутся недовольными и раз нагрубили её сыну 14-летнему мальчику, выгнав его от себя.

Матросов вытребовали в канцелярию и в присутствии этой женщины спросили у них, чем они недовольны. Оба обвиненные единогласно отвечали, что им такого привольного жилья не бывало и как им не быть довольными, когда они на перине спят, а другой периной покрываются, утром пьют кофе, на завтрак имеют готовый картофель с маслом, обед и ужин такой, что и в артели не бывало не то, что на бивуаках, даже бельё их моет хозяйка же. По разъяснению дела открылось, что услужливая хозяйка требовала от постояльцев, чтобы они отдавали ей всё бельё в мытьё, а постояльцы не соглашались, чтобы хозяйка-немка мыла их подвертки и подысподнее платье, а отдавали ей только одни рубашки. Хозяйка приказала сыну, чтобы он вычистил мундиры их и пуговицы на мундирах, а постояльцы не соглашались доверить немцу чистку русской казенной амуниции, не в силах будучи объяснить того и другого, решились выгнать от себя безотвязного исполнителя приказаний матери. Хозяйка давала им бинты и компрессы на случай ран, постояльцы не взяли (?) её много, и, наконец, оба убедительно просили запретить хозяйке мыть что-либо, кроме их рубашек, просили не мешать им холить и чистить как следует казенную их амуницию и сказать хозяйке, что им ничего не надо. Расчувствовавшаяся немка не могла без слез выслушать оправдания Потакина и Ласточкина и в избытке чувств бросилась целовать их, несмотря на то что второй был рябоват, чего в Германии не любят. Немка рассыпалась в похвалах русским и излила всю ненависть к французам.

Но не в этом только классе людей встречал Гвардейский Экипаж подобную предупредительность, а можно утвердительно сказать во всех, и вот пример тому. Два лейтенанта Морской Гвардии жили в Оффенбахе на одной квартире у госпожи Жорж д'Орвиль, богатой женщины, имеющей родство во французской армии. Русские сменили в этом доме прусскую кавалерию. На третий или четвертый день их прибытия старая служанка заметила, что русские офицеры поутру не подошли

к принесенному ею кофею, пока не помолились Богу. Она поняла это из поклонов и крестов, замеченных уже семейством хозяйки перед первым обедом, и через несколько дней над кроватями офицеров явилась икона Спасителя, и когда офицеры благодарили почтенную старушку за это внимание, то она с чувством отвечала: что чем труднее для неё было достать икону, чтимую русскими, тем приятнее ей благодарность их.

Княгиня Изенбургская жила в этом городе и по субботам принимала к себе офицеров по вечерам. В один вечер офицеры нашли в передней княгини мальчика и девочку от 10 до 12 лет, весьма просто и даже бедно одетых. Когда офицеры вошли в гостиную к княгине, тогда княгиня приказала позвать детей и объяснила офицерам, что эти дети в то утро спасены русским солдатом если не от потопления, то от вредных последствий холодного купания осенью. Дети эти без коньков хотели показаться по тонкому льду на пруду в низменности города. Прежде провалилась девочка, её стал вытаскивать мальчик и также провалился, пруд был неглубок, дети начали кричать, на крик этот прибежал русский солдат в шинели с черным воротником, лег на лёд и, лежа, дополз до детей, вытащил обоих, поставил мальчика на ноги, который тотчас же и побежал домой, а девочке велел обхватить себя за шею, лечь к нему на спину и таким образом дополз обратно и отпустил и девочку домой. По розысканию оказалось, что это сделал матрос 4-й роты Малахов и на вопрос, как же ты объяснился с ребенком, Малахов очень наивно отвечал, что он слышал, как собакам говорят: «куш тут», да и хозяйка наша, прибавил Малахов, когда её ребята развозятся, закричит на них будто словно «куш», ну так я и подумал, что «куш» по-немецки то же, что по-русски «лежи тут». А девушка, даром что 10 лет, а понятлива, как немка, ухватилась за шею да вот так и прильнула к шинели. Эта находчивость Малахова не была доведена до сведения высшего Начальства, она считалась необходимым долгом военного служащего в Гвардии Императора русского.

Нельзя оставить без внимания и то, что по общему сочувствию всего Гвардейского Экипажа, в Оффенбахе совершено было по обряду Православной церкви поминовение о душах всех Гвардейского Экипажа, на брани убиенных в кампании 1813 года, и всё это вместе характеризует моряков, характеризует дух и направление Германии в то время.

Из Оффенбаха Морская Гвардия вышла прежде всех полков Гвардии, оставшейся ещё на кантонир-квартирах. Экипажу приказано было идти к Вюрцбургу — командировать одну роту в Линкфурт и там устроить переправы. В Вюрцбург пошел весь состав Экипаж, а в Линкфурт пошла одна 3-я рота, которая скоро присоединилась к Экипажу.

Вюрцбург большей частью расположен на левом и довольно отлогом берегу р. Майна, тут же и дворец герцога, на другом же, более крутом берегу, прямо против моста, соединяющего оба берега, стоит цитадель, обстреливающая весь город. Французы заперлись в этой цитадели, и комендант её условился не тревожить города и окрестностей его, если не будут и его тревожить и допустят приобретение в городе за плату всех жизненных припасов. Поэтому в Вюрцбург не входили союзные войска и на мосту, разделенном пополам, учреждена была застава, далее которой ни жители, ни приезжавшие случайно офицеры армий не могли проникать без особого дозволения городского начальства и коменданта цитадели. Поэтому и мост через Майну надобно было выстроить выше Вюрцбурга в деревне Цель. Сноровка моряков, приспособившихся к подобным работам, и усердие жителей, не отказывавших в материальных пособиях и достававших потребное число больших перевозных лодок, дали возможность в самое короткое время устроить прочный мост на этих лодках и предмостовое прикрытие на правом берегу Майны*.

**Примечание М. Н.:* Во время этих работ деревня Цель была более оживлена, нежели опустевший город Вюрцбург. Покатости левого берега, усаженные виноградными лозами, в это время привлекали жителей к собиранию винограда, проход русских войск приманивал каждого взглянуть на освободителей Германии, а любопытство слышать в рядах русских многие другие европейские языки вынуждало каждого искать соприкосновения с русским и убедиться в истине.

Гвардейский Экипаж по военному времени строго охранял свою работу, не стесняя при том жителей, пропустил ту часть армий, которой назначено было перейти Майну у Вюрцбурга, и, смененный, пошел с Гвардией к берегам Рейна на Брухсаль к Пфюрцгейму. Там, в окрестностях этого города, остановился по квартирам на несколько времени и для того, чтобы Гвардия 1 января 1814 года, не останавливаясь в г. Базель, могла перейти Рейн по Базельскому мосту.

Оставив окрестности Пфорицгейма, Морская Гвардия пошла на Раштадт, прошла левее Страсбурга, блокируемого с этого берега Рейна графом Воронцовым*

**Примечание М. Н.: В этом войске близкий родственник одного из офицеров Гвардейского Экипажа командовал батальоном в Севском пехотном полку. Экипаж проходил это место 1 января нового стиля, и офицер, получив позволение, ездил в этот полк и застал его отражавшим сильную вылазку в Новый год нового стиля.*

и дошла до Фрейбурга, здесь Император Александр I, остановясь на некоторое время, осматривал на проходе войск свою Гвардию и Гренадерский корпус. Остановимся и мы, чтобы, прочитав Манифест императора, во Фрейбурге явившийся, и Высочайшие приказы по армии, благоговеть перед ними, подобно тому как благоговели тогда.

«Божию Милостию Мы, Александр Первый Император и Самодержец Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем Всенародно: Год тому назад, любезные Наши верноподданные, приносили мы благодарение Богу за избавление Царства Нашего от лютых и сильных врагов. Не проходит ещё года, как уже победоносные Наши знамена реют на берегах Рейна, и ополчившаяся против нас Европа ныне добровольно шествует с нами. Все лежащие между пределами России и Франции державы, последую примеру Нашему, несут оружие своё, соединенное с Нашим оружием, противу притеснителя свободы Царств. Толь великая на всем лице земли перемена не могла совершиться без особливой на то власти Божьей. Его всемогущая десница возносит и назлагает судьбы народов и Царств. Кто без него силен? Кто без воли Его крепок и тверд? Обратим к Нему ум и сердце наше, не возгордимся делами своими и не возмечтаем себе быть нечто высшее немощи смертных. Что мы? Доколь рука Бога над нами, до тех пор мудрость и сила с нами. Без Него ничто же бысть еже бысть. Итак, да умолкнет пред Ним всякая сила человеческая, да принесется она от каждого из нас во всеожжение Тому, Кто даровал нам оную: истинная сила и часть наши есть благоговейное перед Ним смирение. Мы уверены, что всяк из верноподданных наших всегда, как паче же после толиких излиянных на нас милостей Божеских, чувствует сие во глубине души своей. Сего ради внимая гласу собственного Нашего и их благоговения, повелеваем, да отворятся и ныне во всей области пространства Нашего все Божественные храмы, да принесется во всех Церквах торжественное молебствие и коленопреклонение Всемогущему Творцу. Да прольются от всего народа горячие слёзы благодарности за неизреченное Его к Нам милосердие. Он высокою мышцею своею изъял нас из хлябей бездны и поставил на высоту славы. Что воздадим Ему, кроме радостных слез и рыданий!»

Главная Квартира Грос-Герцогства Баденского,
столичный город Карлсру.
Декабря 6-го дня 1813 года.

На подлинном подписано собственною Его Императорского Величества рукою так:
Александр

Приказ
Российским Войскам Войны

«Мужество и храбрость ваши привели нас от Оки на Рейн. Они ведут нас далее: мы переходим за оный, вступая в пределы той земли, с которою ведем кровопролитную жестокую войну. Мы уже спасли, прославили Отечество своё, возвратили Европе свободу ея и независимость. Остается венчать великой подвиг сей желанным миром, да водворится на всем земном шаре спокойствие и тишина! Да будет каждое Царство под единою собственною правительством властью и законами благополучно! Да процветает в каждой земле ко всеобщему благоденствию народов вера, язык, науки, художества и торговля! Сие есть намерение Наше, а не продолжение брани и разорения. Неприятели, вступя в середину Царства нашего, нанесли нам много зла, но и претерпели за оное страшную казнь. Гнев Божий покарал их. Не уподобимся им! Человеколюбивому Богу не может быть угодно бесчеловечие и зверство; забудем дела их; понесем к ним не месть и злобу, но дружелюбие и простертую для примирения руку. Слава Россиянина низвергать ополченного врага и по исторжении из рук его ору-

жия благодетельствовать ему и мирным его собратьям. Сему научает нас Свято почитаемая в душах наших Православная вера; она Божественными устами вещает нам: любите враги ваша и ненавидящим вас творите добро.

Воины! Я несомненно уверен, что вы кратким поведением своим в земле неприятельской столько же победите её великодушием своим, сколько оружием, и, соединяя в себе храбрость воина против вооруженных с благочестием христианина против безоружных, довершите многотрудные подвиги свои сохранением приобретенной уже вами славы мужественного и добронравного народа. Вы ускорите через то достигнуть конца желаний Наших, всеобщего мира. Я уверен также, что начальствующие над вами не оставят взять нужных для сего и строгих мер, дабы несогласные с сим поступки некоторых из вас не помрачили к общему вашему прискорбию того доброго имени, которым вы доселе по справедливости славитесь».

Подлинный подписан Собственною Его Императорского Величества рукою

Александр

Верно, князь Горчаков 1-й

Город Фрейбург

Декабря 25-го дня 1813 года

Приказ Российским Армиям

Осмотрев во время прохождения через город Фрейбург войска Гвардейского и Гренадерского Корпусов, Резервную Кавалерию и принадлежащую оным артиллерию, состоящие под начальством Его Императорского Высочества Цесаревича и Великого князя Константина Павловича, нашел Я, к особенному удовольствию Моему, совершенную во всех частях исправность, сбережение людей и лошадей, а в одежде чистоту и опрятность.

За такое попечение о войсках при продолжительных походах и после знаменитых сражений Кульмского и Лейпцигского, изъявляю признательность Мою и благоволение Главнокомандующему армиею, генералу от инфантерии графу Барклаю де Толли, и Его Императорскому Высочеству Цесаревичу и Великому князю Константину Павловичу, равно и находящимся в Его команде: генералу от инфантерии графу Милорадовичу, генерал-лейтенанту князю Голицину и всем корпусным, дивизионным и бригадным генералам, полковым, батарейным и батальонным командирам.

На подлинном подписано Собственною Его Императорского Величества рукою

Александр

Верно, князь Горчаков 1-й

Город Фрейбург

26 декабря 1813 года.

Из Фрейбурга Гвардейский Корпус, а с ним и Гвардейский Экипаж, пройдя Лёрах, вступил в Базель; там Государь перевел Гвардию и Гренадер через природную границу Франции, через Рейн, и войска наши вступили во Францию и положили начало кампании 1814 года.

Окончив описание кампании 1813 года, бросим взгляд собственно на Гвардейский Экипаж и перейдем к кампании 1814 года. Поход 1812 года был не без потерь; всякого рода лишения, значительные болезни и труды уменьшили списочное состояние Экипажа, и эта ещё более ослабевшая численностью частица флота, опередив армию, с открытием Вислы построила через эту реку для армии переправу во время хода льда, поспела к Бауценскому сражению, в котором лишилась убитыми: штаб-офицера — 1, обер-офицера — 1; ранеными: обер-офицера — 1, убитыми и ранеными унтер-офицеров — 4, матросов — до 40 человек; вскоре после сражения Экипаж уже выполнял пионерные работы у Швейдница.

После перемирия Морская Гвардия спешит к Кульму, три дня грудью удерживает неприятеля, теряет в эти три дня убитыми: обер-офицеров — 3, матросов — 16, ранеными штаб-офицера — 1, обер-офицеров — 5, унтер-офицеров — 4, матросов — 53, без вести пропавшими — 7 человек нижних чинов.

И ещё не остыли ружья Морской Гвардии, она уже усердно и дружно готовит брандеры для разобращения в Кёнигштейне берегов Эльбы; под Лейпцигом Гвардейский Экипаж из главного резерва переходит с одного места на другое, улучшает сообщение армии в виду неприятеля, и, наконец, устраивает

мосты на Майне и, перейдя эту реку, недокомплектованный, вступает в пределы Франции со всею Гвардиею, в исходе 1813 года получившего подкрепление.

Значительность высочайших наград, полученных в Гвардейском Экипаже, свидетельствует, что все эти заслуги его признаны не только Царем и Вождем русским, но и союзными монархами. Морской Гвардейский Экипаж награжден Георгиевским знаменем, все офицеры получили по две награды каждый: по следующему чину и по ордену в порядке старшинства чинов и орденов; прибывший под Лейпциг мичман Палтов удостоен также награды, старший адъютант 5-го корпуса Гвардейского Экипажа лейтенант Наумов произведен в капитан-лейтенанты, раненым под Кульмом штаб- и обер-офицерам пожаловано по 40 червонцев каждому. Убитые в сражении не были забыты, и Его Высочество командир Гвардейского корпуса предписанием от 31 Октября 1813 года во Франкфурте-на-Майне за № 3181, известил командира Гвардейского Экипажа, что уплата долгов, оставшихся после убитого под Бауценом капитан-лейтенанта Горемыкина, принята на счет казны, а с оставшимся именем после убитого повелено поступить по силе его духовного завещания. Три фельдфебеля-боцмана произведены в классные офицеры: Поспелов, Кононов и Долин, и первый убит под Кульмом, другой отослан в Петербург, а третий переведен в Санкт-Петербургский Гренадерский полк; Гвардейского Экипажа артиллерийской команды Маков, старший унтер-офицер Никитин произведен за храбрость в подпоручики в 1-ю Артиллерийскую бригаду, и, наконец, пожаловано на Экипаж 23 знака Отличия Военного Ордена, и, сверх того, 2 знака для артиллерийской команды и особливо 11 знаков за истребление мостов у Кёнигштайна для матросов, препровождено к Его Высочеству из Адмиралтейств-коллегии для нижних чинов Гвардейского Экипажа 48 знаков отличия Св. Анны за 20-летнюю беспорочную выслугу. Король Прусский пожаловал всему Экипажу Знак Отличия Кульмского Креста. Три Ордена за заслуги и большую серебряную медаль, которой был удостоен матрос Иван Бердев, Император австрийский наградил Командира Экипажа Орденом Леопольда, а Экипаж большой золотой медалью, которая была возложена на матроса Алексея Щелкунова.

Этот слабый очерк, относящийся только до слабого в составе Гвардейского Экипажа, служит достаточным указателем того, как значительны заслуги и прочих полков Императорской Гвардии и всей армии, испытанных в бою и стойких в составе своем.

Заглянем же теперь в новейшую историю событий во Франции с Консульства; в историю Тиера, написанную довольно пристрастно к французам, и раскроем в ней современные события. И Тиер отдает справедливость храбрости русских и после поражения под Кульмом считает спасением части корпуса Вандама, кинувшуюся к берегам Эльбы, и потому из 40 тысяч считает убитыми и ранеными от 5 до 6 тысяч, отдает в плен только 7 тысяч, 48 орудий и двух генералов, о войске своём Тиер относит: это наиболее молодежь, запальчивая в огне, но не испытанная в войне.

Чувствуя, что ими жертвуют безрассудной амбиции, и, забывая, что чувство перед неприятелем тем сильнее, передаются ему при первой неудаче, и храбрые в бою теряют дух, досадуют при отступлении, кидают оружие и предаются унынию с истощением моральных и физических сил.

Согласимся с этим и спросим Г. Тиера, не говоря о русских, что он скажет о прусской молодежи, при неудачном для них начале войны 1813 года; о прусской молодежи, дважды побывавшей в Париже?

Глава V. 1814 г. Кампания 1814 года, взятие Парижа, возвращение в Россию морем, вступление в Санкт-Петербург и поход 1815 года

Первый шаг перехода через Рейн сделан гвардией в присутствии Императора Александра I, лично переведшего это войско через эту природную границу Франции в Базеле в первый день января 1814 года.

Непродолжительна была кампания этого года, но величественно-значительна. Торжество истинны над гордой кичливостью, торжество народной привязанности к законной власти.

*Перейдя Рейн по древнему каменному мосту в Базеле и вступив в пределы Франции, Гвардия была уже в стране неприятельской. Лежащая в весьма близком соседстве с Базелем крепость Гюнингген обложена была союзными войсками, и Гвардия, простояв четыре дня по дислокации обер-квартирмейстера 5-го корпуса Свиты Его Императорского Величества Полковника Зуева по деревням во Франции,**

**Примечание М. Н.: Гвардейский Экипаж стоял в городе Альткирхе в Эльзасе.*

двинулась вперед на города Везуль, известный во Франции стальными изделиями, Лангр, Шомон в Бассиньи к Тугуа; дождь и мокрый снег, обыкновенные спутники зимы во Франции, без русских морозов испортили дороги неимоверно, обозы и лошади терпели много, особенно когда надобно было обходить лежащую на пути между Базелем и Вузелем крепость Боффор, занятую французами; небольшие ручьи вздулись и обращались в реки, вязкая грязь растоптанная, увеличенная и сгущенная проходом войск и военных тяжестей, обращалась на проселочных дорогах в топкое болото; к этим затруднениям присоединились и другие; Гвардейский Экипаж, некомплектованный в течение 1812 и 1813 годов, заметно ослабевал в списочном составе, требовал усиления для работы, и потому к Экипажу присоединили небольшую часть пионерной роты при одном обер-офицере и придали собственно для работы несколько человек невооруженных ратников из ополчения, одетых во французские мундиры, взятые в Вильно. Эти ратники носили при себе только инструменты. Такое пополнение Экипажа лишило совершенно надежды быть в деле против неприятеля иначе как при переправах или производстве пионерных работ.

Чем более вдавались войска внутрь Франции, тем более выигрывали они во мнении всех сословий земли неприятельской; в зимние месяцы Гвардия располагалась на походе по местным квартирам около главной квартиры императора и имела достаточно случаев доказать жителям неприятельской земли, что русские не пришли разорять Францию и не хотят мстить французам за их поведение в России, и мирные жители скоро свыклись с храбрыми русскими, оценили их по действиям и благим намерениям императора Александра I. На французских и на русских войсках явно отразились в 1812 и 1814 годах мысли и намерения Наполеона и Александра I. И это отражение есть главнейшая основа истории всякого общества, войска и мирных поселян. Приказ Наполеона в 1812 году внес в Россию огонь, меч, разорение и даже осквернение храмов Божьих. Приказ Александра I российским войскам в Фрейбурге от 25 декабря 1813 года, благодетельно отразясь в войсках его, привлек всю Францию.

Редкий пример в военной истории и тем более драгоценный, что победители и побежденные устремились к одной им общей цели, проявилось общее сознание жителей, что более военной славы, отуманившей Наполеона и Францию, не вознаграждал упадок земледелия, торговли и промышленности, что на всех сословиях тяготели гибельные следствия частых рекрутских наборов и тяжелых налогов на осиротевшие семейства. Это сознание побудило все сословия последовать Высочайшему повелению императора Александра I от 26 января, относившемуся до всей гвардии и армии русской: носить на левой руке выше локтя белую повязку, и все жители Франции без различия сословий надели подобные повязки.

Союзная армия состояла из войск всей почти Европы. Германцы, покорные до того французам, во многом подражали им, и часто не узнавали союзников по их мундирам, и потому приказано было вблизи союзным войскам носить зеленые ветки на киверах и прочих головных уборах.

Гвардейский Экипаж стоял в главной армии Барклая де Толли в числе резервных войск, участвовал с этою армиею во всех наступательных и отступательных движениях во Франции. И в последнее

отступление графа Витгенштейна от Мормана к Ножану на Сене, лучше сказать от Парижа к Ножану для соединения с армией, Гвардейский Экипаж имел случай оказать важную услугу корпусу Витгенштейна. Для пояснения этого случая необходимо представить в немногих словах положение некоторых частей союзных войск. Наполеон, командуя неопытным вновь набранным войском, не мог рассчитывать на стойкость его; видя притом, что предписанное им поголовное вооружение ни мало не соответствует ни желанию его, ни положению Франции, и наконец встревоженный переходом значительных корпусов союзной армии в том числе и корпуса графа Витгенштейна через Сену и приближением их к Парижу, решился воспользоваться довольно растянутым положением союзников, решился разбить их армию по частям и начал приводить в исполнение план свой с Силезской армией Блюхера, угрожавшей уже Парижу. Отбросив эту армию к Шалону, Наполеон бросился на корпус графа Витгенштейна, авангард которого под командою графа Палена был уже в Мормане, в восьми с небольшим лье от Парижа.

Только что отступление Блюхера к Шалону и направление Наполеона на Морман сделались известны в главной квартире, то Гвардейский Экипаж был послан в Ножан на Сену, на встречу корпуса графа Витгенштейна для сделания в Ножане переправы через эту реку. Вслед за Гвардейским Экипажем предполагалось послать Гвардейский корпус и Кирасирскую дивизию для подкрепления графа Витгенштейна. 2 февраля вечером Морская Гвардия была уже в Ножане, там и в окрестностях нашлось несколько угольных барок, полных древесного угля, готовых к отправлению в Париж; эти барки и все попавшиеся мелкие суда были немедленно собраны в Ножаны, и на этих барках моряки устроили мост через р. Сену; покидав с середины барок древесный уголь в воду и сделав на обеих оконечностях барок из того же угля небольшие и непокрытые блокгаузы, дабы в случае натиска неприятеля во время переправы, а главное — в случае приобретения неприятелем мелких перевозных судов, иметь возможность отражать нападение; Нижних чинов разместили по эти блокгаузам, по мелким судам, собранным на левом берегу Сены, а остальных расставили на мосту; старшие лейтенанты Чихачев и Валуев распорядились переправою на мосту. Лейтенант Дубровин при стрелках в блокгаузах, а младшие лейтенанты Лермонтов, Ушаков и мичман Палтов при легких гребных судах, которых собралось до двадцати. Всеми располагал капитан-лейтенант Титов, под руководством командира Экипажа капитана 1-го ранга Карцова. 6 февраля мост был готов, а 7-го утром отступающий корпус графа Витгенштейна начал переходить по мосту; пробившийся арьергард его под командою графа Палена не замедлил также подойти; французы ослабили преследование у Мезон-руж, и только легкая их кавалерия поддержала легкую пехоту свою в наступательном её движении, и арьергард переправился весь; цепь стрелков его оставалась ещё в отдалении не переправленной. Командир Экипажа приказал приступить к уничтожению моста, а для забирания удерживавшей неприятеля цепи стрелков 25-го егерского полка послал все гребные суда к правому берегу Сены. Медленно отступали наши стрелки в центре, и фланги цепи по мере отступления всё более и более склонялись к берегу, и, наконец, цепь образовала полукружье у места переправы; резервы цепи сели на суда, место их заняли отозванные стрелки, и, по мере того как цепь приближалась, уменьшалось и полукружье; гребные суда, высадив первый резерв цепи, приняли второй резерв и часть цепи, поспешили перевезти и возвратились снова. Французская кавалерия наскочила на остававшихся противу их в цепи стрелков, но, прикрытые выстрелами моряков гребных судов, стрелки спокойно садились на суда. Гвардейские матросы с необыкновенным хладнокровием отбивали кавалеристов; хладнокровие это переходило иногда в насмешку: «Вишь размахал саблей-то, вот я её у тебя вышибу», — и выстрел действительно поражает всадника; «Вон как нагнулся к гриве-то, да и руку с пистолетом вытянул, вот я тебя либо приподниму, либо положу», — и ружьё моряка сбивает кавалериста; «Ай да конь, а вот я убавлю ему ходу», — и конь споткнулся; эти, по выражению матросов, подбаковые остроты разливали на судах веселость и утверждали в офицерах уверенность, что с таким народом не пропадешь.

К вечеру кончилась переправа и корпус графа Витгенштейна, не оставив ничего на правом берегу Сены, пошел по назначению; моряки подобрали даже раненых этого корпуса и отправили с корпусом, а сами остались доканчивать истребление моста и всего, что могло служить к переправе неприятеля. Поздно ночью пошли и моряки в Пон-лё-руа на соединение с гвардиею, и, отойдя от Ножана не более двух вёрст в тёмную ночь, увидели сзади себя по дороге приближающийся свет факелов и при свете заметили красные казацкие пики; нетрудно было догадаться, что это пики казаков Черноморской сотни, постоянно бывших в конвое при Императоре, и что сам Государь тут. Ударил Фельдмарш, Его Величество подъехал в коляске к Экипажу, спросил у встретившего его Командира Эки-

пажа о причине ночного движения Экипажа, расспросил о переправе и приказал Экипажу остаться на ночь на месте, а с рассветом идти к Труа. Государь казался очень озабоченным, молча объехал отделения и скоро скрылся по дороге к Пон-лэ-руа.

Экипаж не дошел до Труа, а по приказанию главнокомандующего пошел в Сент-Луи, там переправил подобно тому, как и в Ножане войска фельдмаршала Вреде, и не скоро занял своё место в Гвардейском корпусе у Труа, потому что ожидали армии Блюхера в Мери. Соединившись с Гвардией, моряки не отставали от своего корпуса до наступления к Парижу; под Парижем Экипаж командирован в Мо, также для увеличения средств к переправе через Ло Марну, а потом, соединяясь с гвардией, 20 марта вступил в Париж, восторженно покорившийся 19 марта Императору Александру I.

В Париже Экипаж поместили в Сент-Жерменском предместье в Вавилонской улице в Вавилонских казармах, а офицеров разместили в том же предместье по частным домам в улицах: Вавилонской, Университетской и Гренельской, в этой последней помещен был и унтер-штаб в доме Годеле у Гренельского фонтана. Но сколь восторжен ни был прием французов, не только Гвардейский Экипаж, но все стоявшие в Париже войска отдали преимущество немцам, радушие которых не могли затмить приветливость и учтивость французов.

(См. Илл. 63) И. С. Розен. Гвардейский экипаж в Париже. 1814. 1911. [13].

(См. Илл. 64) И. С. Розен. Гвардейский экипаж в Париже. 1814. 1911 [13].

(См. Илл. 65) И. С. Розен. Гвардейский экипаж в Париже. 1814. 1905 [13].

В Париж прибыли Их Императорские Высочества Великие Князья Николай Павлович и Михаил Павлович и там явились перед русскими войсками; Их Высочества задержались было на пути во Францию в городе Базель в Швейцарии, маневрами Наполеона, показывавшего решительные намерения выйти на нашу операционную линию. 22 марта по Высочайшему повелению прикомандирован к Гвардейскому Экипажу возвращенный французами бывший у них в плену лейтенант князь Путятин.

Простояв в Париже до 22 мая, принимая в свою очередь караулы в городе, Гвардейский Экипаж в этот день выступил из Парижа в Нормандию на Сент-Жуален, Вернон, Руан, Ивто в Гаврде-Грасс. На тамошнем рейде стоял от эскадры адмирала Тета фрегат «Архипелаг» под командою капитана Половцева. Хотя фрегат должен был принять Гвардейский Экипаж десантом, но офицеры этого Экипажа просили командира своего, чтобы он приказал расписать весь Экипаж по вахтам, тех из офицеров, которым по старшинству будут следовать вахты, допустить к командованию вахтами, что и было исполнено. И по Экипажу отдан был приказ 4 июня о назначении рулевых и марсовых о расписании нижних чинов по вахтам и об исполнении вообще всеми обязанностей морской службы на фрегате.

(См. Илл. 66) А. А. Тронь. Отплытие чинов Гвардейского Экипажа при возвращении из заграничного похода на Родину. 1814 год. 2010 [11].

Так Морская Гвардия после почти трехлетнего отчуждения от своей стихии явилась на ней с тою же любовью и привязанностью, как и прежде, как и всегда.

Фрегат «Архипелаг», приняв Гвардейский Экипаж 3 июня, благополучно дошел до Диль и, стоя там на рейде, ожидал прибытия в Диль эскадры адмирала Тета, которая в Шербуре брала десантом первую Гвардейскую пехотную дивизию; полки: Преображенский, Семеновский, Измайловский и Егерской (ныне Гатчинской), 1-й и 2-й роты Гвардейской Артиллерии и Артиллерийскую команду Гвардейского Экипажа.

По соединении эскадры фрегат «Архипелаг» пошел Бельтом в Балтику и, сопровождаемый самыми благоприятными обстоятельствами, благополучно прибыл 18 июля на Кронштадтский рейд. Первая Гвардейская пехотная дивизия, а с нею и Гвардейский Экипаж 20 июля свезены в Ораниенбаум и расположились около Петербурга по дачам правым флангом к Петербургу. Гвардейский Экипаж расположился на 7-й версте от дачи, принадлежавшей Нарышкину, до дачи князя Щербатова (ныне больница всех скорбящих). К экипажу примкнула артиллерия, в том числе и артиллерийская его команда, посаженная 13 июля со своими орудиями на суда в Шербуре.

Вся эта дивизия, в том числе и Гвардейский Экипаж, вступила в Санкт-Петербург 30 июля сквозь Триумфальные ворота, только что перед вступлением оконченные и только на это время выстроенные из дерева. Ныне эти ворота воздвигнуты из материалов, противостоящих разрушению времени; на этих воротах между именами полков первой Гвардейской пехотной дивизии в своем месте внесен и Морской Гвардейский Экипаж. Внесена между полками Гвардии векового существования — пятилетняя Гвардия, составленная из моряков.

В полном убеждении, что не поскучают почитать легкий очерк того почета, с каким возвратившееся войско, а с ним и Гвардейский Экипаж, было принято в столице. Прибавим здесь, что 30 июля после полудня, часов около двух, вся дивизия с примкнутыми штыками в мундирах выстроилась на большой Нарвской дороге по южной стороне правым флангом к Петербургу, артиллерия, а с нею и артиллерийская команда Гвардейского Экипажа на левом фланге. Государь Император прибыл к Гвардии, объехал фронт, в 2 часа пополудни скомандовал по отделениям: направо марш. При звуках военной музыки приближалась вся дивизия, предводимая Монархом, к Триумфальным воротам, приблизившись, Государь, по уверению очевидцев, изволил снять шляпу, взглянул на небо, ознаменовал себя крестом, преклонил венчанную главу свою и вступил под свод Триумфальных ворот. Дивизия следовала за Государем.

Пройдя Триумфальные ворота, Император, обнажив шпагу, повел Дивизию к Нарвской заставе.*

**Примечание М. Н.: Нарвская застава была тогда у Обводного канала.*

Пройдя заставу, приказал строить взводы. За заставою в городе, на прилежащей к заставе площади, стояли открытые коляски, и в одной из них сидели обе Императрицы и Великая Княжна Анна Павловна. Государь скорым шагом повел дивизию мимо Императриц церемониальным маршем. Пройдя их Величества, взводы построили отделения и, вступив на Екатерингофский проспект, были встречены своими резервами, расположенными на правой стороне проспекта к Калинкину мосту, и, не переходя его, до Обухова моста. Строй резервов поочередно, по приближении вступающих полков, брал на караул, бил поход и дополнял торжество это музыкою, пока не миновало строя последнее из вступивших орудий. От Обухова моста вступившие полки начали расходиться по своим казармам. Командир Гвардейского Экипажа предварительно приказал капитан-лейтенанту Качалову приготовить на дворе Литовского замка (ныне Городская тюрьма) всё необходимое к пению благодарственного молебна, и возвратившийся Гвардейский Экипаж, вступив во двор своих казарм, построился в каре, коленапреклонно благодарил Царя Царей за благополучное окончание войны и усердно молился о благоденствии Монарха и Вождя и всего Царствующего дома.

Облобызав животворящий крест, Экипаж, окропленный святой водой, вошел в казармы. А 31 июля объявлено Высочайшее Его Императорского Величества благоволение всем генералам, штаб- и обер-офицерам полков 1-й Гвардейской пехотной дивизии: Преображенского, Семеновского, Измайловского и Егерского, Гвардейского Экипажа, лейб-гвардии Артиллерийской бригады роты № 1 и № 2, артиллерийской команды Гвардейского Экипажа, за совершенное устройство вверенных им частей и исправность, в каковой они найдены Его Величеством при вступлении в Санкт-Петербург вчерашнего числа, нижним чином оных полков, Экипажа, артиллерийских рот и команды пожаловано по рублю на человека, по чарке вина и по фунту говядины.

Этим кончилась кампания 1814 года, продолжавшаяся два месяца и девятнадцать дней. Гвардейский Экипаж в эту кампанию не участвовал, как и другие полки Гвардии, в этих славных сражениях, которые так быстро решили эту кампанию, тем не менее, действия его были и видны, и полезны.

Эта частица флота явила доказательство того, что морская служба, развертывая во всех чинах способности, дарует вместе с тем моральные и физические силы быть полезным на всяком служебном поприще. Но не один Гвардейский Экипаж был представителем флота в этой кампании в сухопутном походе с армиею; от Черноморского флота в армии адмирала Чичагова во всю кампанию был 75-й корабельный экипаж.

В 1814 году, по занятии Голландии, в Приморских крепостях ея наши корабельные экипажи составляли гарнизоны, и когда явится в свете история и этих представителей флота на сухом пути, тогда подтвердится ещё более, что морская служба есть лучшая военная школа, развертывающая способности и питающая усердие во всех чинах.

В Париже командир Экипажа представлен к производству в капитан-командоры, и производство это шло через Адмиралтейств-коллегию. Капитан-лейтенанту Титову и лейтенантам Чихачеву, Валуеву, Дубровину, Римскому-Корсакову, Лермонтову, Хмелеву и Ушакову 27 марта объявлено Высочайшее благоволение за отличие, оказанное в нынешнюю войну при построении мостов и переправ и особенно при г. Ножане.

В заключение об этих кампаниях выберем из того, что имеем под руками, не столько для пополнения Очерка истории, сколько для того, чтобы противодействовать чуждому вымыслу, к несчастью, вскоренившемуся и между русскими, что будто бы полчища врагов наших, нахлынувших на Россию, погибли единственно от морозов. Рассуждения об этом нашего славного партизана Д. В. Давыдова, может быть, неизвестны морякам, следовательно, выбирая из них в этом Очерке истории, мы стремимся оказать сослуживцам нашим услугу.

Д. В. Давыдов ясно и убедительно доказал, что гибель армии Наполеона есть следствие:

1) искусного занятия нашей армией Тарутинской позиции, прикрывшей хлеботорговые губернии и подвозы к армии, позиции, угрожавшей единственному пути неприятельского сообщения;

2) от заслонения Калужской дороги при Малоярославце, принудившего Наполеона идти по опустошенному и бесприютному пути на Смоленск;

3) от флангового марша нашей армии от Тарутина до Березины, беспрестанно угрожавшего заслонить единственный путь отступления неприятеля и тем более подгонявшего его на отступлении;

4) от усилий трудов и храбрости, расстроивших армии Наполеона, в особенности при Малом Ярославце, отблеск которого падает и на Гвардейский Экипаж;

5) от соединения в определенный день под Борисовом на Березине трех русских армий, одна от Москвы, другая от Пскова и из Финляндии, третья из Молдавии и Валахии, при которой был 75-й корабельный экипаж;

6) от стеснения армий Наполеона нашими партизанами, не дававшими неприятелям покоя ни днем ни ночью; не позволявшими никому из их полков отдаляться от большой дороги, — и наконец

7) от того, что бдительные и предприимчивые партизаны наши быстро сообщали нашему Главнокомандующему о всяком движении неприятеля, и оно встречало противодействие.

Г. Кох, разбирая Сегюра и Гурго, говорит: «Во время похода от Смоленска до Орши стужа во все четыре дня была слабее, нежели в 1795 году, когда Северная армия перешла по льду Вааль и овладела Голландским флотом в Зюйдерзехе; слабее, нежели в 1807 году, когда огромные массы конницы неоднократно сходились на покрытых льдом и снегом озерах».

Генерал Гурго, критикуя Сегюра, сознается, что до 25 октября погода была хорошая и стужа была гораздо умереннее той, какую французы переносили в Пруссии и в Польше в 1807 году, и среди Кастильских гор в Испании в 1808 году, и ссылается на реку Березину, которая не была ещё покрыта льдом во время переправы.

В «Записках» Д. В. Давыдова включены и изменения термометра от 15 октября до 12 ноября, собранные Г. Шамбре (Chambray), которые доказывают умеренность стужи. Сочинение генерала Жомини переведено на русский язык, и оно более других известно в России. В IV томе этого сочинения есть ещё сильнее убеждения, что не стужа собственно погубила армию Наполеона. Наконец для почитателей англичан сошлемся на Вальтера Скотта; разбирая 29-й бюллетень, он заключает, что целой армии удобнее производить движения зимой, нежели в дождливую погоду, и отвергает решительно мысль, что собственно мороз погубил полчища Наполеона.

По вступлении в Петербург Гвардейский Экипаж с 4 августа вступил в исправление своих прямых обязанностей, и лейтенант Чихачев первый вступил в караул на катере, а 6-го числа принял и укомплектовал вновь выстроенный для этого Экипажа речной фрегат «Россия», отличавшийся тщательностью и роскошью в отделке и в первый раз на Придворных яхтах богатою позолотою по резьбе между бортами по голубому полю. Экипаж укомплектовал также яхту Его Высокопревосходительства Морского Министра, и первое из этих судов по изготовлении принял под своё начальство командир Экипажа, а на яхту Министра назначил капитан-лейтенанта Титова. С 1 сентября Экипаж, не покидая яхт, начал уже исполнять гарнизонную службу по 1-му отделению города. Фрегат и яхты стояли короткое время у Каменного острова, но большую часть августа и до 10 сентября были в море, а 25-го этого месяца вошли в гавань на зимовку.

Резервный Гвардейский Экипаж слился с действовавшим, но, имея в виду увеличение состава Гвардейского Экипажа и преобразование его, роты действовавшего, докомплектованные от флота,

остались при своих командирах и офицерах, а роты резервного, приняв последующие номера 5-й, 6-й, 7-й и 8-й со своими командирами и офицерами составили один Экипаж. В октябре месяце доставлены были не высланные ещё знаки отличия Военного Ордена для отличившихся под Бауценом и Кульмом, всего 45 знаков от № 32341 до 32386 включительно. В обеспечение семейств, убитых в эти кампании и умерших нижних чинов, вдовам и детям их Высочайше повелено давать казенное помещение, а тех из них, для которых казенной квартиры не будет, размещать по обывательским квартирам, не освобожденным от постоя.

В заключение всего, об этих кампаниях сказанного, представим, чем довершил Император Александр I высокую благодарность свою к войскам:

— Триумфальные ворота поведают потомству о деяниях русских воинов, а воины, не только того времени, но и в позднейшие времена будут чувствовать благость и милосердие о них попечение Царей-отцов;

— ровно через год после Кульмской битвы 18 августа 1814 года, следовательно, скоро по возвращении Государя из Парижа последовал Высочайший приказ:

«Воины!

Год тому назад в сей самый день на полях Кульмских, где грудь ваша остановила стремление неприятеля в Богемию, приносил Я вкупе с вами торжественное благодарение Всевышнему за неизреченное к нам милосердие Его. Всегдашние сопутники ваши: мужество, храбрость, терпение и любовь к Вере и Отечеству, увенчали вас новыми после того лаврами, отверзли врата Парижа, даровали мир и доставили лестное воину удовольствие возвратиться со Славою в своё Государство. Оно признательно к службе и трудам, вами перенесенным; именем его изъявляю Я вам благодарность; от лица его приветствую с возвращением в Отечество, Геройские подвиги ваши всегда обращали внимание Моё. Дабы вяще ознаменовать оные и в особенности день 18 августа, я отверзаю ныне путь удобнейший всем увечным в последнюю незабвенную по громким делам своим войну генералам, штаб- и обер-офицерам, как вышедшим уже в отставку, так и тем, кои от ран и увечий в войну сию оставят впредь службу, и не имеющим другого состояния, кроме определенного при отставке пенсия, прибегая во всех нуждах ко Мне. А чтобы просьбы их без всякого промедления были рассматриваемы, проверяемы и подносимы Мне, учреждаю особый комитет, коего обязанность будет принимать просьбы, пецись о доставлении возможного вспомоществования неимущим и увечным генералам, штаб- и обер-офицерам и представлять о них доклады свои».

Командир Гвардейского корпуса граф М. А. Милорадович при раздаче знаков отличия Железного креста, присланных от короля прусского, в приказе по корпусу между прочим сказал: «Да умножат сии новые знаки отличия на груди вашей число тех, которые трудами и кровью приобрели Вы в битвах за спасение Отечества, за славу имени русского и свободу Европы».

1815 год

Начнем 1815 год со всеподданнейшего доклада Морского Министра о переформировании Гвардейского Экипажа, высочайше утвержденного ещё в 1814 году, но приведенного в окончательное исполнение в 1815 году. Из этого доклада видно, что Его Высочество Государь Цесаревич принимал участие в составлении Штата; что новый штат численностью своею подведен под одно общее числительное состояние батальонов гвардии и армии, потребность и польза которого опытами дознаны в последнюю кампанию, и вместе с тем соответствуют и потребностям морской службы; что артиллерийская команда увеличена в составе своем, как соответственно увеличению числа матросов и потребности не двух, а четырех орудий; что ластовая рота соответствует в увеличенном ея составе всем потребностям службы. И, наконец, что составленный новый штат обоза уже являет, что Гвардейский Экипаж в сухопутных походах предназначается также и для понтонерных и пионерных работ. Выписывая здесь штаты эти, не излишним считаем выписать и штаты обоза.

Унтер-офицер и матрос
Гвардейского Экипажа.
1812-1816 гг.

Илл. 56. Унтер-офицер и матрос Гвардейского Экипажа.
1812-1816 гг. Акварель [12]

Знамя
1813 г.

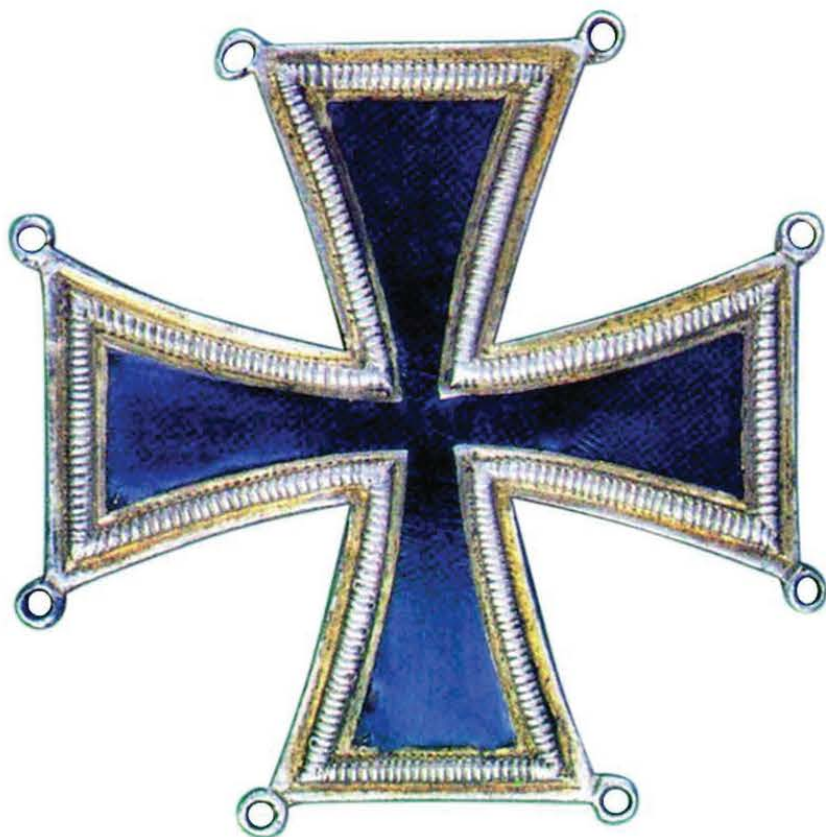
Илл. 61. Знамя Гвардейского Экипажа с Георгиевским знаменем.
1813 г. Акварель [12]

Илл. 57. Матрос Гвардейского экипажа в штыковой атаке. Оловянная миниатюра. Коллекция автора. 2014 г.

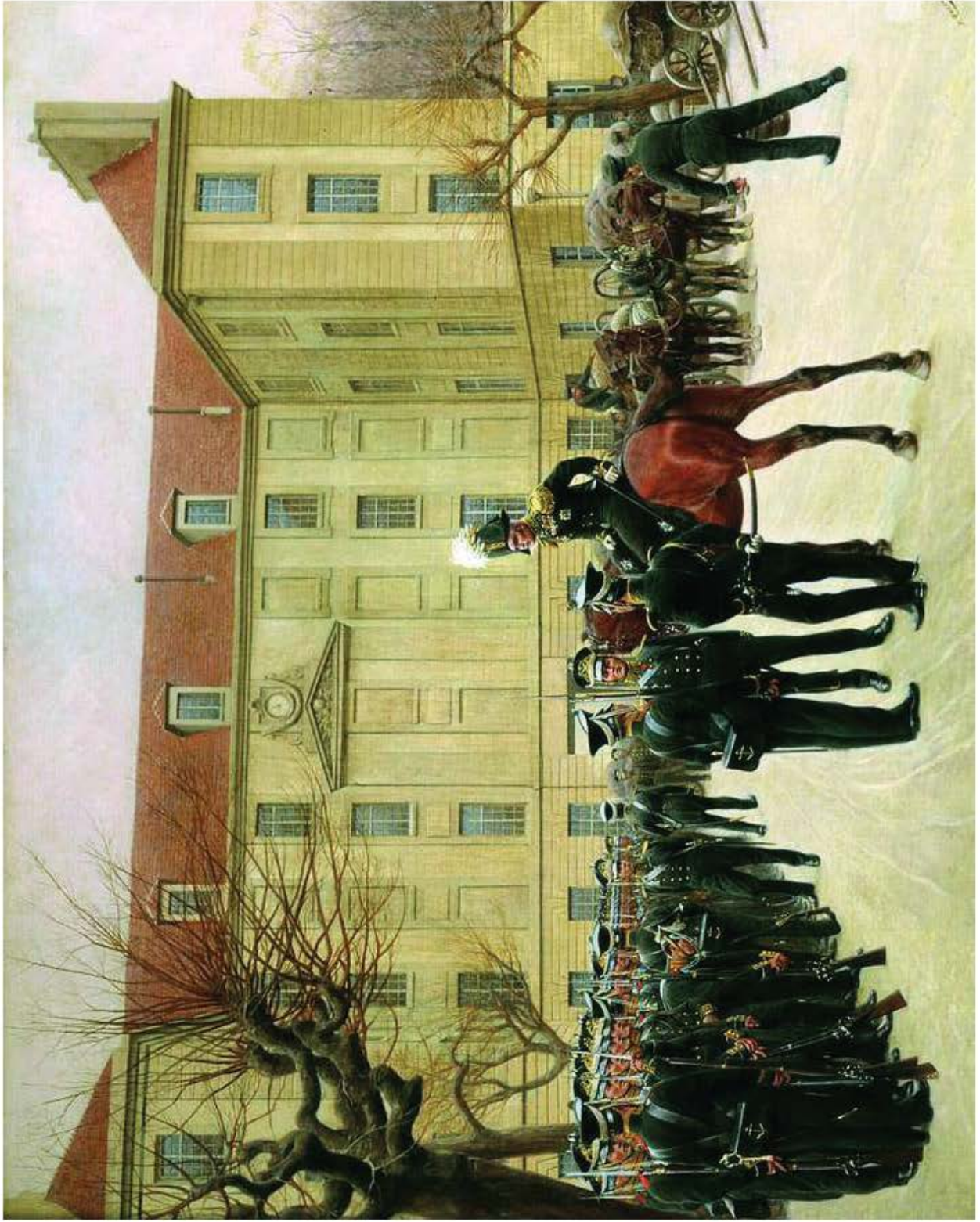
Илл. 60. Солдатский «Знак отличия Железного креста»
(Кульмский крест) [24]

Илл. 59. Офицерский «Знак отличия Железного креста»
(Кульмский крест) [24]

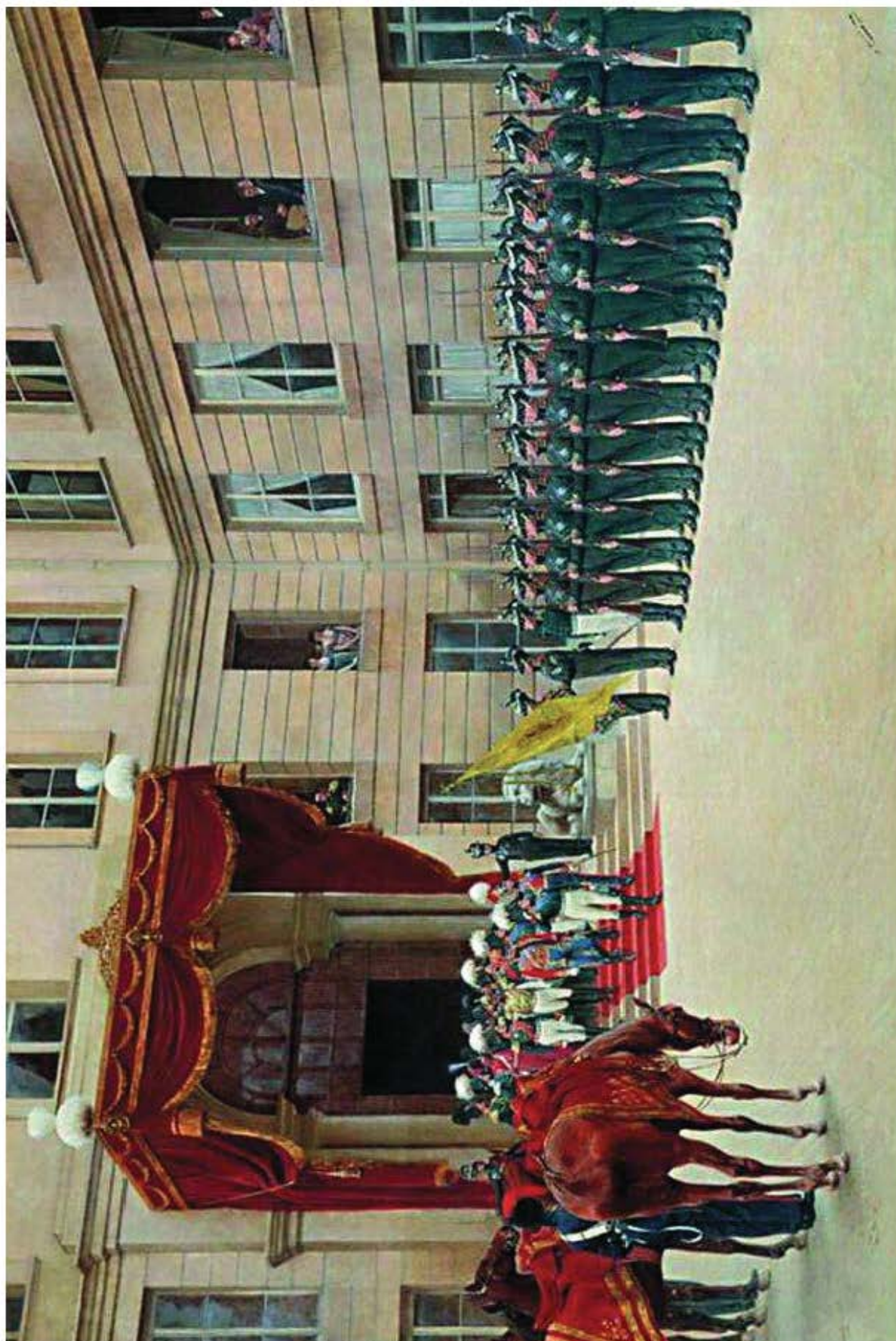
*Илл. 62. Знаменщик Гвардейского Экипажа с Георгиевским знаменем.
Оловянная миниатюра. Коллекция автора. 2014 г.*

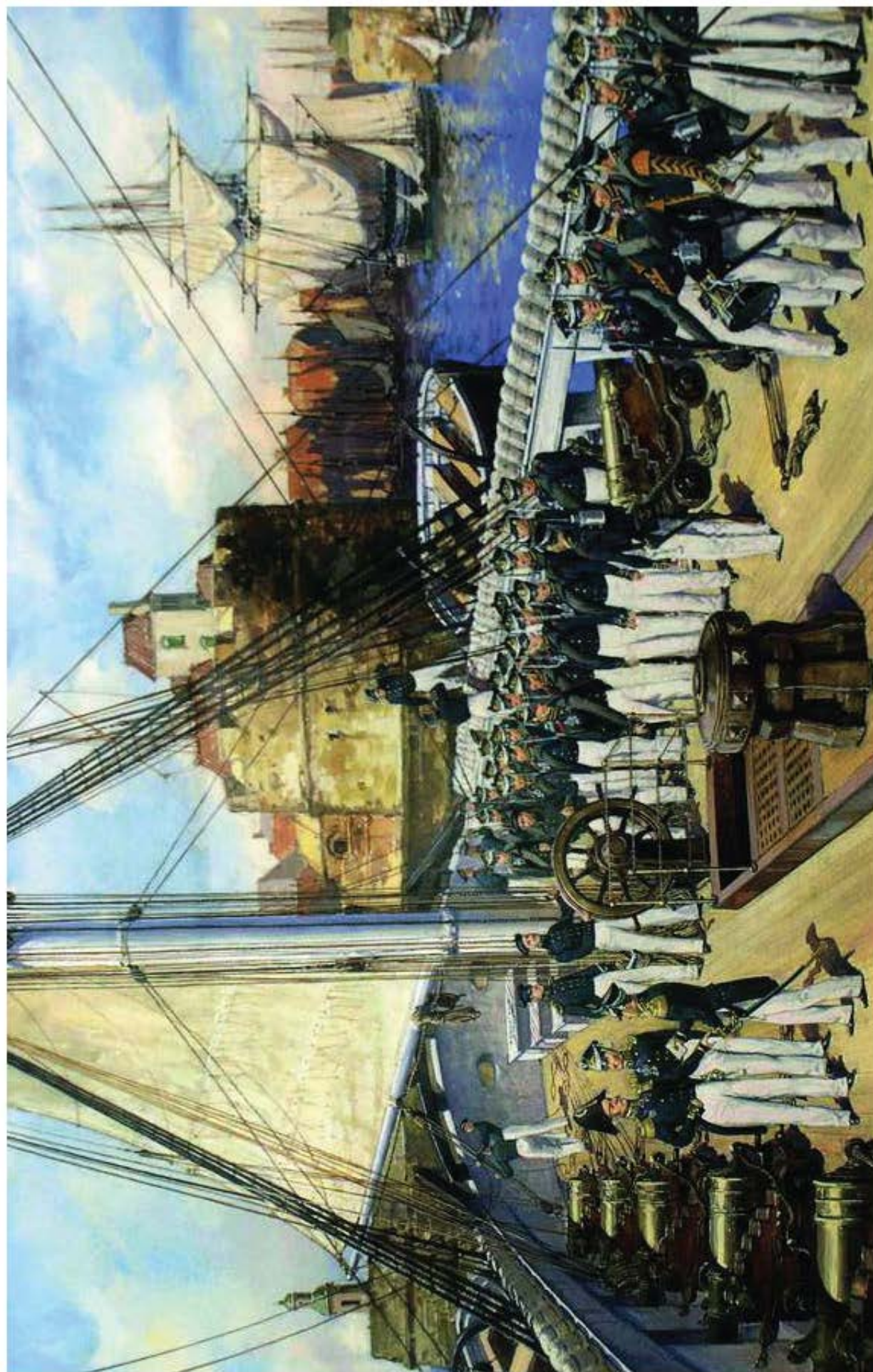
Илл. 63. И. С. Розен. *Гвардейский Экипаж в Париже. 1814. 1911 г. [13]*

Илл. 64. И. С. Розен. Гвардейский Экипаж в Париже. 1814. 1911 г. [13]

Илл. 65. И. С. Розен. *Гвардейский Экипаж в Париже. 1814. 1905 г.* [13]

Илл. 66. А. А. Трохь. Отплытие члена Георгийского Экипажа при возвращении из зарубежного похода на Родину. 1814 г. [11]

Штат Гвардейскому Экипажу, состоящему из 8 рот

	Число людей	Одному окладного в год жалованья		Всего		
		Рубли	Копейки	Рубли	Копейки	
<i>Экипажный командир</i>	1	2275		2275		<i>Жалованье получает в штате, если командир экипажа капитан-командор противу полковых с лейб-гвардии командиром генерал-майором чина, а буде капитан 1-го ранга, то с прибавочными производить по 1390 руб. в год</i>
<i>Капитан-лейтенантов</i>	2	825		1650		
<i>Лейтенантов</i>	12	580		6960		
<i>Мичманов</i>	12	400		4800		
<i>Боцманов</i>	8	97		776		
<i>Боцманматов</i>	8	57		456		
<i>Квартирмейстеров</i>	64	48		3072		
<i>Матросов старшего оклада</i>	420	22		9240		
<i>Матросов младшего оклада</i>	500	13	50	9750		
<i>Младших юнг</i>	48	13	50	648		
<i>Барабанищик экипажный</i>	1	97		97		
<i>Барабанищик ротный</i>	16	16		256		
<i>Флейтичиков</i>	8	16		128		
<i>Музыкантов</i>	24	57		1368		
<i>Нестроевые</i>						
<i>Клерк классный офицерского чина</i>	1	600		600		<i>Если клерк будет 13-го класса и выше, то производить оклад жалованья в штате, а буде 14-го класса, то по 400 руб. в год</i>
<i>Клерк унтер-офицерского чина</i>	1	97		97		
<i>Писарей</i>	3	57		171		
<i>Шкиперов классных офицерского чина, старших</i>	2	600		1200		<i>См. чины, перечисленные в «Военные чины с переводом в Ластовые роты»</i>
<i>=//= младших</i>	1	400		400		
<i>Шкиперских помощников унтер-офицерского чина</i>	3	140		420		
<i>Комиссаров классных офицерского чина</i>	2	600		1200		<i>Если комиссар будет в чине 12-го класса и выше, то производить оклад жалованья, в штате означенного, а буде 13-го или 14-го, то 400 руб. в год</i>
<i>Баталеров</i>	2	97		194		

Унтер-баталеров	1	48		48		
Штурман классный офицерского чина	1	600		600		Если штурман будет в чине 12-го класса и выше, то производить оклад жалованья, в штате означенного, а буде 14-го класса, то 400 руб. в год
Штаб-лекарь	1	1200		1200		
Лекарей младших	2	800		1600		
Фельдшер	3	97		291		
Надзиратель больных унтер- офицерского чина	1	97	25	97	25	
Цирюльников ротных	8	22	50	180		
Поваров	2	30		60		
Лазаретных служителей	8	22	50	180		
Ложной<?> мастер	1	102	50	102	50	
Ему учеников	8	22	50	180		
Коновал Экипажный и кузнец	1	150		150		
Кузнецов	4	22	50	90		
Плотников	8	22	50	180		
Фурлейтов	26	8		208		
Деницков полагается: Экипажному командиру – 8 или 6, капитан- лейтенанту – по 3, лейтенанту – 2, мичману – 1, штаб-лекарю – 2, лекарям – по 1, а экономическим офицерам, состоящим в 9-м классе, – по 2, а в 10-м, 12-м и 14-м классе – по 1.	66	6	30	415	80	
Всего на жалованье	1285			48736	55	

Штат Гвардейского Экипажа Ластовой полуроты, состоящей при Гвардейском Экипаже

	Число людей	Одному окладного в год жалованья		Всего		
		Рубли	Копейки	Рубли	Копейки	
Шкиперов классных Офицерского чина, старших	1	750		750		Переименованных в военные чины
=//= Младших	1	400		400		
Боцманов	4	97		388		

Боцманматов	5	57		114		
Квартирмейстеров	4	48		192		
Матросов старшего оклада	71	22		1562		
=//= младшего оклада	44	13	50	594		
Лекарь младший	1	800		800		
Писарь	1	57		57		
Унтер-баталер	1	48		48		
Денщиков полагается шкиперам старшему – 2, младшему и лекарю – по 1.	4	6	30	25	20	
Всего на жалованье	134			4930	20	

Штат Артиллерийской команды, состоящей при Гвардейском Экипаже

	Число людей	Одному окладного в год жалованья		Всего		
		Рубли	Копейки	Рубли	Копейки	
Командир	1	825		825		Жалованье полагается прибавочными по чину капитана 3-го ранга, но если будет командир капитан-лейтенант, то производить оного по 580 руб. в год
Лейтенантов	2	580		1160		
Унтер-лейтенантов	1	400		400		
Старший унтер-офицер	1	97		97		
Младший унтер-офицер	15	57		855		
Бомбардиров	40	22		880		
Канониров	40	13	55	540		
Барabanчик	1	16		16		
Слесарь	1	48		48		
Денщиков полагается капитану 3-го ранга, капитан-лейтенанту и лейтенантам – по 2, унтер-лейтенанту – 1	4	6	30	25	20	
Всего на жалованье	110			4871	40	

Табель обозу Гвардейского Экипажа

	Число вещей			В год	
		Рубли	Копейки	Рубли	Копейки
В каждые две роты для больных нижних чинов по одной повозке, за каждую по 150 руб.	4	600		75	
Ящиков патронных, каждый по 50 руб.	8	400		50	
Повозок провиантских, каждая по 100 руб.	8	800		100	
Повозок для аптеки	1	50		6	25

Для денежной казны и письменных экипажных дел	1	40		5	
Для слесарных и прочих инструментов	1	50		6	25
Для казначейства	1	50		6	25
Для возки верпов, якорей и разных материалов и инструментов для делания мостов и других переправ во время сухопутного похода полуфургонов, каждый по 50 руб.	2	100		12	50
Лошадей подъемных к оным повозкам, за каждую по 25 руб.	92	2300		284	50
В том числе: К 8 провиантским – 32 К 4 для больных – 16 К 8 патронным ящикам – 24 Под аптеку – 4 Под ящик денежной казны и Экипажных дел – 3 Под Экипажные инструменты – 3 Под казначейство – 4 К 2 особым полуфурам для возки веревок, якорей и прочих разных материалов и инструментов для делания мостов и других переправ во время сухопутных походов – 6					
Денщиков полагается капитану 3-го ранга, капитан-лейтенанту и лейтенантам – по 2, унтер-лейтенанту – 1	4	6	30	25	20
Конской сбруи По числу подъемных лошадей на хомуты со шлеями и уздами, вожжсами и постромками, ремнями на удила и пряжи к уздам железные, за каждую по 10	92	920		115	
Седел по числу повозок, кроме инструментной и 2 полуфур, коих полагается к возке веревок, с постромками и со всем к ним прибором, за каждое по 5 руб.	23	115		14	37 ^{1/2}
На мазание колес осей, на каждую по 80	26	20	80	20	80
На подковку лошадей и на лекарство, на каждую по 1 руб.					
На производство Экипажных письменных работ		230		230	
На починку и перестройку Экипажного строения, как-то: казарм, конюшен, сараев, цейхгаузов, Экипажного дома, на дрова, свечи и масла и на все Экипажные и прочие хозяйственные надобности ежегодно.		25000		25000	

В начале года Экипаж начал готовить оружие яхт; но прибытие Наполеона с о. Эльба после отречения его от французского престола произвело в этой изнуряемой войнами земле вновь военные действия, и вся Гвардия должна была выступить в поход; эту начавшуюся вновь войну и кампанию Высочайше повелено считать продолжением предшествовавших.

Примечание авт.: Закончилась война. Организатор и руководитель нашествия на Россию «двунадесяти языков», самопровозглашенный император Наполеон, 30 марта отрёкся от престола. По общему решению европейских монархов он был отправлен в ссылку на остров Эльба в Средиземном море близ острова Корсика. Однако 4 февраля 1815 г. при поддержке своих сторонников Наполеон бежал с острова Эльба во Францию. Следуя через Канн, Лион, собирая по пути сторонников и войска, он торжественно вступил в Париж, возглавил Францию, армию и возобновил войну. Россия начала отправку своих войск.

Гвардейский Экипаж выступил 9 июня первым из Петербурга, уже в 8 взводов, и в каждом по 30 рядов. В пути Командир Экипажа, капитан-командор Карцов, уволен в отпуск, оставив командование Экипажем старшему по себе капитан-лейтенанту Качалову. В дождливое лето 1815 года поход до Вильно Экипажем совершен благополучно.

Примечания авт.:

1. Четвертого августа Гвардейский Экипаж прибыл в Вильно. Однако после поражения при Ватерлоо Наполеон был окончательно разгромлен и отправлен в ссылку на остров Святой Елены в центральной части Атлантического океана, южнее экватора, а Экипаж 10 августа двинулся в обратный путь из Вильно и 8 сентября вернулся в столицу.

2. Чтобы совершенствовать морские навыки команд судов Морского Гвардейского Экипажа, в его состав, кроме придворных яхт, с 1814 года стали включать и боевые суда: линейные корабли, фрегаты, корветы, бриги. Они уходили в длительные и дальние плавания, посещали порты других государств, выполняли дипломатические миссии, решали другие задачи, круг которых со временем расширялся. По своему образцовому порядку и виду, морской и боевой выучке суда Гвардейского Экипажа всегда и везде являлись гордостью Российского флота. Но это не стало постоянно действующей системой. Бывали достаточно длительные периоды, когда в составе Гвардейского Экипажа не было ни одного боевого корабля. Гвардейский Экипаж по-прежнему оставался придворной морской лейб-гвардией, он всегда был необходим в столице, на императорских яхтах для прогулок, праздников, разных церемоний и, конечно, для несения придворной службы. На парусных судах плавания, даже на короткие расстояния, были зачастую довольно длительными, так как зависели от направления и силы ветра. Царственным особам нежелательно, да и нецелесообразно было на длительное время покидать столицу, терять связь с Россией. В 1814 году в состав Морского Гвардейского Экипажа были включены: 24-пушечный речной фрегат «Россия», который в течение последующих 20 лет состоял в Гвардейском Экипаже, и 44-пушечный морской фрегат «Архипелаг», на котором Экипаж вернулся из Франции после войны с Наполеоном. Эти фрегаты были переданы в Гвардейский Экипаж, поскольку он оставался, как и прежде до войны, морской лейб-гвардией России. Приписаны в 1814 году в состав Придворных яхт Экипажа и две новые гребные яты-галеты: «Паллада» и «Церера». Ниже приведены основные данные Придворных судов, приписанных в последующие послевоенные годы к Гвардейскому Экипажу.

1. Фрегат «Архипелаг». 44 пушки. Длина — 46 м. Ширина — 11,8 м. Осадка — 5,77 м. Заложен 28 января 1811 г. в Главном адмиралтействе в Петербурге, спущен 17 октября 1811 г. Строители — И. С. Разумов и И. В. Курепанов. В ходе наводнения 7 ноября 1824 г. был выброшен на мель в Военной гавани Кронштадта. Снят с мели 14 ноября 1824 г. В 1828 г. разобран в Кронштадте.

2. Речной фрегат «Россия» (с 1827 г. «Екатерингоф»). 24 пушки. Заложен 20 декабря 1813 г. в Главном адмиралтействе в Петербурге, спущен 23 июня 1814 г. Строитель — А. К. Каверзнев. В 1828–1831 гг. был брандвахтой в устье Невы. В 1831 г. Фрегат «Россия» обращен под магазин при Охтенской верфи. С 1816 по 1827 г. ежегодно находился в плаваниях в Финском заливе (между Санкт-Петербургом, Кронштадтом и Петергофом). Командиры: А. Е. Титов (1816–1818 гг. и 1820–1821 гг.), М. Н. Лермонтов (1825–1827 гг.), М. С. Голенкин (1828–1830 гг.).

3. Яхта-галет «Паллада». Придворная, гребная, гвардейская. Была заложена 5.11.1814 в Санкт-Петербургском Новом Адмиралтействе. Строитель — Г. С. Исаков. Спущена 15.7.1815 г. Длина — 22,4 м. Ширина — 6,3 м. Осадка — 2,7 м. 14 орудий. 2 мачты и 12 весел. В 1815–1822 гг., в 1828 и 1829 гг. была в составе отрядов судов Гвардейского экипажа, плавала между Санкт-Петербургом, Кронштадтом и Петергофом. Яхта разобрана в 1835 г. в Санкт-Петербурге. Командиры: Н. Г. Казин (1815–1816 гг.), П. Д. Балкашин (1817 г.), Т. К. Лялин (1818 г.), Н. Ф. Тимирязев (1819–1820 гг.), К. И. Черкасов (1822 г.), А. М. Воейков (1828 г.), П. А. Шапенков (1829 г.).

4. Яхта-галет «Церера». Придворная гребная. Была заложена 10.12.1814 в Санкт-Петербургском Новом Адмиралтействе. Строитель — Г. С. Исаков. Яхта спущена на воду 15.7.1815 г. и вошла в состав Придворных судов Гвардейского экипажа. Длина — 21,7 м. Ширина — 5,8 м. Осадка — 2,1 м. 14 орудий. 2 мачты и 12 весел. В 1815–1826 гг. плавала между Санкт-Петербургом, Кронштадтом и Ораниенбаумом. В 1827 г. и 1828 г. в составе отрядов судов Гвардейского эки-

пажа ходил по Финскому заливу. Яхта разобрана в 1830 г. в Санкт-Петербурге. Командиры: М. Н. Чихачев (1818 г.), князь П. Г. Волконский (1819 г.), М. Н. Лермонтов (1820–1823 гг.), И. С. Авсов (1824 г.), Н. П. Акулов (Окулов) (1825 г.), С. С. Нахимов (1826 г.), А. С. Дешаплет (до 8.1827 г.), П. Д. Балкашин (с 8.1827 г.), М. Е. Шпицберг (1828 г.) .

5. Яхта «Нева». Длина — 21,6 м. Ширина — 5,7 м. Осадка — 2 м. Парусное вооружение брига. Гвардейская яхта. Заложена в 1808 г. в Главном Адмиралтействе в Санкт-Петербурге, спущена 17 мая 1809 г. Строитель — Г. Исаков. В 1812 г находилась в Кронштадте при корабельном флоте. В 1813 г. перешла в Выборг. В 1830 г. была брандвахтой в Риге. В 1831–1837 гг. была брандвахтой в устье Западной Двины. Яхта разобрана в Риге в 1838 г.
6. Яхта-галет «Торнео». Яхта Морского Министра. Была заложена 10.3.1810 г. в Санкт-Петербургском Главном Адмиралтействе. Строитель — Г. С. Исаков. Спущена на воду 19.7.1810 г. Длина — 22 м. Ширина — 6,9 м. Осадка — 3,4 м. 14 орудий. С 1811 г. находилась на Петергофском рейде. В 1812 и 1813 гг. числилась при корабельном флоте, но участия в боевых действиях не принимала. В 1814 и 1817 гг. плавала между Санкт-Петербургом и Кронштадтом. С 26.7 по 16.8.1820 г. ходила по Финскому заливу под флагом Морского Министра адмирала маркиза И. И. де Траверсе «для осмотра портов». Была разобрана в 1825 г. в Кронштадте. Командиры: Г. Я. Коростовец (1811), А. П. Лазарев (1814) .

Уже 2 октября 1815 года Гвардейского Экипажа речной фрегат «Россия» и две императорские яхты вышли на рейд. Первый под командою капитан-лейтенанта Титова, а яхта «Паллада» под командою лейтенанта Мордвинова и «Церера» под командою лейтенанта Ушакова; при этом Экипаж исполнял по всей точности гарнизонную службу, занимая караул в свою очередь по первому отделению. Хоть льды по реке заставили фрегат и яхты войти в гавань и кончить кампанию 29 октября.

В этом 1815 году воспоследовало Высочайшее повеление о разделении ордена Св. Анны на четыре степени, и полученные в эту кампанию ордена 3-й степени повелено считать 4-й; а в приказе по Экипажу 8 ноября объявлено, что по Высочайшей Его Императорского Величества воле, золотая и серебряные медали, пожалованные императором августейшим и королем Прусским, должны после выбывающих возлагаться на отличнейших из нижних чинов, бывших с Экипажем в сухопутном походе, а потому медали эти по случаю увольнения от службы матросов Щелкунива и Бурдыгина возложены на матросов: золотая на Михайло Емельянова и серебряная на Еремея Афанасьева.

В окончании описания этого 1815 года поместим, что декабря 2-го Адъютант Его Императорского Высочества Государа Цесаревича Константина Павловича Гвардейского Экипажа капитан 2-го ранга Колзаков за усердие к службе и ревностное исполнение должности своей, произведен в капитаны 1-го ранга с оставлением прежней должности и что Гвардейский Экипаж, увеличенный в численном составе, не мог более помещаться в Литовском замке, а потому и был разделен так, что первая его половина разместились в казармах близ Галерного порта, а другая оставалась в Литовском замке; но замеченное вскоре неудобство в столь отдаленном квартировании заставило перевести часть Экипажа в Морскую казарму у Калинкина моста (Попов Дом), первую же часть Экипажа, выведя из Галерной гавани, расположить по-прежнему в Поповом доме.

Глава VI. Служба и действия Гвардейского Экипажа 1816, 1817 и 1818 годов и плавания фрегата «Меркуриус»

1816 год

Разделяя с Гвардией всю Гарнизонную в столице службу, принимая участие во всех смотрах и парадах, Гвардейский Экипаж не отставал и от коренной своей службы, и в начале февраля уже Командир Экипажа приказом по Экипажу отделил в такелажную офицеров и нижних чинов для отделки такелажа для Гвардейских парусных и гребных судов. В апреле месяце 22-го числа последовало Высочайшее повеление о назначении для заграничного плавания Гвардейскому Экипажу одного фрегата и о назначении командиром на этот фрегат старшего по командире Гвардейского Экипажа, капитан-лейтенанта Качалова. Деятельно принялся Гвардейский Экипаж за работу на судах, между тем являлся на парадах и учениях и заслуживал милостивое внимание Государя. Артиллерийская команда этого экипажа выходила на парад в этом году с орудиями, которые принимала за 4 или 5 дней до парада из 1-й Гвардейской артиллерийской бригады с лошадьми из-под оставшихся от парада ящиков.

В том же месяце последовало назначение на парусные суда Гвардейского Экипажа: на 24-пушечный фрегат «Россия» — капитан-командор Карцов, на яхту «Паллада» — капитан-лейтенант Мандерштам, на яхту «Церера» — капитан-лейтенант Титов. Сверх этих трех яхт в состав Гвардейских парусных судов поступили: Морского Министра яхта «Торнео», бот «Алард» и вытимибированная яхта «Нева», на которые были назначены команды также из Гвардейского Экипажа, а последнюю приказано этого же Экипажа лейтенанту Лазареву 3-му принять в своё командование; 14 мая Гвардейский Экипаж был вместе с Гвардейским корпусом на Высочайшем смотре, а 26-го того же месяца все Парусные суда его стояли уже у Каменного острова; и 29-го были на Ораниенбаумском рейде; 2 июня сопровождали Его Величество Государя Императора в Кронштадт и по возвращении Его Величества остались в крейсерстве.

По случаю бракосочетания Государыни Великой Княжны Анна Павловны с Его Высочеством наследным Принцем Оранским его Величество Король Нидерландский прислал Его Императорскому Величеству Императору Александру I Голландский беур, построенный по образцу того, который был построен в Саардаме Императором Петром I. Буер этот был привезен на трехмачтовой голландской «Флейте», имевшей поручение приобрести в России груз строительного леса. При буере находились офицеры голландского флота и того же флота капитан полковничьего ранга и флигель-адъютант короля Ландсгер. Императору угодно было, чтобы буер этот был принят на законном основании в Гвардейский Экипаж, чтобы офицер Гвардейского Экипажа был прикомандирован к Свите наследного Принца Оранского, как для принятия буера, так и для предупреждения каких-либо желаний, представивших Его в Россию. Исполнение этой Высочайшей воли возложено было на адъютанта Гвардейского Экипажа. Переведя на русский язык дельную книгу Буера, писанную по-французски, и приняв буер со всем находившимся на нем серебром, адъютант за общим предписанием с флигель-адъютантом Ландсгером, донес о том по начальству и получил приказание серебро сдать в Придворную контору, а буером командовать и быть всегда готовым к принятию Императорской фамилии.

Между тем офицеры голландского флота, сопровождаемые адъютантом, осматривали достопримечательности Перетбурга; во время Высочайшего пребывания Государя Императора на Каменном острове, Его Величество изволил часто кататься на этом буере, иногда и с Императрицею; даже Императрица-мать в приезд свой из Павловска разделяла с Государем это удовольствие; вся команда этого буера состояла из командира-адъютанта Экипажа, одного унтер-офицера и трех матросов.

Гвардейского Экипажа яхты поочередно выходили в море, так что у Каменного острова оставались всегда три яхты, а четвертая крейсерствовала неделю; в отсутствие же Императора выходили все. Во время приездов Императрицы-матери на Каменный остров Гвардейские яхты встречали Ея Величество при проезде по берегу, выставляя людей по реям и русским приветствием «ура!». И в этот день обыкновенно была на фрегате музыка Гвардейского Экипажа как во время обеденного стола и во время зари с церемонией. В другие же дни Государю Императору неблагоугодно было иметь музыку и зарю били вообще без музыки; к 22 июля яхты собрались на Петергофском рейде, по заведенному порядку принимали участие в празднестве 22 июля по случаю Тезоименитства Императрицы

Марии Федоровны, расцветались днем флагами, а вечером иллюминировались фонарями и составляли небольшие фейерверки. Император Александр I посещал Кронштадт, переезжая из Ораниенбаума всегда на катере, управляемом постоянно при подобных переездах командиром экипажа, капитан-командором Карцовым, а голландский буер всегда держался около Императорского катера; этот буер, как памятник Императора Петра I, обращал на себя внимание Царствовавшего Императора, и Государь часто при посещении буера и при поездках на нём с окружающими Его Величество воспоминал деяния в Бозе почившего великого предка своего.

Служба в Гвардейском Экипаже была по-прежнему привлекательна, и даже нижние чины неохотно расставались с этой службою, и в этом 1816 году явлен этому первый пример, первый, может быть, и во флоте. Боцман и фельдфебель 2-й роты Василий Павлов, храбрый и распорядительный и столь же нравственно достойный, выслужив узаконенные 25 лет, пожелал остаться в службе, этому примеру последовал и квартирмейстер Григорий Андреев, и 12 июня этого года объявлено по Экипажу разрешение об оставлении их обеих на службе и о производстве их в пенсион, на основании регламента Петра Великого, денежного жалованья, какое получают; вместе с этим выдан каждому из них третьей пансион за сентябрьскую прошлого 1815 года, треть первому — 63 руб. 5 коп., а второму — 32 руб. 94 коп. ассигнациями.

В этом же 1816 году последовало в присутствии Государя Императора освящение вновь выстроенной Санкт-Петербургской купеческой биржи; Гвардейские яхты по этому случаю перешли по Высочайшему повелению от Каменного острова и собрались из крейсерства к Санкт-Петербургской бирже, встали вокруг Биржевого мыса и 15 июля во время освящения приняли в этом торжестве участие. Расцветенные флагами яхты во время удостоенного Высочайшего присутствия обеденного стола, в биржевой зал произвели пальбу по сигналам из-под Биржевой колоннады; вечером были иллюминированы фонарями.

Между тем не упускалась и кампания на фрегате за границу. На этот предмет назначен был Морским Министром 44-пушечный фрегат «Меркуриус». К сожалению, иханечного журнала этого фрегата не находится и остается довольствоваться сведениями, которые у нас под руками, при всем том известно, что цель посылки фрегата за границу была доставка приданого Ея Высочества Великой Княгини Анны Павловны, Ея служителей и прочих вещей в Голландию, путешествие Его Высочества Государя Императора Великого Князя Николая Павловича и зимовка Его Высочества в Лондоне.

К отделке такелажа и к приготовлению фрегата к вооружению ещё в апреле месяце посланы были в Кронштадт офицеры и нижние чины Гвардейского Экипажа; в продолжение лета дополняли эту команду, дабы дать возможность приступить и к вооружению, а 26 июля три роты Гвардейского Экипажа были уже отправлены на фрегат. Вскоре после того «Меркуриус» вышел из гавани, принял груз и пассажиров и, не теряя времени, отправился в море. В сентябре достиг Гельветс-шлюза, там на рейде положил якорь и начал сдавать груз. Сдав груз, отправился в Англию; по предписанию, данному командиру фрегата, он должен был войти в Темзу, подойти сколь можно ближе к Лондону и там дожидаться дальнейших повелений. Фрегат дошел до Вульвича и там положил якорь. Вскоре прибыл в Лондон Его Императорское Высочество Государь и Великий Князь Николай Павлович, и фрегат остался в Вульвиче на зимовку. Его Высочество не раз посещал фрегат «Меркуриус» и даже удостоил почтить присутствием своим празднество офицеров фрегата, данное в день рождения, 12 декабря 1816 года, Августейшего Своего Государя Императора Александра I.

Примечание авт.: В 1816 году в состав Экипажа включается 44-пушечный фрегат «Меркурий» («Меркуриус»). Длина — 48,53 м. Ширина — 12,65 м. Осадка — 3,86 м. Заложен 14 марта 1814 г. на Охтенской верфи в Петербурге, спущен 13 июля 1815 г. Строитель — В. Ф. Стоке. В 1816 г. доставил в Голландию приданое Великой Княгини Анны Павловны. Затем перешел в Англию и находился в распоряжении Великого Князя Николая Павловича. Весной 1817 г. вернулся в Кронштадт. Осенью 1817 г. вышел из Ревеля в Испанию и прибыл в Кадис. В 1818 г. фрегат сдан испанскому правительству, переименован в «Mercurio». В море не выходил и был сдан на слом в 1822 г.

В 1816 г. новый фрегат «Меркурий», укомплектованный Морским Гвардейским Экипажем, получает специальное и ответственное задание. Дело в том, что в сентябре этого года 20-летний Великий Князь Николай Павлович, брат Императора, отправился в путешествие по странам Европы. Но главной целью было посещение Англии для ознакомления с ее промышленностью: судостроением, металлургией, производством вооружения, строительством крепостных, портовых

и морских сооружений. Этот технический интерес Николая Павловича, а, кстати сказать, он к техническим наукам в ходе своего образования относился с исключительной прилежностью, вызывался еще и тем, что вскоре ему надлежало занять ответственную должность в вооруженных силах России: генерала-инспектора по инженерной части.

Он уже был в Англии вместе с Императором Александром I еще в 1814 году, но пребывание там имело другие цели и было кратковременным.

13 сентября Николай Павлович выехал из Павловска. Маршрут проходил через Берлин, французский порт Кале, английский порт Дувр, откуда путь лежал в Лондон. В Берлине, куда он прибыл 21 сентября, главной целью его пребывания было более близкое знакомство с прусской принцессой Шарлоттой — его 18-летней невестой, дочерью прусского короля Фридриха-Вильгельма III, с которой он познакомился еще в 1814 году по пути в Париж.

Прибыв в Лондон, Николай Павлович нанес визиты английскому королевскому дому, после чего отправился в поездку по маршруту: Эдинбург — Ливерпуль — Плимут — Портсмут — Брайтон, откуда через Дувр — Кале — Брюссель — Берлин, в конце апреля прибыл в Петербург.

Фрегат «Меркурий» и был назначен обеспечивать в качестве стационара Николая Павловича в Англии на весь период его пребывания. Он вышел из Кронштадта заблаговременно, по пути посетил Голландию, к прибытию Николая Павловича находился в Лондоне и выполнял функции стационара до его убытия. Конечно, это была не простая стоянка. Русский фрегат, безусловно, вызывал интерес не только у английских морских кругов. Он был на виду у всех — и англичан, и представителей других государств. Ведь это был не просто фрегат, это, по английским понятиям, был королевский фрегат. Поэтому и офицеры, и матросы должны были быть на должном уровне, как по внешнему виду, выправке, организации службы, так и по содержанию фрегата. Ежедневно на виду у англичан на фрегате проводились парусные и артиллерийские учения, в которых моряки-гвардейцы демонстрировали профессиональное умение и ловкость, быстроту и лихость в выполнении команд, что вызывало восхищение и восторг у зрителей. Часто командиру фрегата приходилось принимать на борту членов королевской семьи, представителей морского и армейского командования, промышленных кругов, воспитанников морского училища и других важных гостей. Здесь необходимо было знание языка, обширные познания обычаев и традиций страны, культуры и светского этикета, умение принять гостей и многое другое. И так продолжалось почти пять месяцев. Это почетное, но очень сложное задание Гвардейский Экипаж фрегата выполнил блестяще.

*В этом же 1816 году Его Величеству благоугодно было приказать отправить в Швецию в Стокгольм по желанию Наследного Принца Шведского от всех полков лейб-гвардии несколько человек нижних чинов, в том числе назначенного и от Гвардейского Экипажа матроса Михайло Емельянова со всею амунициею и со всеми по штату положенными вещами; 11 августа люди всего корпуса отправлены с вещами в Кронштадт, помещены на бриг «Олимп» под командою капитана П. Н. Суцова и вскоре отправлены в Стокгольм; бриг возвратился в то же лето назад, а с ним и матрос Емельянов, украшенный шведской медалью. Командировка в Штутгард ластовой роты Гвардейского Экипажа столярного подмастерья Василия Кудрявцева, маляра Нестофора Фомина и кузнеца Ивана Чеснокова с вещами Ея Высочества Государыни Великой Княгини Екатерины Павловны являет, какую доверенность приобрел Гвардейский Экипаж и как оценена была точность исполнения своих обязанностей всех служащих в Экипаже.**

**Примечание М. Н.: Вещи эти перевезены из Кронштадта морем до берегов Северной Германии, а оттуда уже берегом.*

*В том же году появилась потребность устроить в Экипаже школу юнг. Средством и поводом к тому были присланные от коменданта Петропавловской крепости воспитанники военно-сиротского отделения. Воспитанников этих сначала прикомандировали к музыкальной команде и образовали из них музыкальную школу; неспособные к музыке стали заниматься в канцелярии, продолжая при том преподавать воспитанникам те науки, которые им преподавались в военно-сиротском училище. Закон Божий, чистописание, арифметика и счетоводство; временная школа эта состояла в ведении адъютанта Экипажа;**

**Примечание М. Н.: Воспитанники школы в звании юнг были расписаны по ротам для довольствия, скоро потом отчислены были от музыкантов, и школа состояла уже при Ластовой роте; из этой школы вышли музыканты, хорошие матросы и унтер-офицеры и, наконец, толковые хозяйственные чины.*

Император Александр I, обремененный заботами об устройстве Европы, производил в исполнение и благодетельные намерения свои, клонившиеся к общему благу его подданных. Гвардия Государя работала Обводной канал; но Гвардейский Экипаж, имевший свои коренные работы, не участвовал в работе на канале; только во время распутицы, когда Гвардейские полки были на заречном положении, тогда Гвардейский Экипаж заменял на этой работе лейб-гвардии Гренадерский полк.

В исходе этого года именно 22 декабря последовало Высочайшее повеление о прибавке жалования офицерам армии и флота.

1817 год

В следующем 1817 году 2 февраля Морской Министр сообщил Экипажу Высочайшее повеление о производстве в Гвардейском Экипаже прибавочного флоту жалования на одну половину больше, т.е. полуторное; канцелярия Экипажа поспешила сообщить эту Высочайшую милость на фрегат «Меркуриус» в Вульвиче. 29 февраля приказом по Экипажу объявлено предписание начальника 1-й Гвардейской пехотной дивизии от 21 февраля за № 228, при котором приложены были Всеподданнейшее письмо к Его Императорскому Величеству генерала-адъютанта графа Остермана-Толстого, и в ответ на это письмо Высочайший Императорский рескрипт; как с того, так и с другого начальник дивизии предписывал списать в роты копии и хранить их в ротах в воспоминание этих знаменательных событий, а потому то и другое вносится в очерк истории Гвардейского Экипажа.

Всеподданнейшее письмо генерала-адъютанта графа Остермана-Толстого:

«Богемия, в ознаменование подвига, которым Гвардия Вашего Императорского Величества покрыла себя и Россию бессмертною славою, прислала мне кубок, украшенный разными камнями своей земли. Я, назначив на оном имена полковых командиров, в сем деле участвовавших, и обер-офицеров, лишившихся при том жизни, священной обязанностью поставляю поместить тут же коренное русского народа мнение: за Богом молитва, а за Царем служба не пропадет. Всеподданнейше прошу Ваше Величество позволить сей кубок отдать в Преображенский полк на сохранение и Всемиловейше повелеть, дабы оный отныне и навсегда каждый Великий пост подаваем был в полковой церкви после Приобщения Святых Таинств нижним чинам с теплотою вместо сосуда, Греко-Российскую церковь подаваемого, при сем случае употребляемого».

Высочайший рескрипт Его Императорского Величества генерал-адъютанту графу Остерману-Толстому:

«Граф Александр Иванович! Поднесенный Вам от богемских жителей кубок, украшенный ея земли камнями, есть приятное для Отечества нашего свидетельство чистосердечной благодарности сего народа за отвращение от него опасности бессмертных при Кульме подвигов Российской Гвардии. Я в полной мере одобряю испрашиваемое вами с письмом вашим распоряжение о сем кубке, но не могу оставить без замечания, что вы, отдавая должную справедливость участвовавшим в сем знаменитом сражении воинам, забыли себя, тогда как вы в оном предводительствовали и потерием руки своей купили победу. Обстоятельство, умолченное вашею скромностью, но незабвенное Отечеством, и которое, конечно, не устанет твердиться в устах потомства».

В этом же году 3 марта объявлена по Гвардейскому Экипажу выписка из журнала Комитета Гл. Министров, удостоенного Высочайшего утверждения 20 января, о воспреещении носить знак ордена Св. Иоанна Иерусалимского.

Исполнение строевой службы не отвлекало Экипаж от прямых обязанностей по делу родному, по своей основной морской службе, Гвардейский Экипаж не упускал из виду приготовление и обделку такелажа. Наблюдал за адмиралтейскими работами на судах, к Экипажу приписанных, облегчал эти работы своими средствами, и не кончилась ещё зима, а на все яхты были назначены командиры и именно: на фрегат «Россия» — капитан-лейтенант Титов, на яхту «Паллада» — капитан-лейтенант Мандерштерн, на яхту «Церера» — лейтенант Казин, а на яхту «Нева» — лейтенант Лазарев. Между тем продолжались строевые учения, занятия гарнизонною службою, смотры и парады; офицеры и нижние чины были беспрестанно заняты, не чуждались при том и доступной каждому любоз-

нательности, что доказывалось действиями этого же Экипажа капитан-лейтенанта фон Принца, часто употреблявшегося для подъема тяжестей из воды и вообще для приложения механики к усугублению действия сил; тесные ворота в Кронштадт и некоторые части Кронштадтских гаваней очищены от затопших днищ военных судов, приложением на практике средств, капитан-лейтенантом фон Принцем представленных и тем же в действие приданных. Прикомандированный к Экипажу лейтенант Бестужев в небольшой брошюрке ознакомил вскоре после этого о способе изготовления такелажа из сырых материалов, употребляемом в Голландии; впоследствии один из офицеров представил первое после заключения всеобщего мира плавание французов в Сенегамбию и описал крушение «Медузы», флагманского фрегата французской эскадры. Всё это вносится в очерк истории этой для того, чтобы из этих фактов вывести заключение, по произволу каждого читающего о стремлении и усердии всех в Экипаже к тому, чтобы достойно носить звание Императорской Гвардии, не отставая ни в чём от войск Гвардейского корпуса, в то же время соревнуя удержанию за собою достоинства моряков, представителей флота перед гвардиєю и армиею, достойно носить на себе звание моряка, готового и способного на всякую службу Отечеству.

В исходе апреля вернулись из Штутгарта все нижние чины Гвардейского Экипажа, сопровождавшие вещи Ея Величества Королевы Вюртембергской Екатерины Павловны и все уволены от службы, и в то же время приступлено и к вооружению парусных Гвардейских судов фрегата «Россия», яхт «Паллада», «Церера» и «Нева», бота «Алард» и Голландского буера, а 6 и 7 мая яхты пошли уже в море по разным назначениям.

В том же году последовало Высочайшее соизволение о возобновлении Каменного театра и о наряде к охранению и караулу строительных материалов нижних чинов от Ластовой роты Гвардейского Экипажа.

16 мая все яхты в полном блеске стояли у Каменного острова, снабженные и укомплектованные во всех отношениях, и в этот же день Гвардейский Экипаж явился с таким же блеском на парад, конечно же, не восьмивзводным батальоном, а только в шесть взводов по 26 рядов в каждом, заслужил Его Императорского Величества благоволение и милость. В июле месяце фрегат «Меркуриус» возвратился из Англии, но, к крайнему сожалению, по неотысканию иханечного журнала мы не можем сообщить ничего о плавании его. Яхты и все парусные Гвардейские суда пользовались всеми представлявшимися им средствами к приобщению нижних чинов морскому делу; суда эти, кроме очередных, выходили в море в составе эскадры и не упускали из виду ничего, способствовавшего к достижению настоящей цели. При всем том не забывали и сухопутного строя. Числительное состояние Экипажа, как в строевых ротах, так и в артиллерийской, ставило его в возможность принимать участие во всех парадах и маневрах вместе с Гвардейскими полками и в то же время производить маневры морские, по предположению начальства, связанные с сухопутными. При этих маневрах артиллеристы Гвардейского Экипажа, расписанные по судам, встречали иногда с берега из полевых орудий выстрелы своих одноротных сослуживцев.

Так и в этом 1817 году Гвардейский Экипаж производил в Высочайшем присутствии, высадив с яхт десантом Ораниенбаума разделенный на два батальона весь оставшийся на берегу состав Гвардейского Экипажа, а артиллеристы его, не занятые службою на яхтах, приняв от начальника арсенала 4 орудия, две трики и два единорога $\frac{1}{4}$ картоула, со всею принадлежностью выступили на маневры вместе с Гвардиєю. Вслед за высадкою Гвардейский экипаж принял участие в общих сухопутных маневрах.

(См. Илл. 67) Унтер-офицер и барабанищик (строевая форма). 1817–1819 гг. Акварель [12].

(См. Илл. 68) Барабанищик Гвардейского экипажа на сухопутных манёврах. Оловянная миниатюра. Коллекция автора.

(См. Илл. 69) Обер-офицер и канонир артиллерийской команды. 1817–1823 гг. Акварель [12].

4 августа этого года при спуске со стапеля в Главном Адмиралтействе 84-пушечного корабля «Фершампенуаза» и по случаю закладки 110-пушечного корабля «Твердого» Гвардейский Экипаж

и яхты стояли в линии выше эллинга и встретили вновь выстроенный корабль беглым огнем со всех яхт по 2 выстрела с орудия, потом расцвелись флагами на весь день; при этом случае было 5 Гвардейских катеров. Остальное за тем летнее время Гвардейские парусные суда проводили попеременно в плавании или у Каменного острова. Голландский буер состоял по-прежнему под командою адъютанта Экипажа, и Государь Император по-прежнему изволил во время Высочайшего пребывания на Каменном острове кататься на буере по обеим Невкам.

5 сентября этого 1817 года все яхты и фрегат вошли в Гавань, разоружились и Гвардейский Экипаж уже в полном составе своём занялся предметами сухопутной службы, не отставая ни в чем от прочих полков, и чтобы заключить этот год, что по сведениям, под руками бывшим, не видно, удостоивал ли Император Александр I Высочайшим посещением Кронштадтский порт и его рейд в этом году.

1818 год

В служебных занятиях незаметно для Гвардейского Экипажа настал 1818 год. Эти занятия не изменили водворившегося в Экипаже порядка, то же попечение о зимующих в канале Галерного порта, приписанных к Экипажу судах, те же заботы об исправлении их и приготовлении к предстоящей 1818 года кампании и, наконец, то же усердие быть перед лицом Монарха достойными представителями флота.

В феврале этого года золотую австрийскую медаль на основании статута надобно было отослать в Дежурство 1-й Гвардейской пехотной дивизии для отправления ее в Австрийское посольство.

Отсутствие Государя Императора дало повод Главному Морскому Начальству в этом году задержать Гвардейские парусные суда в гавани долее обыкновенного, и суда эти вышли на рейд только 12 июня. Фрегат «Россия» под командой капитан-лейтенанта Титова, яхта «Паллада» под командою лейтенанта Лялина, «Церера» под командою лейтенанта Чихачева, и «Нева» под командою лейтенанта Лазарева 3-го; бот «Алард» и Голландский буер. Первые три и последний встретили Государя Императора в линии у Зимнего дворца, а «Нева» и бот «Алард» были в крейсерстве.

В течение зимы с прошедшего 1817 на 1818 год построена корабельным мастером Сарычевым и причислена к Гвардейскому Экипажу 40-весельная баржа; чистота отделки и убранство соответствовали во всех отношениях и вкусу, и времени; на корме баржи была устроена разборная и богато убранная каюта и 40 человек гребцов, выбранных из всего Экипажа, первым размахом в воде весел двигали баржу заметно вперед противу прочих гребных судов.

Приказом по Экипажу 21 июня Командир Экипажа предписывал всем яхтам, стоявшим в линии противу Зимнего дворца расцветиться на другой день флагами по случаю выезда в столицу короля Прусского, коль скоро будет услышана пальба из орудий, расположенных за городом, поднять на самых видных и при том почетных местах прусские флаги и быть готовыми салютовать по первому приказанию, возлагая при том всю точность исполнения на старшего по Эскадре капитан-лейтенанта Титова; командир же Экипажа находился в строю при войске с остальной частью Экипажа.

С обыкновенной точностью исполнили Гвардейские парусные суда приказ командира Экипажа, и 28 июня по его же, капитан-командора, распоряжению все вообще парусные и гребные суда, в том числе и вновь выстроенная баржа, изготовились принять высокого посетителя и союзника нашего Императора. В этот день Государю угодно было назначить прогулку по воде около островов на Гвардейских гребных судах. Император в это лето пребывал в Зимнем дворце, и около 6 часов пополудни Император и Король Прусский, вся императорская фамилия с окружавшими их придворными особами вышли из дворца на набережную, на яхтах разошлись люди по реям и приветствовали высокого гостя русским «ура!» и военной музыкою. Император Александр I и Король Фридрих Вильгельм III, посадив всех дам Императорского дома на баржу, присоединились к ним со всеми членами Царственного семейства, прочие же особы разместились по катерам. Капитан-командор Карцов управлял баржею, три офицера были при катерах.*

**Примечание М. Н.: Лейтенанты Римский-Корсаков, Лермонтов и Набоков.*

Все гребные суда на греблю пошли вверх по реке в линии, музыка Гвардейского Экипажа сопровождала эту поездку, стараясь держаться на траверзе баржи. Но тщетны были усилия сохранить расстояние между катерами и баржею, шедшею впереди; красивая и гордая, величественно и легко

всех скользила она по воде; нельзя было этого не предвидеть, и потому на каждом заметном на реке или выдавшемся в реку пункте, поезде встречены были хором военной музыки, а на островах разнообразие развлечений ещё увеличилось, тут хоры русских песенников, хороводы, музыка и фигуранты сменялись беспрестанно, и всё это надобно дополнить необыкновенным стечением в разных местах на берегах реки народа всех классов и восторженными и радостными криками. На обратном пути от островов поезд остановился у Каменноостровского дворца; там было подготовлено прохладительное; оттуда ещё до пробития зари все возвратились к Зимнему дворцу и были встречены яхтами с должною почестью. Государь Император, будучи совершенно доволен распоряжениями капитан-командора Карцова, по выходе из баржи изволил лично благодарить его и пожаловал всем участвовавшим в этом случае нижним чинам, как на яхтах, так и на гребных судах, в числе 574 человек, по рублю на каждого от кабинета Его Величества и тем изволил кончить этот день. Вскоре после того яхты пошли к Каменному острову.

Стоя на Каменном острове, яхты соблюдали прежний порядок, усвоенный Гвардейским Экипажем. Во время Высочайшего присутствия на островах у Каменного острова постоянно стояли три яхты и Голландский буер, а четвертая ходила в море по очереди; во время отсутствия Государя вся эскадра выходила для общих эволюций в море; сверх этого требовалось от яхт подробное изучение всех фарватеров, начиная от Большого Кронштадтского рейда и Северного его фарватера до самого мелкого истока реки Невы; от употреблявшихся на Гвардейских катерах требовалось изучение проходов в каналах, и Экипаж достиг того, что никогда не требовал лоцманов; а после бывшего Высочайшего смотра 26 августа всему Гвардейскому корпусу, в составе его и всему Гвардейскому Экипажу, все яхты под командою капитан-лейтенанта Титова вышли в море и занимались постоянно эволюциями во все остальное плавание до входа в Гавань до 14 сентября.

В этом году командир Экипажа, капитан-командор Карцов, произведен за отличие по службе в контр-адмиралы, с оставлением в прежней должности, а капитан-лейтенант Качалов утверждён батальонным в Экипаже командиром. В служебном же быту Гвардейских моряков в остальную часть этого 1818 года изменений никаких не произошло.

Глава VII. Служба Гвардейского Экипажа в 1819, 1820, 1821 годах и плавание его на фрегате «Гектор» и бриге «Олимп»

1819 год

Улучшение и отделка всех частей огнестрельного оружия и правильность его занимали и в то время, как и всегда, военную администрацию.

Ижевский оружейный завод заслуживал особое внимание изделиями своими, а потому одобренные ружья этого завода по мере доставки выдавались в полки Гвардейского корпуса и 2 марта были приняты Гвардейским Экипажем из арсенала.

Государь Император Александр I весной Высочайше повелеть соизволил Гвардейскому Экипажу иметь в виду особое назначение для плавания за границу и принять меры к тому, чтобы по получении о том повеления поспешить вооружением и приготовлением к этому плаванию назначенного судна, а потому вместе с расписанием командиров и офицеров на Гвардейские парусные суда назначен был командир на судно, которое будет послано за границу. На это судно поступил командиром капитан-лейтенант Титов, с ним послан в Кронштадт ревизор и классные чины, на фрегат «Россия» поступил командиром капитан-лейтенант Мандерштерн, на яхты: «Церера» — лейтенант Лермонтов, «Паллада» — лейтенант Балкашин и на Голладский буер — адъютант Экипажа, лейтенант Набоков.

В последовательности служебных событий в Экипаже нельзя не упомянуть, что усердная и ревностная служба как на море, так и на берегу капитан-лейтенанта Качалова обратила внимание Государя, и Качалов произведен за отличие по службе 1 мая этого 1819 года в капитаны 2-го ранга. Но чтобы сильнее доказать, что никогда не ослабевала в Гвардейском Экипаже привязанность к своей основной и родной морской службе, надобно присовокупить, что при назначении в заграничное плавание 36-пушечного фрегата «Гектор» не только что офицеры, но и командиры яхт просились в эту кампанию, а при назначении в этом же году эскадры из четырех судов под командованием капитан-лейтенанта Беллинсгаузена в плавание вокруг света, многие офицеры Гвардейского Экипажа искали возможности служить на этой эскадре, но только один лейтенант Лазарев 3-й был столь счастлив, что получил Высочайшее на то разрешение и назначен на шлюп «Благонмеренный» под командою капитана Шишмарева; Императору сделалась известна всеобщая ревность к настоящему делу Гвардейских моряков, и Его Величество Высочайше повелеть соизволил к назначенному в кампанию за границу фрегату «Гектор» присоединить ещё бриг и вместе с тем соизволил разрешить сделать перемену командиров на яхтах; вследствие этого Всемилостивейшего соизволения к фрегату «Гектор» присоединился бриг «Олимп», который и поступил под начальство лейтенанта Казина, фрегат «Россия» остался под командою капитан-лейтенанта Мандерштерна, яхты: «Нева» под командой лейтенанта Чихачева, «Паллада» — лейтенанта Балкашина, «Церера» — лейтенанта Прокофьева, и 22 мая все офицеры и нижние чины отправлены уже в Кронштадт для вооружения фрегата и брига; в этот же день фрегат «Россия» и все яхты вышли на рейд во всей готовности.

5 июня этого 1819 года последовало Высочайшее Его Императорского Величества повеление, объявленное Морским Министром, о флагах, брейд-вымпелах и вымпелах Гвардейского Экипажа. В этом повелении сказано: «В память сражения при Кульме в прошлую с французами войну, пожаловав за отличие Гвардейскому Экипажу Георгиевское знамя, повелеваю: сей знак отличия по прилагаемым рисункам поместить во флаге, брейд-вымпеле и вымпеле и употреблять оные на брам-стенгах по чинам вместо обыкновенных на кораблях и прочих судах, а также и на шлюпках, которые будут укомплектованы из сего Экипажа»*.

**Примечание М.Н.: См. полное собрание Законов 1819 года, ст. 27828, июня 5.*

Примечание авт.:

1. Здесь уместно напомнить, что 25 мая 1819 г. русский флот отмечал славную дату: 100-летие победы над шведами в морском бою у острова Эзель. В мае 1719 г. отряд русских кораблей под командованием капитана 2-го ранга Наума Сенявина вышел из Ревеля и находился на крейсерстве у острова Эзель, на путях движения шведских судов. На девятый день 24 мая русский

отряд встретился с тремя шведскими кораблями. Сблизившись с противником на короткую дистанцию, русские корабли открыли интенсивный артиллерийский огонь по неприятельскому флагману, 52-пушечному линейному кораблю «Вахмайстер», который получил серьезные повреждения и попытался уйти, но после трехчасовой погони был захвачен в плен двумя русскими кораблями. Фрегат «Карлскрон-Вапен» и бригантина «Бернгардус», не выдержав разрушительного действия корабельных русских пушек, спустили флаги. Потери русских в этом бою составили всего 9 человек раненых. Эту первую победу русских кораблей в артиллерийском бою Петр I назвал «добрым почином российского флота». Поэтому 5 июня 1819 г., в связи с вековым юбилеем битвы, Морскому Министру и был дан такой императорский Указ.

(См. Илл. 70) А. П. Боголюбов. Бой у острова Эзель. 24 мая 1719 года [13].

Приведём здесь также основные данные по судам, приписанным в эти годы к Гвардейскому экипажу.

2. Фрегат «Гектор». 36 пушек. Длина — 32,51 м. Ширина — 8,77 м. Осадка — 4,21 м. Заложен 17 октября 1816 г. на Охтенской верфи в Санкт-Петербурге, спущен 3 сентября 1817 г. Строитель В. Ф. Стоке. В ходе наводнения 7 ноября 1824 г. был выброшен на мель в Военной гавани Кронштадта. Снят с мели 10 ноября 1824 г. В 1825 г. решено обратить фрегат под киленбанк в Ревеле. В 1828 г. фрегат разобран в Кронштадте.
3. Бриг «Олимп». 20 карронад. Длина — 30,2 м. Ширина — 9,4 м. Осадка — 4,1. Заложен 20 ноября 1816 г. на Охтенской верфи в Санкт-Петербурге. Строительство вёл корабельный мастер В. Ф. Стоке. Спуск на воду состоялся 15 июня 1817 года. С 1817 по 1826 гг. ежегодно (кроме 1819 г.) корабль находился в практических плаваниях в Финском заливе. В 1819 г. с фрегатом «Гектор» ходил в Англию, Францию и Пруссию. В 1824 г. на этом судне И. Ф. Крузенштерном впервые в истории русского флота была произведена девиация компаса. В октябре 1824 г. «Олимп» спас экипаж шлюпа «Свирь», который сел на мель у острова Нерва и был разбит волнами. 7 ноября 1824 г. корабль стоял в Военной гавани Кронштадта. Во время наводнения его сорвало с якоря и отнесло к Северной стенке. С мели бриг был снят через месяц — 7 декабря. В 1827 году в Кронштадте бриг был разобран. Бригом командовали: П. И. Сущев (1817–1818 гг.), Н. Г. Казин (1819 г.), Г. И. Невельский (1820 г.), Е. Е. Куличкин (1821 г.), А. Ф. фон Моллер (1822 г.), П. Д. Ишкарин (1823–1824 гг.), Г. А. Кашеринин (1825–1826 г.) .

6 июня фрегат «Гектор» и бриг «Олимп» вышли на малый Кронштадтский рейд, 24 июня от двора прислана на этот фрегат придворная прислуга и разные запасы, признанные нужными по случаю назначения фрегата в распоряжение статс-секретаря графа Каподистрио, исполнявшего особые Высочайшие поручения при дворах французском и английском; 27 июня фрегат «Гектор» снялся с якоря, а вместе с ним и бриг «Олимп»; флигель-адъютант полковник Лобанов-Ростовский (ныне Командир яхт-клуба) на выстроеном для него в прошлом 1818 году корабельным мастером Разумовым бриге «Пожарский» пожелал плавать с Гвардейскою эскадрою и также по сигналу с фрегата «Гектор» снялся с якоря; и эта эскадра, из трех судов состоящая, благополучно пошла в море. Фрегату надобно было поспешить во Францию, и поэтому назначено сигналом с фрегата рандеву Копенгаген. Бриг «Пожарский» приметно отставал, а прочие суда при переменных ветрах в 6-й день июля дошли до Копенгагена и встали на якорь, а 7 июля отправились в дальнейший путь по назначению, 9 июля эскадра прошла Скагеррак; здесь отстал от фрегата бриг «Олимп», и потому фрегат, вышед в Немецкое море, лег в дрейф; дождавшись своего спутника и соединившись с ним, при переменных ветрах и туманах благополучно прошел Аниинский канал; взяв свой курс к Гавру-де-Грассу, сигналом назначил бригу идти в Темзу и ожидать соединения с фрегатом в Гревзенде.

В 15-й день июля фрегат благополучно прибыл на большой Гавр-де-Грасский рейд; Командир фрегата приказал свезти пассажиров и послал второго лейтенанта в Париж с донесением к графу Каподистрио о прибытии фрегата.

Посланный пробыл в Париже несколько часов и возвратился с предписанием графа командиру фрегата немедленно сняться с якоря и идти в Англию, и, согласно предположению, войти в Темзу и ожидать прибытия графа в Гревзенде. По приходе же в Гревзент известить графа в Лондоне

о прибытии фрегата. Между тем фрегат «Гектор», налившись водою и запасшись зеленью и свежим мясом и всем нужным, был готов к отплытию по всякому назначению, а 24 июля по возвращении офицера отправился в Англию; при постоянно противных ветрах в Темзе, пользуясь только приливом, благополучно достиг 28 июля до Гревзенда и положил там якорь; командир фрегата послал того же второго лейтенанта в Лондон с донесением графу Каподистрио о прибытии фрегата.

В Гревзенде фрегат «Гектор» соединился с бригом «Олимп» и простоял до 20 августа, а в этот день по приказанию графа вышел с бригом из Темзы и пошел за графом в Гримзбай; прибыв в этот порт 23 августа и приняв графа Каподистрио с подобающею почестью и с тем вместе свиту графа, полковника Орлова, камер-юнкера Чичерина, секретарей Миллера и Поггенполя и фельдъегеря, 26 августа небольшая эскадра эта снялась с якоря и пошла в Каттегат; 30 августа пришла в Копенгаген, а 2 сентября с теми же пассажирами отправилась в Даниг; высадив там пассажиров своих, 4 сентября эскадра немедленно пошла в Россию и 9 сентября была на Большом Кронштадтском рейде, а через три дня, т.е. 12 числа, была уже в Гавани, и Экипаж с эскадры скоро отправился в Петербург.

Между тем Гвардейские парусные суда, пользуясь отсутствием в конце лета Государя Императора, в составе всей Эскадры находились в море, проходя на действительной практике морскую службу, и 26 сентября вошла в Гавань и разоружилась. Остальная часть этого года проведена Экипажем во исполнении Гарнизонной службы, наравне с Гвардией; парады и ученья в присутствии Государя Императора по-прежнему удостаивались Всемилоостивейшего одобрения, а отзывы статс-секретаря графа Каподистрио вывели Гвардейский Экипаж еще больше на вид перед Монархом.

Этот 1819 год, кампания с графом оставили надолго приятное воспоминание в Экипаже; в том же году этот Экипаж перечислен из 1-й Гвардейской пехотной дивизии во 2-ю; тогда же проявилось намерение начальства привить в полках между нижними чинами методу взаимного обучения, но метода эта не развилась.

1820 год

Обычная береговая служба Гвардейского Экипажа не разнообразит ничем начало 1820 года; все яхты вооружены по-прежнему и после смотра, бывшего в первой половине мая, 16-го того же месяца были у Каменного острова; в эту кампанию яхты состояли под командою: фрегат «Россия» капитан-лейтенанта Титова, яхты: «Паллада» — лейтенанта Казина, «Церера» — лейтенанта Лермонтова 2-го, «Нева» — лейтенанта Римского-Корсакова, Голладский буер — мичмана Бодиско. Государь Император изволил посещать Кронштадт, переехав туда из Ораниенбаума на Гвардейском катере, и при этом посещении Его Величеству благоугодно было принять представление Главного командира Кронштадтского порта послать в этот порт две роты Гвардейского экипажа с офицерами для указания порядка строевой службы; на этот предмет посланы были две средние 4-я и 5-я роты, бывшие в кампании 1819 года на фрегате «Гектор», с их ротными командирами и офицерами; поэтому понадобилось яхту «Церрера», укомплектованную 4-й ротой, передать под начальство Мусина-Пушкина.

В этом году Его Королевское Высочество Принц Карл Прусский посетил летом Императорский дом и, пребывая в Ораниенбауме у Царствующей Императрицы Елизаветы Алексеевны, вместе с Ее Величеством посещал яхты, которые в присутствии высоких посетителей снимались с якоря, маневрировали и заслужили всеобщее одобрение. Отпраздновав у Каменного острова 15 сентября день коронации Императора Александра I, все яхты 26 сентября по предписанию Морского Министра от 23-го того же месяца за № 986 вошли в Гавань и разоружились.

Находившиеся в Кронштадте две роты возвратились, и Гвардейский Экипаж перешел в полном составе своём из Литовского замка во вновь выстроенные для него казармы, которые занимает и поныне.

(См. Илл. 71–1) Карл Булла. Казармы Гвардейского Экипажа на канале Грибоедова. Фото 1900-е годы.

(См. Илл. 71) Современный вид казарм Гвардейского Экипажа, построенных в 1820 году на набережной канала Грибоедова, дом 133. Санкт-Петербург. Октябрь 2010 года. Фото автора [11].

Адъютант Его Императорского Высочества, Государя Цесаревича Константина Павловича, капитан 1-го ранга Колзаков*.

**Примечание М. Н.: Ныне генерал-адъютант и адмирал.*

произведен за отличие по службе в капитан-командоры с оставлением при Его Высочестве, а первый и второй лейтенанты, делавшие кампанию в 1819 году на фрегате «Гектор» и оказавшие особое усердие в службе в этом 1820 году в Кронштадте, всемилостивейше награждены орденами: первый Св. Владимира 4-й степени, а второй Св. Анны 3-й степени.

1821 год

Зиму провел Гвардейский Экипаж в занятиях по строевой службе и в исполнении Гарнизонной; с приближением весны 1821 года, как и прежде, заботился о приписанных к Экипажу парусных и гребных судах. В этом 1821 году Морской Министр адмирал маркиз де Треверси утвердил командирами Гвардейских судов штаб-офицеров Экипажа: на фрегат «Россия» — капитан 2-го ранга Качалов, на яхты «Паллада» — капитан-лейтенант фон Принц, «Церера» — капитан-лейтенант Титов и «Нева» — лейтенант Римский-Корсаков. Все эти суда в исходе мая были готовы к плаванию и 1 июня стояли уже у Каменного острова. Отсутствие Гвардейского корпуса под Бешенковичах и уменьшение войск в столице заставило Гвардейский Экипаж нести две службы вдруг, так что командиры судов, штаб-офицеры, дежурили по караулам, а офицеры их назначались в караулы.

Примечание авт.: Известно, что после так называемой «Семёновской истории» гвардия была выслана из Санкт-Петербурга. Семёновский лейб-гвардии полк был любимым полком Александра I, шефом которого он был ещё до вступления на престол. Солдаты и офицеры полка были весьма привязаны к своему командиру Я. А. Потёмкину, назначенному в полк во время Отечественной войны 1812 г. Общество офицеров этого полка считало себя образцовым для всей остальной гвардии. Однако весной 1820 года Великий Князь Михаил Павлович и министр Аракчеев добились замены генерала Я. А. Потёмкина, представив его Александру I «неспособным, по излишнему мягкосердию, командовать полком». На его место был назначен ставленник Аракчеева — Шварц. Тогда солдаты роты «Его Величества», недовольные непомерной строгостью и выскательностью нового командира Шварца, собрались вечером 16 октября 1820 года, самовольно «вышли на переключку», отказались идти в караул, требовали ротного командира и не хотели расходиться, несмотря на требования начальников. За самовольство, пользуясь отсутствием императора, который был в отъезде, сначала солдаты роты «Его Величества», а затем и всего полка были арестованы и посажены в Петропавловскую крепость. Выступление против аракчеевского начальства закончилось роспуском Семёновского полка и новым набором солдат и офицеров. Начавшееся брожение в гвардии принимало опасный характер. С возвращением Императора Александра I в Санкт-Петербург решено было отправить все гвардейские полки, за исключением Гвардейского Экипажа, на «маневры в Литву». Лишь через год после этой истории состоялся «смотр русской гвардии». 16 сентября 1821 г. Александр I прибыл в местечко Бешенковичи. На следующий день, стремясь вернуть расположение Монарха, командующий 1-й армией Фабьян Вильгельмович Остен-Саакен, назначенный в 1818 г. на эту должность после смерти Барклая де Толли, провёл несколько показательных парадов и маневров с целью примирения Александра I с Гвардией. После смотра офицеры 1-й армии пригласили Монарха к обеденному столу, рассчитанному чуть ли не на полторы тысячи человек. Обед проходил в громадном крытом биваке на берегу Западной Двины. В центре бивака находился стол Императора, откуда он мог увидеть каждого из присутствующих. Когда все приглашенные расселись, заиграл оркестр, состоящий из 400 человек. Его Величество первый поднял бокал. Он произнес тост за здоровье воинов армии и Гвардейского корпуса, которые всегда и везде прославляли себя. В свою очередь командующий армией Саакен предложил выпить за здоровье Государя. Артиллерия начала салютовать, а Гвардия закричала: «Ура!» Позже на том самом месте, где проходил бивак, установили памятный знак из гранитной плиты, кирпичного оштукатуренного пьедестала и колонны в виде усеченного конуса. Увенчан памятник был гранитным шаром. На пьедестале имелась надпись золотыми буквами по латыни: «Поставил граф Ириней Хрептович в память о пребывании на этом месте божественного государя Александра I со своим воинством». Памятник был окружен оградой из цепей, подвешенных на восьми гранитных столбах [25].

В этом 1821 году Государь Император Александр I удостоил особым вниманием Гвардейские парусные суда и за особую исправность и правильность в маневрах 3 августа между Ораниенбаумом и Кронштадтом изволил изъявить изустное благоволение всем штаб- и обер-офицерам, на судах бывшим, а нижним чинам пожаловал по 2 рубля на человека, в этот день 3 августа Государь посетил Кронштадт. Гвардейского Экипажа лейтенант Казин 21 августа произведен за отличие по службе в капитан-лейтенанты.

Флигель-адъютант полковник князь А. Я. Лобанов-Ростовский предложил Морскому Министру принять от него бриг «Пожарский», и Его Величество Высочайше повелеть изволил, заплатив князю Лобанову-Ростовскому стоимость брига, приписать его к Гвардейскому Экипажу, и 1 сентября это было исполнено. Вслед за тем по воле Государя Императора состоявший на фрегате «Россия» штурманский помощник Рубцов откомандирован к Стацкому советнику графу Ламбсдорфу для суртствования ему в предпринимаемом им по воле Его Величества путешествии в Южную Америку.

В прочем морские занятия парусных судов, приписанных к Гвардейскому Экипажу, были совершенно те же, что и в предшествующих годах, но ученья с пальбою в цель из судовых орудий были чаще, и это заслужило особую Монаршую похвалу; все суда вошли в Гавань 14 сентября и разоружились; в этом году готовилась эскадра в кругосветное плавание под командою капитана 1-го ранга Тулубыва; эта эскадра поселяла желание, побуждала просьбы у офицеров Гвардейского Экипажа о назначении в эту кампанию; но счастье благоприятствовало одному только лейтенанту Кюхельбеккеру, попавшему на эскадру.

По входе в гавань судов и разоружении их Гвардейский экипаж в составе остававшихся в Петербурге войск под начальством генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова занялся с обычною ревностью исполнением требовавшихся от него обязанностей строевой службы.

Глава VIII. Служба Гвардейского Экипажа в 1822, 1823 и 1824 года и плавание фрегата «Проворный» и корабля «Эмгейтен»

1822 год

В этих береговых занятиях встретил Экипаж наступивший 1822 год, и, точно исполняя все требовавшееся по строевому уставу, каждый из служивших в Экипаже ясно видел, что увеличение числа яхт, командировки Экипажа в заграничное плавание, Высочайшее разрешение офицерам Гвардейского Экипажа участвовать и в кругосветном плавании, а явное и сильное знаменование воли и желания Государя, чтобы морской его Гвардии не угасала привязанность к коренной и основной его морской службе, и вместе с тем строго требовалось и исполнение по строевому уставу. Способность, развязность моряков и их усердие соответствовали воле Монарха, и Монарх не оставлял их своей милостию, они наряду с Гвардией исполняли обязанности строевой службы и наряду с Гвардией первые в войсках удостаивались общих наград; так принято было 21 января последовавшее Высочайшее повеление о том, чтобы «всем тем нижним чинам, кои выслужили сроки и добровольно на службе остаются, дать нашивки из желтой тесьмы углом вверх на мундир левого рукава выше локтя, а по окончании службы предоставить пользоваться пансионом полугодового жалования, независимо от пенсионна, за знаки отличия получаемого»; а 22-го того же января приказом по Экипажу объявлено было, что Государь Император Высочайше повелеть соизволил, чтобы все штаб-офицеры получали патенты на чины за подписанием Его Императорского Величества.

Между строевыми занятиями не упускали из виду и занятия по коренной службе; парусные и гребные Гвардейские суда исправлялись, готовились к вооружению.

Списочное состояние Экипажа было всегда близко к комплекту, но в этом году число всех чинов как в строевых и артиллерийской ротах, так и в ластовой, было совершенно в комплекте; мирное время увеличивало число семейных нижних чинов, а потому Экипаж стал чувствовать тесноту в казармах, а потому по распоряжению командовавшего оставшимися в Санкт-Петербурге войсками, Артиллерийская команда, Ластовая рота и несколько семей женатых нижних чинов были перемещены в казармы лейб-гвардии Измайловского полка.

В марте месяце последовало назначение командиров на парусные суда Гвардейского Экипажа: на фрегат «Россия» капитан-лейтенант Казин, на бриг «Пожарский» лейтенант Лялин, на яхты: «Паллада» — лейтенант Черкасов, «Церера» — лейтенант Лермонтов 1-й,

Примечание авт.: Здесь и далее в своей рукописи Михаил Николаевич Лермонтов называет себя уже как Лермонтов 1-й, а не Лермонтов 2-й. Дело в том, что с 1818 г. в Экипаже начинает службу офицером его родной брат — мичман Дмитрий Николаевич Лермонтов, который родился в 1802 г. от второго брака их отца — Николая Петровича Лермонтова. Дмитрий поступил в 1814 г. в Морской корпус и после его окончания в 1818 г. был зачислен в Морской Гвардейский Экипаж. В 1823–1824 гг. Дмитрий Николаевич совершил заграничное плавание, побывав в Исландии, Франции, Испании, Гибралтаре.

«Нева» — лейтенант Римский-Корсаков, и приказано эти суда изготовить к 15 мая. В апреле месяце сделалось известным о приготовлении фрегата «Крейсер» к нашим Северо-Американским берегам, и из четырех просившихся в эту кампанию офицеров самый младший, лейтенант Вишневский, был столь счастлив, что был назначен и отправлен. Подобные кампании приносили большую пользу Экипажу не только приобретением практики офицерами, возвратившимися в Экипаж, но и эти офицеры доставляли случай приводить в состав Экипажа нижних чинов, замеченных ими во время плавания во всех отношениях достойными служить в Гвардейском Экипаже; так что впоследствии боцмана в Экипаже, исполнявшие должности фельдфебелей, и унтер-офицеры были частью из совершивших кругосветное плавание.

Все командиры парусных Гвардейских судов, исполнив по предписанию начальника своего контр-адмирала Карцова, изготовились к назначенному времени и целою эскадрою вышли в море для эволюций.

Потом принятым уже порядком вернулись к Каменному острову, а 17 июля бриг «Пожарский» и яхта «Паллада» пошли вверх по Неве, и по распоряжению Командира Экипажа «Пожарский»

встал у устья Ижоры, а «Церера» положила якорь против Александровской мануфактуры; распоряжения эти были сделаны вследствие Высочайшего Императрицы-матери повеления обеспечить переезд Ее Императорского Высочества Государыни Великой Княгини Александры Федоровны из Павловска в Петергоф и совершить этот переезд водою; на небольшом Гвардейском катере Ее Высочество переехала по р. Ижоре от Колпина в устье Ижоры, пересела на большой катер и спустилась в Неву. При проезде Великой Княгини люди на бриге и яхте становились по реям, кричали «Ура!» и салютовали 21 выстрелом, потом снимались с якоря и шли за катером до Воскресенского моста, у вех Великая Княгиня принята на фрегат «Россия» и отправилась в Петергоф в сопровождении яхт «Церера» и «Нева». Его Высочество Великий Князь Николай Павлович сопровождал августейшую супругу свою от Павловска до Петергофа и щедро наградил экипаж всех судов.

В этом 1822 году Гвардейский корпус должен был вернуться из-под Бешенковичей и вступить в Санкт-Петербург в июле месяце маневрами; по Высочайшему повелению Гвардейский Экипаж должен был принять участие в этих сухопутных маневрах; его надо было перевезти на яхтах и Адмиралтейских ботах в Стрельну и там высадить десантом. 23 июля посадили две роты на фрегате и четыре по одной на каждую из трех яхт и бриг «Пожарский», а остальные две на бот; в назначенное время Экипаж, оставя самое малое число людей на яхтах, во всем почти составе, занял назначенную ему позицию перед Стрельною; 26-го начались маневры, которые и кончились соединением всего Гвардейского корпуса и церемониальным маршем сомкнутыми колоннами. Тем же порядком десант доставлен в Петербург, а яхты продолжали службу по заведенному порядку; 13 сентября по случаю крещения в церкви Таврического дворца Ее Императорского Высочества новорожденной Великой Княжны Ольги Николаевны четыре яхты встали противу канала этого дворца, днем расцвелились флагами, а вечером иллюминировались фонарями. Отпраздновав в эту кампанию на воде день коронации Императора, все Гвардейские парусные суда 22 сентября втянулись в Гавань и разоружились.

С окончанием этой кампании оканчиваем и 1822 год, потому что зимние занятия моряков на берегу слишком единообразны, и перейдем к 1823 году, изменившему на лето служебный быт Гвардейского Экипажа, посылкою его на фрегате «Проворный» к берегам Исландии для практики.

1823 год

Свыкшись с соединенными сухопутною и морскою службою в обще установившемся порядке, Гвардейский Экипаж начал и этот 1823 год. Офицеры, в этом Экипаже служившие, имели всегда общее по флоту производство, а потому всякое производство в штаб-офицерские чины составляло замечательную в Экипаже эпоху. В этом 1823 году кроме производства из мичманов в лейтенанты по линии и по экзамену произведен и Лялин в капитан-лейтенанты также по линии. Штурман 8-го класса Хлебников, разделявший плен в Японии с нашим известным мореплавателем В. М. Головиным, служивший впоследствии в Гвардейском Экипаже, получил другое назначение, а на его место назначен штурман 12-го класса Данилов. В своё время назначены командирами на яхты на фрегат «Россия» — капитан-лейтенант Лялин, «Нева» — Римский-Корсаков, «Паллада» — лейтенант Арбузов, «Церера» — лейтенант Лермонтов 1-й, «Пожарский» — лейтенант Лазарев. С этого 1823 года введено до этого соблюдаемое правило во время всеобщего бдения в день Св. Пасхи подходить для принесения поздравления Их Императорским Величествам Государю Императору и Государыням Императрицам от полков лейб-гвардии всем полковым командирам, штаб-офицерам и ротным командирам, а прочим обер-офицерским чинам по одному старшему в том чине офицеру*.

**Примечание М. Н.: Приказ по Гвардейскому Экипажу 21 апреля 1823 года.*

12 мая яхты были совершенно готовы, и 13-го три из них стояли уже у Каменного острова; в то же утро Экипаж был на Высочайшем смотру на Царицыном лугу в составе всего Гвардейского корпуса и нескольких Гренадерских полков по 30 рядов во взводе.

Назначение шлюпа «Предприятие» под команду капитан-лейтенанта фон Коцебу, состоявшего в причислении к Гвардейскому Экипажу, к Российско-Американским колониям, для прикрытия их от иностранных контрабандистов и доставления в Петропавловский и Охотский порты материалов возбудило в офицерах Гвардейского Экипажа соревнование участвовать в этой экспедиции; но это счастье досталось на долю командира яхты «Нева», лейтенанта Римского-Корсакова, а потому он и должен был сдать роту и командуемую им яхту лейтенанту князю Волконскому.

С подобными дальними плаваниями как будто неразрывно связывалось какое-либо особое значение Гвардейскому Экипажу для практического плавания вне Балтики в морях иностранных; в этом 1823 году при докладе Его Величеству о желании офицеров Гвардейского Экипажа участвовать в кругосветном плавании на шлюпе «Предприятие» Государь Император 8 июня высочайше повелеть соизволил отделить для Морской Гвардии фрегат и назначить ему практическое плавание к острову Исландия. По этому случаю 48-пушечный фрегат «Проворный» достался Гвардейскому Экипажу; капитан-лейтенант Титов по Высочайшему Указу назначен командиром фрегата; сверх того, Государь Император изволил разрешить все перемены офицеров на яхтах, а потому командовавшие яхтами: «Церера» — сдал яхту лейтенанту Хомутову, командир ее назначен на фрегат «Проворный» старшим лейтенантом; «Нева» — князь Волконский передал эту яхту лейтенанту Цебрикову; брига «Пожарский» — лейтенант Лазарев назначен вторым лейтенантом на фрегат; лейтенант Арбузов, сдав вверенную ему яхту «Паллада» лейтенанту Тимирязеву, пошел также на фрегат «Проворный». Вся команда 48-пушечного фрегата «Проворный», состоявшая из 1 штаб-офицера, 14 обер-офицеров и 389 нижних чинов, 13 июня отправлена в Кронштадт на портовых судах; по прибытии туда немедленно приступили к принятию фрегата и вооружению его.

Примечание авт.: 48-пушечный фрегат «Проворный» заложен 20 января 1820 г. на Охтенской верфи в Петербурге, спущен 21 октября 1820 г. Строитель — В. Ф. Стоке.

Вооружение: двадцать восемь 24-фунтовых пушек, восемнадцать 6-фунтовых пушек, две 8-фунтовые карронады. В 1823 г. причислен к Гвардейскому Экипажу. Совершил несколько дальних плаваний: в 1823 г. «Проворный» ходил к Фарерским островам и Исландии, обошел Великобританию, вернулся через Английский канал и Северное море на Балтику; в 1824 г. ходил в Гибралтар, Брест и Плимут. Во время плавания 1824 г. на фрегате «Проворный» в качестве историографа ходил Н. А. Бестужев. Сохранились его заметки «Извещения о плавании фрегата «Проворного»». В ходе наводнения 7 ноября 1824 г. был выброшен на мель в Военной гавани Кронштадта. Снят с мели 12 декабря 1824 г. Фрегат «Проворный» участвовал в Наваринском сражении 1827 г. 10 июня в составе эскадры адмирала Д. Н. Сенявина вышел из Кронштадта и 28 июля прибыл в Портсмут. 8 августа в составе эскадры адмирала Л. П. Гейдена вышел из Портсмута в Средиземное море. 1 октября у о. Занте русская эскадра соединилась с французской и английской эскадрами. Объединенный флот подошел к Наваринской бухте. «Проворный» участвовал в Наваринском сражении 8 октября 1827 г. На момент боя фрегат находился в эксплуатации семь лет и был старейшим среди русских кораблей, сражавшихся под Наварином. «Проворный» в этом бою вывел из строя два вражеских фрегата и корвет. В бою на фрегате погибли: лейтенант Николай Куприянов и три матроса. 11 июля 1828 г. фрегат вернулся в Кронштадт. В 1831 г. был разобран в Кронштадте.

Яхты в этом 1823 году по случаю пребывания Императрицы Марии Федоровны и Великой Княгини Александры Федоровны на Елагином острове делились на два отделения, одно из них стояло у Каменного острова, а другое у Елагина, одна из яхт по очереди выходила в крейсерство, а оставшаяся на берегу незначительная часть Гвардейского Экипажа исполняла гарнизонную службу, занимая в свою очередь караулы, выводя каждый раз от 250 до 300 всех чинов; из этого ясно видно, что в Гвардейском Экипаже никто не оставался праздным.

В Кронштадте вся команда фрегата «Проворный» работала усердно, и 26 июня фрегат вышел на Малый Кронштадтский рейд. Командир фрегата «Россия», капитан-лейтенант Лялин, пожелал также участвовать в кампании на фрегате «Проворный» и вследствие особого Высочайшего повеления был назначен на этот фрегат, сдав командуемое им судно капитан-лейтенанту Мандерштерну, Лялин явился на фрегат «Проворный» вскоре по выходе его на рейд. Экипаж этого фрегата кроме командира состоял из 1 капитан-лейтенанта, 8 лейтенантов, 4 мичманов, 2 артиллерийских офицеров, 1 медика-хирурга, 2 штурманов, 3 штурманских помощников, 1 священника и 389 нижних чинов разных званий; имел провизии на 4 месяца на 418 порций; фрегат углубился ахтерштевнем на 19 футов 3 дюйма, форштевнем 16 футов 4 дюйма, дифференту имел 2 фута 11 дюймов, был длинен, ровен и чрезвычайно красив на воде. В небольшой стоявшей на рейде эскадре красивых военных судов под флагом вице-адмирала Кроуна, фрегат «Проворный» был замечен. Начальник Морского штаба контр-адмирал фон Моллер 2-го осматривал фрегат во всех подробностях, а 14-го того же месяца Государь Император Александр I, посетив Кронштадт и флот, посетил и фрегат «Проворный»;

осмотрев фрегат и экипаж, Его Величество отправился на катере в Ораниенбаум; сопровождавшие Государя фрегат «Россия», 4 яхты, 2 корпусных фрегата и эскадра галетов, возвратились в Кронштадт. В этом 1823 году Гвардейские парусные суда под командою командира Гвардейского Экипажа контр-адмирала Карцова в первый раз плавали под Георгиевским контр-адмиральским флагом; фрегат же «Проворный» имел Георгиевский вымпел.

15 июля капитан фрегата получил предписание отправиться в море к острову Исландия, прийти на вид северо-восточной части ея, оттуда спуститься по западную сторону от трех соединенных Королевств и, обойдя таким образом Англию, войти в Английский канал и возвратиться в Кронштадт или в какой-либо из Российских портов. В тот же день фрегат снялся с якоря и при ветре от О-N-O отправился в предписанный путь. При переменных и большею частью противных, часто риф-марсельных ветрах фрегат «Проворный» не прежде 25 июля пришел на Копенгагенский рейд. Здесь нашел он военный русский шлюп «Урал», шедший в Белое море в Архангельск; собрав все нужные об Исландии сведения и поверив свои астрономические инструменты, 2 августа вышел из Копенгагена для следования в предписанный путь, не останавливаясь в Гельзиноре, подобно шлюпу «Урал»; фрегат «Проворный» 4 августа вышел из Каттегата, сопровождаемый пасмурностью и дождем, 6 августа имел возможность определиться по наблюдениям и для выигрывания по времени плавания взял курс на остров Фаер-Гилль. Несмотря на пасмурность, 7 августа фрегат обошел этот остров, видел его только на короткое время, и пошел к острову Зюдер-Э, самому южному из островов Ферерских.

От 8 до 12 августа фрегат «Проворный», пользуясь переменными ветрами N-O и O, уже постоянно приближался к цели своего плавания, к острову Исландия, и в 4½ часа утра 12 августа в расстоянии 111 миль показались перед ним высоты сопки Исландии и дымящийся вулкан Остер-Йоккель. В эти дни средняя высота барометра была 29,77, а средняя температура +9 по реометру. Чем выше поднимался фрегат к северу, тем выше поднимался барометр и понижался термометр, так что 13 средняя температура была +8¼.

Приблизившись к южной оконечности о. Исландия, фрегат сопровождался был мрачностью; тем не менее, осмотрев вход в порт Рейкъявик и заметив, что выход из него парусному судну не всегда удобен, командир фрегата решился отойти от этого порта, осмотреть всю южную оконечность Исландии, дойти на вид северо-восточной части и, обозрев её, спуститься на юг, тем более что термометр начал постоянно показывать среднюю температуру +8 по реометру. Поэтому 15 августа, взяв верные пеленги от Рейкианеса, Форгельс-клипа и других некоторых высот, ясно определенных на датских картах, фрегат в 6½ часов пополудни спустился в Атлантический океан, взяв курс на 13 St-W.

С переменными и большей частью противными ветрами фрегат не прежде 31 августа подошел к мысу Лизарду. 1 сентября вошел в Английский канал, а 2 сентября положил якорь на Портсмутском рейде, поблизости стоявшего уже на этом рейде российского военного шлюпа «Предприятие», под командою состоявшего в причислении к Гвардейскому Экипажу капитан-лейтенанта фон Коцебу, шедшего к Северо-Американским колониям и в порты Охотской и Петропавловской. 5 сентября эти два русские военные судна праздновали Тезоименитство Императрицы Елизаветы Алексеевны, а 8 сентября командир фрегата «Проворный», достаточно освежив команду и запасившись всем, что было нужно, в 8½ часов снялся с якоря и пошел с фрегатом в обратный путь. Пасмурность постоянно сопровождала фрегат, так что, приблизясь 12 сентября к норвежским берегам, только со всеми возможными предосторожностями «Проворный» мог 13 сентября осмотреть берега и благополучно войти в Каттегат, пролетев, можно сказать, Каттегатом, 14 сентября этот прекрасный фрегат стоял уже на Гельзин-Эрском рейде и, отпраздновав тут день Коронации Императора Александра I, перешел в Копенгаген. 21 сентября вышел из этого порта, а 29-го прибыл в Кронштадт. Начальник Морского Штаба Его Императорского Величества произвел смотр фрегату 2 октября, а 4-го он был уже введен в Гавань, началось разоружение и сдача его к Порту, а затем 10 октября и возвращение офицеров и команды в Санкт-Петербург.

Чтобы иметь понятие об этом, будет необходимо упомянуть об его качествах. Фрегат «Проворный» при дифференте в 2 фута и 6 дюймов имел ход в бейдевинд: при риф-марсельном ветре в волнении от 3 до 4 узлов, и марсельной и в особенности несколько полнее бейдевинда (6½ R) без волнения как при малом волнении шел до 10 узлов; на фордвинд под марселями от 8 до 11, и в бакштаг до 12 узлов; дрейф фрегата при ходе 7"R от ветра и при волнении бывал от ¼ до ½ R; без волнения же и при 8½ узлах ходу, дрейфу не было. Крен фрегата при брамасельных ветрах бывал от 6 до 8 градусов, в марсельный ветер до 10 и в риф-марсельный от 12 до 15; под нижними стакселями и рифовым

формарселем крен доходил до 22°. Фрегат при всех случаях был спокоен и устойчив, имел, однако же, заметное сотрясение как бы от недостатка груза по количеству водоизмещения. Имел мало крепких попутных ветров, нельзя ничего сказать о боковой качке, но килевая чрезвычайно покойна. Имея кормовую часть более других (?), на фрегате, чувствуется, были иногда удары в корму при большой килевой качке. Прибыль воды (?) малая. При поворотах не теряет хода; надобно было только знать качества фрегата; руль более (?) не (?) на ветре.

В продолжение всей летней кампании 1823 года Гвардейские парусные суда совершали обычную свою службу в установившемся порядке, оставшиеся на берегу за расписанием на суда офицеры и нижние чины исполняли гарнизонную службу, занимая караулы по городу, и наконец были на Высочайшем смотре. Яхты в эту кампанию делились уже на три отделения, и первое, состоящее из двух судов, стояло у Каменного острова, второе, так же два судна у Таврического дворца и, наконец, третье, одна яхта и бот «Алард» — у Елагина острова. Все эти суда 21 сентября вошли в гавань Галерного порта, разоружились, и с этого числа команды их поступили на сухопутное довольствие.

29 ноября командовавший фрегатом «Проворный» Гвардейского Экипажа капитан-лейтенант Титов произведен за отличие по службе в капитаны 2 ранга, офицерам, бывшим на фрегате «Проворный», объявлено Высочайшее благоволение, а нижним чинам Всемилостивейше пожаловано по пять рублей ассигнациями на человека.

1824 год

Инспекторским смотром на берегу кончился 1823 год, таким же смотром начался 1824 год. За этим смотром продолжение строевых учений и исполнение гарнизонной службы заняло всю вообще зиму, а с приближением весны по заведенному порядку коренная морская служба вызывала моряков к морю. Шлюп «Мирный» приготовился в дальний вояж, и желание офицеров Гвардейского Экипажа участвовать в этой кампании проявилось в представлении об этом нескольких просьб, но один только лейтенант Бодиско мог быть 28 января назначен с Высочайшего на то разрешения в этот вояж.

На Гвардейские парусные суда назначены командирами: на фрегат «Россия» — капитан-лейтенант Лялин, на яхты «Церера» — лейтенант Лермонтов 1-й, «Паллада» — лейтенант Тимирязев, «Нева» — лейтенант Лазарев, бриг «Пожарский» — лейтенант Черкасов и на Голландский буер — адъютант Экипажа, лейтенант Дудинский. Суда эти, будучи совершенно готовы в последние числа апреля, не выходили на рейд по случаю приготовления к Высочайшему смотру всего Гвардейского корпуса. Смотр этот был назначен 12 мая, и все Гвардейские суда после смотра пошли к Каменному острову и 13-го рано утром стояли уже в линии против Каменноостровского дворца. Такое соединение морской и сухопутной службы в Гвардейском Экипаже обращало на него Всемилостивейшее внимание Государя, и Его Величество соизволил Высочайше повелеть 23 мая назначить Гвардейскому Экипажу от Порта 84-пушечный корабль и 44-пушечный фрегат для плавания первого к северным берегам Германии, а второго — к Гибралтару. На этот случай назначены были совершенно новый 84-пушечный корабль «Эмгейтен» и прежний 48-пушечный фрегат «Проворный».

Примечание авт.: Линейный корабль «Эмгейтен» заложен в Санкт-Петербургском Адмиралтействе 20.11.1820 г. Строитель — Г. С. Исаков. Спущен 22.8.1822 г. и вошел в состав Балтийского флота. Длина — 59,8 м. Ширина — 15,6 м. Осадка — 7,5 м. Вооружение — 88 орудий. Команда — 850 чел. В августе 1824 г. доставил Великого Князя Николая Павловича в Росток. Во время наводнения 7.11.1824 г. стоял в Средней гавани Кронштадта, был сорван с места и отнесен на отмель. 1.10.1828 г. снят с отмели и тимберован. В 1829–1832 гг. и в 1834 г. в составе эскадр находился в практических плаваниях в Балтийском море и Финском заливе. В июле 1835 г. перешел из Кронштадта в Свеаборг, где был оставлен в качестве блокшива. Выведен из состава флота — 1835 г. Командиры: П. Ф. Качалов (1824 г.), А. А. Давыдов (1826 г.), Ф. И. Белловари (1829 г.), И. С. Сытин (1830–1832 гг.), Д. П. Замыцкий (1834 г.), И. Я. Захарьин (1835 г.) .

Государь Император высочайше утвердить изволил на корабль капитана 2-го ранга Качалова, а на фрегат — капитан-лейтенанта Казина, и вместе с тем Его Высочеству благоугодно было всякие перемены офицеров и команд на прочих парусных Гвардейских судах; поэтому на корабли поступили командиры: фрегата «Россия» — капитан-лейтенант Лялин и яхт «Церера», «Нева» и «Паллада» — первым, вторым и третьим лейтенантами, на корабль поступили также офицеры от Гвардейских

парусных судов. Корабль вообще укомплектовали 19 штаб- и обер-офицеров, 71 унтер-офицер, 25 музыкантов и 666 матросов и канониров, а фрегат — 10 штаб- и обер-офицеров, 30 унтер-офицеров, 8 музыкантов и 234 матроса и канонира.

Корабль «Эмгейтен» в первый раз ещё шел в море, следовательно, как на новом корабле предстояло много поделок и работы, и хотя устройство кубрика по образцу, только что введенному на иностранных флотах*,

**Примечание М. Н.: навесные кубрики.*

задержало работы и увеличивало их, тем не менее усердием первых двух лейтенантов, занимавшихся вооружением и отделкой корабля, он в половине июля был уже на рейде; фрегат же «Проворный», как назначенный в плавание более отдаленное, 2 июня уже вышел на рейд. В эту кампанию небольшая эскадра французских военных судов из Бреста пришла на Кронштадтский рейд, и офицеры Гвардейского Экипажа скоро сошлись с офицерами французского флота. Командирский фрегат «Аретуза» и все вообще Гвардейские парусные суда, приходившие в Кронштадт, корабль ещё в гавани, а фрегат уже на рейде, были часто взаимно посещаемы. Командир Лёкуж простер услужливость свою до того, что, узнав о назначении фрегата «Проворный», предложил командиру фрегата для французских портов своего коронного лоцмана и вследствие разрешения высшего начальства тотчас же прислал лоцмана Жозефа Прижана. Фрегат «Проворный» ушел в море раньше корабля «Эмгейтен», а потому представим его плавание.

Фрегат Проворный вышел на рейд 2 июня и, простояв 12 дней на рейде, снялся с якоря; при переменных ветрах и штилях 22 июня пришел на Копенгагенский рейд; 26 июня вышел оттуда и, хотя задерживаем был противным ветром, благополучно прошел Каттегат и зашел днем для высадки там принятых на фрегат в Кронштадте пассажиров, по высадке их, не теряя времени, пошел по назначению. Но не прежде 12 июля фрегат подошел к французским берегам и мог обозреть пролив дю Фур, войти в него и благополучно положить якорь на рейде в Бресте. Внимание французов к русскому фрегату и его экипажу предупредило все надобности и доставило все спокойствие якорной стоянки, и только 27 июля фрегат «Проворный» оставил Брест, пошел в Бискайскую бухту; лавировкою вошел в Атлантический океан 2 августа и, получив попутный ветер, 5 августа был уже в Кадикской бухте, 6-го в виду Гибралтарского берега, 7-го прошел мыс Карнера, в 2 часа пополудни положил якорь в Гибралтарской губе, против крепости на Гибралтарском рейде. Через 3 дня якорной стоянки фрегат пошел в обратный путь. 23 августа подошел к Английскому каналу и в тот же день пришел на большой Плимутский рейд. В одно время с фрегатом «Проворный» английское военное судно вышло из Гибралтара и пришло почти 36 часами позже фрегата в Плимут.

Весь остаток августа месяца фрегат «Проворный» простоял в Плимуте и только 31 августа, оставив этот порт, пошел к северу, прошел благополучно Английский канал, 5 сентября был в Скагерраке и, лавируя в Каттегате, 7 сентября вечером должен был положить якорь в виду Кронборха и только 9 сентября, подойдя к Копенгагену, фрегат «Проворный» мог встать на якорь на этом рейде. Освежив команду, командир фрегата, капитан-лейтенант Казин, вышел из Копенгагена 14 сентября и спешил в Россию. Свежие ветры способствовали исполнению намерений капитана, и 18 сентября фрегат стоял уже на Кронштадтском рейде, а 23 сентября был введен в Гавань, и приступлено к разоружению его и сдаче к порту.

Плавание корабля «Эмгейтен» не было так благополучно, как плавание фрегата «Проворный», но оно было значительно для флота и Гвардейского экипажа. Государю Императору благоугодно было назначить корабль «Эмгейтен» для переезда из Кронштадта в Добберан Их Императорских Высочеств Государя Великого Князя Николая Павловича и Великой Княгини Александры Федоровны. В Добберане в то лето находился Король Прусский Фридрих Вильгельм III с несколькими членами своего семейства. Кораблю предстояло непродолжительное плавание к устью реки Варны, предстояла возможность доставить Их Высочества только в Варнемюнде, но не в Росток и не в Добберан.

В половине июля корабль «Эмгейтен» был уже на рейде*.

**Примечание М. Н.: Журнал корабля «Эмгейтен» в архиве не находится.*

С 23 июля утра началась перевозка гардероба Их Высочеств, экипажей, прислуги и прочих принадлежностей, 24 июля Их Высочества прибыли на корабль на Гвардейском катере из Ораниенбау-

ма, Император Александр I провожал августейшего брата своего. Корабль в присутствии Государя поставил паруса и поднял якорь и, отойдя от места якорной стоянки, лег в дрейф. Незабвенная для служивших тогда на корабле минута прощания двух венценосных братьев, торжественное благословение старшего и благоговение младшего. Император сошел с корабля в 6 часов пополудни, и корабль, пользуясь попутным ветром, пошел в море. В свите Их Высочеств были статс-дама княгиня Е. В. Салтыкова, фрейлина Ея Высочества В. П. Ушакова, адъютант Его Высочества полковник Адлерберг, в должности секретаря Брунн и небольшое число мужской и женской прислуги. Их Высочествам угодно было, чтобы офицерская кают-компания содержима была на счете Двора Их Высочеств, и для этого были приняты заранее меры адъютантом полковником Адлербергом.

Медленно было плавание корабля «Эмгейтен», и уже 25-го его встретили противные переменные ветры, так что 30-го, только июля, корабль на буинях подошел на вид Готланда. Здесь крепкий риф-марсельный противный ветер заставил лавировать 48 часов под зарифленными марселями; при малом ходе волнение произвело сильную качку, и высокие пассажиры страдали, страдали также и их спутники, офицеры и нижние чины служивали страдавшим. У Боригольма корабль разошелся с эскадрой вице-адмирала Кроуна, возвращавшейся из крейсерства у о. Исландия, 1-го и 2-го августа ветер несколько стих, не переходя, однако, к пользе плавания корабля, и пошел сильный дождь, 3-го, 4-го и 5-го числа к крепкому сильному ветру присоединились сильные порывы и шквалы, корабль лавировал у берегов Померании, крепкий ветер со шквалами и течение из Бельта лишали эту лавировку всякой выгоды; корабль выигрывал весьма мало, а страдания Их Высочеств увеличивались; это принудило 6 августа положить якорь на большой глубине, в расстоянии более двух миль не меньших от Варнемюнде, подобно тому как англичане отстаивались на якоре на этом месте в 1807, 1808 и 1809 годах. 7 августа корабль подрейфовало, принуждены были положить второй якорь. Ветер постоянно крепчал, на корабле спустили стеньги и нижние реи. 8-го утром ветер начал стихать, в тот же момент принялись за работы и в тот же день подошли к Варнемюнде и там на рейде положили якорь. 9-го перевезли экипажи Их Высочеств со всеми принадлежностями к сухопутному путешествию. 10 августа Его Величество Король Прусский в сопровождении Владетельного Великого Герцога Маклебургского на яхте Его Высочества подошел к кораблю и посетил Их Императорские Высочества. На корабле уже были готовы к приему Короля, и потому Его Величество был принят с подобающей почестью. Для Короля приготовлены были ординарцы: первый лейтенант на корабле, боцман 3-й роты Игнатий Иванов и вестовой матрос 4-й роты Михайло Сушкин; первые двое, как участвовавшие в сражении под Кульмом, имели знаки отличия Прусского железного креста.

(?) — сказал Король Великому Князю, а когда явился ординарец лейтенант, тогда Его Величество, не отнимая руки от шляпы, сказал (?), тотчас изъявил желание, чтобы ординарец этот во всё время стоянки корабля в Ванемюнде находился при Его Величестве. Потом Король осматривал корабль во всей подробности; корабельный лазарет обратил особое внимание Короля, тут Его Величество, говоря о больных с доктором Кернером, говорил иногда по-латыни. Осмотрев корабль, в тот же день Король и Их Высочества со всеми бывшими при них особами съехали с корабля на гребных судах, день был ясный, пристань в Варнемюнде была покрыта народом, окружавшим на пристани Семейство Короля Прусского. При приближении Катера к пристани раздалось: «Виват, принцесса Шарлотта» (имя, которое носила вдовствующая ныне Императрица до вступления в брак).

Русский ординарец не отлучался от свиты Короля ни в театре, ни при столе; на другой день все бывшие на берегу русские офицеры представлялись Владетельному Герцогу Маклебургскому, и в тот же вечер все вообще возвратились на корабль. Их Высочество щедро наградил без изъятия весь экипаж корабля «Эмгейтен». Все вообще офицеры получили богатые подарки, а нижние чины — денежное награждение. Король Прусский пожаловал русским ординарцам и вестовому подарки: лейтенанту* — богатый бриллиантовый перстень, боцману — золотые часы, а матросу — 10 червонцев.

**Примечание авт.:* Ординарцем и первым лейтенантом на корабле «Эмгейтен» был в этом походе М. Н. Лермонтов.

Командир корабля нашел нужным осмотреться, а потому пробыл ещё трое суток на Варнемюнденском рейде и дал возможность офицерам корабля побывать в Ростоке, для того чтобы почтить память знаменитого фельдмаршала Блюхера на месте его родины и его памятника. Корабль «Эмгейтен» и с тихими, постоянно попутными ветрами пришел на Кронштадтский рейд 2 сентября; после

смотр, проведенного начальником Морского штаба вице-адмиралом фон Моллером, вошел в гавань и, разоруженный, сдан к порту, а экипаж возвратился в Санкт-Петербург*.

**Примечание М. Н.: Всё это взято из записок Морского ученого комитета и служившего тогда на корабле первого лейтенанта.*

Знаменательность этой кампании выражена в записках Морского Ученого Комитета 1832 года; принимаем на себя смелость выписать несколько строк из этих записок, потому что Гвардейский Экипаж был избран провидением к этому, и вот что представляем мы из этих записок: «Неблагоприятствующие ветры и погода доставили новое доказательство, что посреди глубокого мира, когда все военнотружущие не только не подвержены никакой опасности, но, стоя в городах и селах, наслаждаются отдохновением и удовольствиями в сие мирное время, флотский офицер, находясь в море, многотрудно подвизается, и часто во время обыкновенного, но крепкого ветра в темную ночь, стоя на вахте четыре часа, омываем дождем проливным, должен устремлять зрение своё к вершинам мачт, на положение парусов наблюдать их направление, уменьшать силу одних, прибавлять силу других, от парусов обращаться к рулю, от руля к карте, смотреть, что впереди, что назад судна и потому быстро располагать не только собственные свои действия, но и действия всех употребленных к управлению судна, и для того должен, напрягая все силы зрения, слуха, голоса, все силы телесные, напрягать также силы душевные».

«Плавание корабля “Эмгейтен” из Кронштадта в Росток навсегда останется достопамятным для нашего флота: оно было первое плавание Государя на Российском корабле, последовало не более как за год до восшествия Его Императорского Величества на престол и служило предзнаменованием Высочайшего попечения и милости, которые Государь тотчас обратил на флот и на служащих в оном».

По возвращении корабля «Эмгейтен» в Кронштадт и команды его в Санкт-Петербург яхты поступили на короткое время в команду прежних начальников. Командир корабля произведён в капитаны 1-го ранга и три старших лейтенанта — в капитан-лейтенанты по линии. Государь Император пожаловал нижним чинам по 2 рубля на человека. В этом 1824 году последовало Высочайшее повеление, объявленное Государственной Адмиралтейств-коллегией в указе от 25 августа за № 9276 «Об учреждении особой Комиссии из флагманов и капитанов для составления правил для командных слов на все возможные случаи для единообразного употребления оных на всех судах, флот составляющих». Председателем этой Комиссии назначен Гвардейского Экипажа капитан 1-го ранга Качалов.

18 сентября втянулись в Гавань все яхты, 25-го весь Гвардейский Экипаж был в сборе на берегу и принялся снова за строевое ученье, которое в конце этого года изменено в ружейных приемах; флигельманы уничтожены, их заменил общий мерный щит для каждого приёма. Гвардейский Экипаж по случаю командования Гвардейскими бригадами Их Высочеств Великих Князей Николая Павловича и Михаила Павловича состоял во 2-й Гвардейской пехотной дивизии; а при предстоявшем назначении Их Высочеств Начальниками Гвардейских пехотных дивизий, этот Экипаж поступил вновь в 1-ю Гвардейскую пехотную дивизию, под Начальство Его Высочества Великого Князя Михаила Павловича. Это событие ощутительно ознаменовалось немедленным назначением в числе прочих полков и Гвардейскому Экипажу огородного места на Лиговском канале для посева там огородных овощей для Экипажа.

1824 год памятен в летописях Санкт-Петербурга, памятен и в Гвардейском Экипаже по необыкновенному наводнению, бывшему 7 ноября, и по признанному Государем Императором самоотвержению офицеров и нижних чинов Экипажа для спасения погибавших.

Дежурный при Государе Императоре катер с 1 обер-офицером, 1 унтер-офицером и 18 матросами при усиливающемся ветре, прибылой воде и неправильном волнении в реке стоял у пристани дворцовой набережной, стараясь удержаться за пристань и вместе с тем быть готовым на всякий случай; вода вышла из берегов, покрыла набережные более двух футов, мосты сорваны, барки с разным грузом, ниже моста стоявшие, оторваны, волнение и ветра несут их вверх против течения по ветру, барки сталкиваются, разбиваются, и люди гибнут; Государь Император, увидев это, послал дежурного флигель-адъютанта графа Бенкендорфа для оказания помощи погибавшим на дежурном при Его Величестве катере. Гвардейского Экипажа мичман Беляев был в тот день дежурным на катере; с трудом мог принять к себе на катер графа, перешедшего более нежели по колено

в воде, и присутствием духа графа, искусством Беляева и расторопностью нижних чинов Гвардейского Экипажа, в глазах Государя спасено несколько человек от потопления, катер не имел никакой возможности, при всех усилиях возвратиться к пристани, он должен был наконец уступить силе ветра и волнения и укрыться на Петербургской стороне. Здесь успели вытащить из окон и снять с крыши несколько человек и приметить около третьего часа пополудни начало понижения воды, успели спасенных по Высочайшему повелению представить во дворец, а спасенных после того граф Бенкендорф приказал распустить по домам, переписав при том имена их. Мичман Беляев удостоен Его Величеством награды орденом Владимира 4-й степени за спасение погибавших, а нижние чины получили по 10 рублей на человека.

Офицеры Гвардейского Экипажа лейтенанты Дудинский, Мусин-Пушкин, Кюхельбекер и мичман Дивов, взяв по несколько человек нижних чинов, на 4-х Гвардейских средних катерах успели также спасти несколько человек погибавших. На катере лейтенанта Дудинского ездил военный генерал-губернатор столицы граф Милорадович по Большой Морской и по Невскому проспекту, спасая погибавших из погребных этажей и плававших на выломанных створах деревянных ворот. Офицеры эти также награждены подарками: лейтенанты — в 500 р., мичман — в 400 р., нижним чинам 56 человек пожаловано по 10 руб. на человека*.

**Примечание М. Н.:* В том числе и боцману Трофиму Иванову, ныне подполковнику и смотрителю Главного Адмиралтейства.

Этот год окончился погребением тела скончавшегося Командующего Гвардейским корпусом генерал-адъютанта, генерала от кавалерии, Уварова и вступлением в командование корпусом генерала от кавалерии Воинова; сдачею Гвардейского Экипажа фрегата «Россия» под брандвахту при Санкт-Петербургском порте и закладкой нового фрегата того же имени, с назначением на фрегат при закладке командиром капитан-лейтенанта Лермонтова 1-го.

Глава IX. Кончина Императора Александра I, вступление на престол Императора Николая I. Служба Гвардейского Экипажа в 1825, 1826 и 1827 годах и плавание его на 74-пушечном корабле «Сысой Великий», «Князь Владимир», «Царь Константин» и 36-пушечном фрегате «Елена»

1825 год

Начало этого 1825 года было лестно для Гвардейского Экипажа; 2 января объявлено указом хозяйственной экспедиции за № 8266 Монаршее благоволение за отличное усердие и ревность, оказанную в плавании за границами в лето прошедшего 1824 года; капитану 1-го ранга Качалову, капитан-лейтенантам: Казину, Лялину и Лермонтову 1-му, лейтенантам: Лазареву 3-му, Арбузову, Тимирязеву и Дудинскому, штаб-лекарю статскому советнику Кернеру и медико-хирургу Дроздову. Но 28 января Гвардейский Экипаж должен был расстаться с начальником своим, под командою которого он был сформирован, совершил кампанию 1812, 1813 и 1814 годов, был в делах против неприятеля и заслужил Гвардейское знамя; контр-адмирал Карцов по Высочайшему повелению назначен в Черноморский флот со сдачею на законном основании этого Экипажа капитану 1-го ранга Качалову.

(См. Илл. 72–1) С. Д. Всеволожский. Георгиевское знамя, пожалованное Императором Александром I Гвардейскому Экипажу за участие в сражении под Кульмом. Акварель [6].

(См. Илл. 72) Карцов Иван Петрович — неизвестный художник. 1826–1830 гг. [13].

Примечание авт.: Карцов Иван Петрович (1769–4.5.1836 гг.), контр-адмирал (1818 г.). 1 мая 1786 г. поступил в Морской корпус кадетом. 25 октября 1787 г. произведён в гардемарины, 15 мая 1788 г. — в мичманы. В ходе Русско-шведской войны 1788–1790 гг. на корабле «Память Евстафия» участвовал в Гогландском (1788 г.) и Эландском (1789 г.) морских сражениях, на гребном фрегате «Мария», в Красногорском и 2-м Роченсальмском (оба — 1790 г.) сражениях (в последнем был взят в плен). 1 января 1792 г. произведён в лейтенанты, 11 марта 1800 г. — в капитан-лейтенанты. В 1805 г. командовал фрегатом «Малый» при переводе его из Санкт-Петербурга в Кронштадт. В 1806–1810 гг. командовал придворными галетами «Церера» и «Паллада». 1 марта 1810 удостоен чина капитана 2-го ранга и был назначен командиром вновь сформированного Морского Гвардейского Экипажа. 2 марта 1812 г. выступил с Экипажем из Санкт-Петербурга в Вильно. С началом кампании 1812 г. Экипаж сражался в составе 1-й Западной армии как инженерно-понтонная часть. За отличие в Бородинском сражении Карцов был награждён орденом Св. Анны 2-й степени. 3 января 1813 г. с Экипажем перешёл по льду р. Неман и действовал в авангарде российских войск. 15 февраля 1813 г. произведён в капитаны 1-го ранга. В кампанию 1813 г. был в сражении у Баутцена, за отличие в Кульмском сражении награждён орденом Св. Владимира 3-й степени и Кульмским крестом. 19 марта 1814 г. во главе Гвардейского Экипажа вступил в Париж. В июне-июле 1814 г. на фрегате «Архипелаг» доставлен с Гвардейским Экипажем из Гавра в Кронштадт. За кампанию 1814 г. награждён золотой шпагой «За храбрость». 8 августа 1814 г. произведён в капитан-командоры, а 30 августа 1818 г. — в контр-адмиралы с назначением начальником Черноморской гребной флотилии. С 7 декабря 1830 г. в отставке. Был награждён также российскими орденами Св. Георгия 4-го класса (за 18 морских кампаний), Св. Анны 1-й степени с алмазами; прусским орденом «За заслуги»; австрийским орденом Леопольда. Похоронен в Санкт-Петербурге.

Капитан 1-го ранга Качалов, вступив в командование Экипажем, объявил по Экипажу правила соблюдения порядка, внутреннего устройства, обязанностей службы каждого и, соединяя сухопутную службу с морскою, слил в этом наставлении обе службы, соответственно современным требованиям, ставя во всех случаях морскую службу основанием всему. Наставления эти объявлены в приказе от 20 февраля, они взяты были из наставления Его Высочества Великого Князя Михаила Павловича, приспособлены к морской службе в Гвардейском Экипаже и впоследствии пополнялись.

Его Императорское Высочество Великий Князь Михаил Павлович, вступив в командование 1-й Гвардейской Пехотной Дивизией, обратил особое внимание на Гвардейский Экипаж; утвердив правила, установленные командиром Гвардейского Экипажа, добавил их словесными приказаниями, и строевая служба при новых ружейных приемах заняла всё зимнее время в Экипаже, как и в прочих полках этой дивизии. Великий Князь осматривал Гвардейский Экипаж во всех частях, посещал его во всякое время, входил во все нужды его, требуя от каждого точного знания, непременно исполнения обязанностей службы.

В это время Гвардейского Экипажа лейтенант Лазарев 3-й переведен по Высочайшему повелению в лейб-гвардии Измайловский полк поручиком с назначением адъютантом к Его Высочеству Великому Князю Николаю Павловичу, Начальнику второй Гвардейской пехотной дивизии. Со времени назначения Их Высочеств Начальниками дивизий в Гвардейских полках заметно углублялось усердие и для большого утверждения единообразия и порядка исполнения службы Гвардейский Экипаж поручен под особый ответственный надзор по полубатальонно двум старшим штаб-офицерам, а третьему поручены 8-рядные ученья, учебная строевая команда и наблюдение за всеми судами во время зимовки.

Содействием Его Высочества Начальника 1-й Гвардейской Пехотной Дивизии, жившим в нижних этажах семейным нижним чином, 52 человекам, потерявшим имущество, в вознаграждение Всемилостивейше пожаловано 3427 рублей 20 копеек. Эта сумма роздана по ротам в мере оценки потерь от 395 рублей 75 копеек (подшкиперу Усольцову) до 3 рублей (матросу 4 роты Шутов). Вслед за этим доставлена была сумма 10942 рубля, испрошенная у Государя Императора, Его Высочеством Начальником дивизии и Всемилостивейше пожалована в вознаграждение за потери имущества при наводнении 9 обер-офицерам Гвардейского Экипажа. Все эти милости и внимание Его Высочества напоминали Гвардейскому Экипажу милости и внимание Государя Цесаревича.

Между всеми этими занятиями в Гвардейском Экипаже не оскудевала привязанность к родной и основной своей морской службе, яхты готовились, и 28 апреля по Гвардейскому Экипажу последовал приказ о плавании в предстоящем лете этому Экипажу; Его Величество Высочайше повелеть соизволил отделить 74-пушечный фрегат «Сысой Великий» для крейсерства с эскадрой адмирала Кроуна в Балтийском море и назначить командирами: на корабль капитан-лейтенанта Казина*,

**Примечание М. Н.: Ныне адмирал и член Адмиралтейств-совета.*

на новый, приготавливавшийся на Охтинской верфи к спуску со стапеля фрегат «Россия» — капитан-лейтенанта Лермонтова 1-го; на бриг «Пожарский» — лейтенанта Мусина-Пушкина, на яхту «Церера» — лейтенанта Окулова и на Голландский буер — лейтенанта Дудинского. Вследствие этого Высочайшего повеления назначено, кроме командиров: на корабль — 1 штаб-офицер, 9 обер-офицеров, 40 унтер-офицеров и 460 матросов, артиллерийских чинов: 2 обер-офицера, 7 унтер-офицеров и 42 бомбардиров и канониров. Нестроевых: штаб-офицер, обер-офицер, 7 унтер-офицеров, 16 рядовых. На фрегат «Россия» и на прочие яхты по-прежнему от 100 порций до 40, и, наконец, на Голландский буер 1 унтер-офицер и 4 матроса.

После произведенного Его Высочеством Начальником 1-й Гвардейской Пехотной Дивизии инспекторского смотра назначенные на корабль «Сысой Великий» офицеры и нижние чины 1 мая отправлены в Кронштадт. Команда фрегата «Россия» перешла на Большую Охту для отделки и вооружения со вскрытием воды спущенного со стапеля фрегата. Яхты окончательно стали готовиться к выходу на рейд, и, наконец, оставшиеся на берегу исполнением всех предписанных Его Высочеством начальником дивизии распоряжений, относящихся для удобрения и охранения огородной земли, всемилостивейше пожалованной Гвардейскому Экипажу и прочим войскам Гвардии.

Бриг «Пожарский» и яхта «Церера» скоро за тем вышли на рейд, но фрегат «Россия», как вновь выстроенный, требовал и трудов, и времени. Совершенное изменение внутреннего расположения соответственно неудобности, пользы и современному улучшению задерживали отделку, потому что сбереженные со старого фрегата переборки и некоторые другие столярные поделки негодились на новом фрегате, притом сделано небольшое изменение в рангоуте, что также задерживало фрегат у Охтинского адмиралтейства весь май месяц и часть июня.

Корабль «Сысой Великий» не терял времени, он готовился быть флагманским адмирала Кроуна кораблем и вышел на рейд 14 июня, до пробития утренней зари, поднял флаг адмирала. 23 июня Эскадры произведен Депутатский смотр, а 30-го того же месяца адмирал снялся с якоря, ему последовали

все остальные суда его небольшой Эскадры; 5 июля Эскадра эта подошла на виды острова Готска-Сандо и тут начала крейсерство свое между Дагерортом и Готландом, начались и практические занятия Эскадры. Занятия эти продолжались и на обратном плавании по Финскому заливу к Ревельскому порту. Эскадра пришла на Ревельский рейд 23 июля, а 25-го снялась с якоря и пошла в Кронштадт, 26-го положила на тамошнем рейде якоря и начала готовиться к смотру.

3 августа Государь Император, переехав из Ораниенбаума на катере, изволил посетить Кронштадт и его порт, изволил вместе с тем произвести и смотр Эскадры. Кораблем «Сисой Великий» командовал Гвардейского Экипажа капитан-лейтенант Казин, ныне адмирал и член Адмиралтейств-совета, в своеручно написанных воспоминаниях его сохранился этот смотр, долженствующий иметь почетное место в истории Гвардейского Экипажа. «Надобно заметить, — пишет адмирал Казин, — что в Балтийском флоте по неизвестным причинам на Гвардейский Экипаж смотрели как на недоброжелательно ответственных моряков; адмирал Кроун, казалось, разделял это мнение, но, когда проплавал с нами в лето, он совершенно изменил свое мнение, заменил его доверенностью и добрым расположением к Экипажу, а меня почтил вниманием, которое в продолжение кампании различным образом мне оказывал. Государь Император Александр Павлович, посетив корабль 3 августа и приняв рапорт адмирала, изволил сделать первый Его Высочеством вопрос: “Довольны ли Вы, адмирал, Моим Экипажем?” ... Кроун увлекся в похвалах Экипажу до того, что мы, слышавшие эти похвалы, смутились. Государь, сопровождаемый Их Величествами Великими Князьями Николаем и Михаилом Павловичами, изволил осмотреть корабль во всех подробностях и по осмотру вошел в каюту адмирала, где был приготовлен завтрак. Я со всеми штаб- и обер-офицерами оставался на шканцах. Неожиданно видим мы Государя, выходящего из каюты с бокалом шампанского, гласящего: “Казин! Твое здоровье, господа офицеры! Ваше здоровье”. Такая честь и милость, мне оказанная, может ли быть выражена моим языком. Одна мысль об этом питает мое существо и сокращает все мои желания о благах его мира...” Мне не позволили себе ничего изменить из рукописи для того, чтобы в точности представить направление чувств и дух того времени.

5 августа возвратился из вояжа вокруг света фрегат «Крейсер», а 6-го Эскадра пошла опять в крейсерство, этот раз адмирал Кроун доводил Эскадру свою только до Ревеля. Прибыл на Ревельский рейд 9 августа и, простояв там десять дней, 21 августа возвратился со всею Эскадрою на Кронштадтский рейд. После Депутатского смотра, произведенного Эскадре 26 августа, все суда, под флагом адмирала Кроуна бывшие, 1 сентября вошли в Гавань и разоружились.

Между тем выстроенный, отделанный и вооруженный Гвардейский фрегат «Россия» вышел на рейд, в начале июля явился против Каменноостровского дворца. Император на третий день изволил посетить фрегат в послеобеденное время, изволил осматривать эту яхту во всей подробности, начиная от вооружения до жилого кубрика и шкиперских кают и, найдя везде простор и удобство от произведенных капитаном перемен, изволил все их одобрить и присовокупить: «Иного я от тебя и не ожидал». 19 июля объявлена командиру фрегата благодарность за устройство и чистоту, найденную Его Величеством, а нижним чинам фрегата, голландского буера и катера Всемилоштивейше жаловано по рублю, по фунту мяса и по чарке вина на человека. По переезде Двора в Петергоф яхты перешли туда же, и там, снимаясь каждодневно с якоря, имея фрегат «Россия» флагманским, производили эволюции. Фрегаты Морского корпуса часто присоединялись к ним, а 3 августа все эти суда стройно сопровождали Его Величество в Кронштадт и на флот.

В этом году пребывание Двора в Петергофе было несколько продолжительнее по случаю приезда в Россию Ея Императорского Высочества Великой Княгини Марии Павловны с супругом. Императрица-мать в этом году очень часто посещала с Их Высочествами фрегат «Россия». Стоя на якорю, на шканцах иногда образовывался семейный круг царствующего дома под парусами. Курсы фрегата по разным направлениям, а иногда и эволюции развлекали высоких посетителей. Государь Император сопровождал иногда Императрицу-мать, а Его Высочество Великий Князь Михаил Павлович посещал фрегат, сопровождая Императрицу и один с бывшими при нём особами. Кампания этого года для фрегата «Россия» ознаменована особыми Монаршими милостями. При отъезде Двора из Петергофа Великая Княгиня Мария Павловна пожаловала команде этого фрегата 200 р., а гребцам, на гребных судах бывшим, 100 руб. В половине августа фрегат и яхты возвратились в Петербург, бриг «Пожарский» встал против Михайловского дворца, яхта «Церера» пошла к Таврическому, а фрегат к Каменному острову. Отпраздновав там последний раз день Тезоименитства Императора Александра I, командир фрегата с незанятыми должностью офицерами фрегата и офицером,

бывшим в карауле на катере Его Величества, проводили Государя ночью с 1 на 2 сентября. Император милостиво простился с кавалергардами, подъехал к фронту гребцов, на левой стороне аллеи выстроенных, и, заметив штаб и обер-офицеров у фронта, милостиво сказал им: «Прощайте», — и поехал в Александр-Невскую лавру.

Яхты и фрегат не остались праздными; все эти суда пошли в море и только 12 сентября вошли в Неву, чтобы ко дню Коронации яхтам быть у Зимнего дворца, а фрегату у Таврического. Простояв день Коронации под флагами для расцветивания и после вечерней иллюминации фонарями, фрегат пошел на зимовку на Охту, а яхты спустились в Галерный порт, и все вообще начали разоружаться. Сентябрь соединил весь состав Экипажа в Санкт-Петербурге, и ученье одиночное, строй и 8-рядное практическое в соединении с исполнением гарнизонной службы составило обычное занятие всего Экипажа. Возвратившиеся на фрегате «Крейсер» лейтенанты фон Кюхельбекер и Вишневский также усердно взялись за исполнение своих береговых обязанностей. 27 сентября приняты в Экипаж построенные по Высочайшему повелению для казарм на случай наводнения три восьмивесельных катера и поставлены во дворе казарм. Эти катера состояли в ведении смотрителя казарм, а люди на них на случай наводнения должны были назначаться от Гвардейского Экипажа.

В ноябре месяце начали распространяться слухи по Гвардейскому Экипажу о болезни Императора в Таганроге; известия эти наконец стали тревожить всех. Желание узнать о ходе болезни Его Величества привлекало во дворец в часы развода вместе с полковым адъютантом свободных от занятий офицеров; и 27 ноября адъютант Гвардейского Экипажа лейтенант Дубинский и капитан-лейтенант Лермонтов сошлись во дворце. В это время в большой церкви Зимнего дворца окончилась литургия и начался заздравный молебен; адъютанты и офицеры пошли к молебну, и вскоре совершенно неожиданно вошел в церковь Великий Князь Николай Павлович из дверей перед певчими с правой стороны. Скорбь и горесть выражались на лице Его Высочества, слезы текли по лицу. Великий Князь поднял правую руку и, опустив главу, опустил и руку; смолкло пение, умолкли молитвы, лишь тихие отголоски: «Всё кончено», — разнеслись по церкви. Этот знак руки Его Высочества служил горькой для всех вестью о кончине Государя. Каждый был поражен этой вестью; кончина Государя произвела всеобщую непритворную скорбь и печаль. Вся Гвардия и Гвардейский Экипаж по распоряжениям Главного начальства присягнула отречься от престола Государю Великому Князю Цесаревичу Константину Павловичу, и присяга послана в Варшаву; в ожидании прибытия Его Высочества никто не надевал знаков траура; в церквах имя Императора Александра заменялось именем Императора Константина; 12 декабря, в день рождения почившего Императора, не проводилось никакого ученья, а в полках и в Гвардейском Экипаже служили панихиду и уже имели повод справедливо надеяться на скорое прибытие Его Высочества Константина Павловича, всё было в Экипаже совершенно покойно, тем паче, что отречение от престола, подписанное Его Высочеством Государем Цесаревичем, и существование духовного завещания скончавшагося Императора было для всех тайною. Все были покойны, но непокойны были люди злонамеренные и составлявшие не соответствующие благу и неестественные для Императора утопии. Долгое неприбытие Его Высочества из Варшавы давало им повод и случай поспешить приведением в исполнение несбыточных намерений своих; им для исполнения понадобились полки и батальоны Гвардии, и они обратили внимание и на Гвардейский Экипаж, в котором было много молодых неопытных офицеров. Скоро и легко привлекли к себе эти злонамеренные люди значительную часть легковерных офицеров Гвардейского Экипажа, обязывая их притом таиться от старших. 13 декабря распространился слух, что Начальник Гвардейской Пехотной Дивизии Его Высочество Великий Князь Михаил Павлович уехал навстречу Его Высочеству Государю Цесаревичу, было известно, что в этот вечер дворец был больше освещен, все это только сильнее утверждало и оправдывало ожидание. 13-го был дежурным по Экипажу мичман Доливо-Добровольский, как оказалось впоследствии, не причастный ни к чему, равно как и дежуривший с ним медик; 14 декабря должен был вступить на дежурство мичман Беляев 1-й и медико-хирург Дроздов. Утром рано в этот день был потребован со всеми полковыми командирами командир Экипажа капитан 1-го ранга Качалов в Зимний дворец, там объявлены были им документы: отречение от престола Государя Цесаревича, сила духовного завещания скончавшагося Государя — и прочитан был манифест о вступлении на престол Императора Николая Павловича; Капитан 1-го ранга Качалов присягнул вместе со всеми собравшимися тогда во дворце. После присяги, получив печатные экземпляры Манифеста и копии отречения, Качалов возвратился в Экипаж и тот час же послал первый взвод в Зимний дворец за знаменем; этот взвод должен был по уставу иметь в сумах по 10 боевых патронов

и потому имел их. По принесении знамени, капитан 1-го ранга Качалов собрал штаб-офицеров и ротных командиров и предъявил им пред знаменем о существовании духовного завещания, об отречении от престола Государя Цесаревича, предъявив также и Манифест о вступлении на престол Императора Николая Павловича, предварив при том, что в 10 часов прибудет Командир 2-й бригады 1-й Гвардейской пехотной Дивизии генерал-майор Шипов для подтверждения всего, объявления Манифеста и для приведения к присяге всего Экипажа. В назначенное время весь совершенно Экипаж выведен во двор казарм и поставлен в колонне справа, артиллеристы за 8-м взводом, а ластовые — за артиллеристами; ни один человек в Экипаже не имел в суме патронов, кроме принесших и долженствовавших отнести знамя, и все, не имевшие патронов, имели деревянные кремни в ружьях. В назначенный час прибыл бригадный Командир, ему отдали должную честь; потом генерал-майор Шипов сообщил о существовании духовного завещания и об отречении от престола Государя Цесаревича Константина Павловича; всё это было выслушано в тишине и молчании; оставалось прочесть Манифест. Капитан 1-го ранга Качалов командовал для этого: на караул — все исполнили по команде, но только что начали читать Манифест, как послышались сзади тихие голоса «отставить, отставить» — и задние начали понемногу и поодиночке брать на плечо. Бригадный Командир остановил чтение Манифеста и вызвал ротных командиров на середину. На вопрос бригадного командира, что это значит и отчего это слушание, некоторые из вызванных, а именно: лейтенанты Арбузов, Бодиско 1-й, Кюхельбекер и Вишневский отвечали, что они уже присягали Государю Цесаревичу и изменить этой присяге не могут, доколе Его Высочество лично не разрешит их на то. Тщетно убеждал вызванных генерал-майор Шипов, тщетно приводил им все самые притом неопровержимые доказательства справедливости и истины требовавшегося, четверо из вызванных повторяли тоже святость присяги. Бригадный командир представлял им, какому по закону наказанию подвергаются они за эту недоверчивость, имевшую вид осуждения, и объявил им арест, некоторые из вызванных отвечали, что они готовы к этому, и начали подавать сабли. Командиры 1-й и 4-й роты, не понимавшие из происшедшего ничего, как непричастные ни к чему, постоянно молчали. Генерал-майор Шипов, заметив в числе 8 офицеров четверых, как бы желавших говорить за всех, но поддержанных не всеми остальными, приказал им всем идти с ним в канцелярию Экипажа, что там происходило и был ли кто из них арестован, положительно неизвестно, знаем только, что убеждения и доводы были сильны.

Нижние чины в колонне и прочие офицеры были покойны; при всем этом были приняты тотчас предосторожности, чтобы никто из посторонних не вошел в это время в казармы; несмотря, однако же, на то, адъютант главного командира и военного губернатора в Кронштадте лейтенант Петр Бестужев успел, пользуясь адъютантским мундиром, войти в казармы, другой, в партикулярной одежде, перелез через деревянный забор заднего двора казармы; первый, являсь перед колонною, объявил о кончине графа Милорадовича, о собравшихся на Петровской площади и также не присягнувших полках лейб-гвардии Московском и Гренадерском; второй громко прокричал, что к Сенату приехал Государь Константин Павлович. Эта последняя весть электрической искрой пролетела по фронту, всё зашевелилось; «К нему, к нему, на площадь!» — крикнул тот же голос сзади, и все усилия удержать быстроту стремления были тщетны. Штаб-офицеры, вставшие в первых воротах для удержания, разъединены, смяты и не могли удержать натиска, не слушавшими голоса командира Экипажа и останавливавших офицеров. В стремлении этом многие падали, офицеры старались скорее затворить ворота и успели задержать небольшое число из бежавших. В то время, когда хвост лишь выходил с большого двора, бригадный командир сходил с лестницы из канцелярии Экипажа, помещавшейся в третьем этаже; бывшие с ним офицеры вышли в каре за ним и присоединились к убежавшим.

Убеждения генерала и своих офицеров подействовали на эту незначительную часть нижних чинов, они спокойно возвратились в казармы. Генерал-майор Шипов уехал, а командир Экипажа приказал оставшимся в казармах штаб- и обер-офицерам, не выходящим из казарм, соединить нижних чинов и успокоить их; унтер-офицеру Петру Мартюшеву приказать иметь за оставшимися ближайшее наблюдение; в ротных цейхгаузах хранились боевые патроны для караулов по уставу гарнизонной службы на весь Экипаж. Предосторожность требовала удаления этих патронов из казарм Гвардейского Экипажа. Артиллерийской роты капитан-лейтенанту Семенову поручено было отвести все патроны, числом, как оказалось, около девяти тысяч, в Экипажный магазин на Канонирский остров; адъютанту лейтенанту Дудинскому и Командиру 1-й роты лейтенанту Тимирязеву приказано, употребив оставшихся в казармах людей, поспешить вывозом этих патронов. Помощь расторопного и деятельного баталера Сергея Кокошкина и по завете служащего в Гвардейском Экипаже казначе-

ем, ускорила эту перевозку и способствовала необыкновенно скорому в Экипаж возвращению отвозивших; мичману Доливо-Добровольскому приказано иметь особое смотрение за караулом и на дворах, как не сменившемуся с дежурства.

(См. Илл. 73–1) А. А. Тронь. Морской Гвардейский Экипаж на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. 1983. Акварель [28].

Около второго часа пополудни начали поодиночке возвращаться с Петровской площади офицеры и нижние чины; появление перед Экипажем Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Михаила Павловича, Начальника Первой Гвардейской Пехотной Дивизии, и убеждения Его побудили их к тому; но никто из возвратившихся не мог ни в то время, ни на произведении следствия передать каждое слово убеждения Его Высочества, но каждый из них изъявлял только сожаление о том, что Экипаж вовлечен в это горестное происшествие. Возвратившиеся Офицеры оправдывали себя тем, что они не смогли оставить рот, в которых они служили; они только в общих выражениях* рассказали об убеждении

**Примечание М. Н.:* Желающих знать буквально эти убеждения мы просим обратиться к брошюре «Восшествие на престол Императора Николая I», изд. 5, стр. 200 и 201; мы не позволяем себе выписывать из этой брошюры, хотя и сам автор это нам позволил и желал того потому, что мы как свидетели происшествия обязаны, описывая его, буквально выставлять, как что происходило, не изменяя простоты объяснений, и очень рады, если смысл написанного здесь не будет отклоняться от смысла брошюры.

Его Высочества, оно было в простых, но от сердца высказанных перед Экипажем словах; Его Высочество, между прочим, объявил, что он вследствие отречения от престола Государя Цесаревича, что и он присягнул Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Павловичу, убеждал Экипаж возвратиться в казармы и присягнуть Его Величеству Императору Николаю Павловичу. С благочестием слушали нижние чины Великого Князя и искренне любимого ими начальника. Но внушение о твердости первой присяги удерживало их, и они почтительно отвечали, «что присягой шутить грех, что они верят Его Высочеству, но не смеют и не могут взять на душу измену первой присяге; что для очистки совести они желают и просят, чтобы Константин Павлович Сам лично подтвердил Свое отречение; мы его хотим видеть, мы не знаем где он». 6-й роты унтер-офицер Хорошилов первый отделился от Экипажа, выйдя из колонны, явился к Его Высочеству и по приказанию Великого Князя тотчас же возвратился в казармы. Его Высочество пожаловал в последствие Хорошилову за этот поступок 150 р. ассигнациями и объявил о том в приказе по Экипажу, что и было исполнено. За Хорошиловым нижние чины начали выходить поодиночке из фронта, и одни шли в казармы, а другие, как говорили пришедшие, боясь начальства, хотели до сумерек пробыть в партикулярных домах и прийти домой, когда стемнеет.

Во время этих убеждений Его Высочества нижние чины Гвардейского Экипажа имели случай неопровержимо доказать, что одно только твердое сохранение данной присяги, поддержанное в них некоторыми ближайшими их начальниками, увлекло обманутых за пределы повинования к старшим; нижние чины имели счастье спасти Великого Князя от пушечного выстрела, наведенного на Его Высочество. Служивший в гражданской службе Кюхельбекер, родной и старший брат состоявшего в Гвардейском Экипаже лейтенанта Кюхельбекера; был известен во всем Экипаже по некоторым странностям своим; заметив, с каким почтительным вниманием выслушивают нижние чины Гвардейского Экипажа слова Великого Князя; втискался в 8-ю роту и, нацелив в Его Высочество пистолет, хотел выстрелить, но матросы Дорофеев, Федоров и Куроптов вышибли из рук убийцы орудие, а другие нижние чины прикладами вытолкали Кюхельбекера из колонны и от фронта; вместе с тем несколько голосов предупредили Великого Князя об опасности. Дорофеев, Федоров и Куроптов в награду за их усердие и верность помещены были в число дворцовых инвалидов Михайловского Его Высочества дворца.

Этим не кончились убеждения. Санкт-Петербургский митрополит в полном облачении, с животворящим крестом подходил к Экипажу; фельдфебель 5-й роты Терентий Федоров с несколькими нижними чинами вышел навстречу, старался подвести архипастыря к фронту, но с одной стороны

в народе раздался голос, что это не митрополит, а переодетый, с другой стороны народ, взбравшийся на забор, окруживший строившийся тогда собор Св. Исаакия, начал страдать Высокопреосвященного дровами и кричать «батюшку Царя Константина и матушку Жену Его Конституцию». Все эти рассказы и показания возвратившихся в казармы показывали колебания остававшихся на площади нижних чинов Экипажа, а возгласы в народе требовали сильнейших мер к изменению хода этого происшествия; они дали повод предложить командиру Экипажа послать на площадь одного из штаб-офицеров, для того чтобы привести и весь остальной Экипаж в казармы. Это поручение взял на себя капитан-лейтенант Лермонтов 1-й. Он уже спешил к Экипажу, был довольно далеко от казарм, как вдруг раздался выстрел орудия и посланный встретил Экипаж возвращавшимся с раскаиваниями и в большом числе; капитан-лейтенант Казин встретил у ворот казарм возвращавшийся Гвардейский Экипаж и принял на себя приведение его в порядок, принял на себя обязанности успокоить по возможности каждого, а капитан-лейтенант Лермонтов явился уже прямо к Государю Императору Николаю Павловичу на Дворцовую площадь.

Настали сумерки, Государь расспросил о всех подробностях происшествия и, убедясь, что никто в Экипаже ещё не присягал, принял милостиво уверение этого штаб-офицера в готовности нижних чинов присягнуть на верность службы Его Величеству тою же верою и верностью, как хранили присягу почившему Императору; Государь, обратясь потом к командующему Гвардейским корпусом генералу Воинову, сказал: «Александр Львович, поезжайте с ним в Гвардейский Экипаж, и, если до пробития вечерней зари присяга будет Мне представлена, я прощаю заблудшихся», — а штаб-офицеру этого Экипажа Государь добавил: «А ты отвечаешь Мне за представление присяги — до зари».

В Экипаже между тем командиром Экипажа при деятельном содействии капитан-лейтенанта Казина всё было приготовлено, и весь Экипаж, начиная от самого старшего офицера до самого младшего из нижних чинов, все при командующем Гвардейским Корпусом единодушно присягнули, и присяжный лист представлен был тем же штаб-офицером Его Императорскому Величеству прежде 8 часов вечера.

Так кончился этот несчастный день Гвардейского Экипажа — день 14 декабря 1825 года. Последствием этого дня было арестование по Высочайшему повелению в продолжение той же ночи лейтенантов: Арбузова, Бодиско 1-го, Кюхельбекера и Вишневого. Высочайшее повеление об арестовании этих офицеров доставлено в Экипаж в 12-м часу ночи с 14 на 15 декабря флигель-адъютантом полковником Адлербергом. Полковник, подъехав к воротам казарм, потребовал к себе капитан-лейтенанта Казина; по счастью, Казин, живуче на Васильевском острове, остался в ту ночь в казармах, явившемуся к воротам Казину флигель-адъютант Адлерберг объявил, что Государь Император возлагает именно на него, Казина, арестование этих четверых ротных командиров и сдачу арестованных присланному Конногвардейскому конвою с офицером того же полка фон Гореверкан*.

**Примечание М. Н.: Из воспоминаний адмирала Казина. Высочайшее повеление это было немедленно исполнено Казиным.*

Его Высочество начальник дивизии 15 декабря арестовал лейтенантов: Мусина-Пушкина, Баранцова, Окулова, Литке, Миллера, Лермонтова 2-го и Шпелера, мичманов Беляева 1-го, Бодиско, Беляева 2-го и Дивова — и приказал прикомандировать к Экипажу офицеров лейб-гвардии Семеновского полка капитана Дебан-Скоротецкого, поручика Шпита, прапорщиков Назарова, Шипова и Смиттена; Начальник Морского Штаба приказом причислить от флота лейтенантов Фофанова, Жадовского, Журихина, Пущина и де Шаплета, мичманов: Наумова, Гейзера, Фонтонна, Гребенищикова, Муравьева 4-го и Бровцына. Из арестованных по воле Его Высочества лейтенанты Баранцов, Литке, Миллер и вскоре освобождены.

Примечание авт.: Здесь Лермонтов 2-й — это Дмитрий Николаевич Лермонтов, родной брат М. Н. Лермонтова от второго брака их отца Н. П. Лермонтова. Вот что пишет о нём и его участии в событиях 14 декабря 1825 г. историк Костромского края А. А. Григоров в [28]:

«О декабристах написано немало. Но все же имеются не доведенные до конца и не исследованные должным образом некоторые моменты, связанные с судьбой того или иного участника этих событий. Лейтенант Гвардейского Экипажа Дмитрий Николаевич Лермонтов родился 25 июня

1802 г. в усадьбе Ивановское на реке Виге, в семье отставного лейтенанта флота Н. П. Лермонтова. В 1814 г. он поступил в Морской корпус, который окончил в 1818 г., и был зачислен в состав Гвардейского экипажа. В 1823–1824 гг. совершил заграничное плавание, побывав в Исландии, Франции, Испании, Гибралтаре. В капитальном труде академика М. В. Нечкиной сказано, что 14 декабря 1825 г. Д. Н. Лермонтов вышел из казарм Гвардейского Экипажа вместе со своей ротой на Сенатскую площадь, но, увидев, как развиваются события, ушел с площади домой. В тот же вечер Д. Н. Лермонтов был арестован и препровожден в Петропавловскую крепость, из которой вскоре был переведен, якобы из-за заболевания, в Семеновскую больницу, где и содержался под караулом вплоть до окончания следствия по делу о событиях 14 декабря, то есть до 15 июня 1826 г., и был освобожден без каких-либо последствий, а потом продолжал службу, так что этот арест и заключение в течение полугода никак не отразились на его последующей службе.

На следствии Лермонтов показал, что о существовании какого-либо заговора и каких-либо тайных обществ он не знал, а 14 декабря 1825 г., когда матросы его роты разобрали оружие и двинулись на Сенатскую площадь, то он, как командир роты, считал нужным находиться при вверенных ему людях, а придя на площадь и увидев, как там развиваются события, хотел обратиться к порядку, но потом ушел с площади, якобы для доклада начальству. На следствии другие обвиняемые по этому делу не дали против Д. Н. Лермонтова никаких показаний, свидетельствующих об участии его в тайном обществе, и следственная комиссия не сочла нужным привлечь Д. Н. Лермонтова к суду. Николай I утвердил решение следственной комиссии об освобождении Лермонтова из-под ареста и разрешил ему продолжать службу во флоте без каких-либо препятствий. Однако доводы о непричастности Д. Н. Лермонтова к делу 14 декабря кажутся какими-то малоубедительными. И почему же Д. Н. Лермонтов не разделил участи других декабристов? Тут имели большое значение два обстоятельства.

Первое — старший брат Д. Н. Лермонтова, Михаил Николаевич, тоже морской офицер, участник Отечественной войны 1812 г., был хорошо знаком будущему императору Николаю, и после 14 декабря был назначен председателем специальной комиссии, которой было поручено расследовать участие всех офицеров Гвардейского Экипажа в деле восстания. М. Н. Лермонтов пользовался доверием у Николая и, возможно, постарался в своем докладе о противозаконных действиях офицеров экипажа «выгородить» брата. Не потому ли, совершенно противоположно тому режиму, который был установлен для узников Петропавловки, Д. Н. Лермонтов «по болезни» переводится из крепости в лазарет. Ни один из содержащихся в крепости участников событий 14 декабря такими льготами не пользовался, несмотря на то что многие из них были больны и нуждались в больничном режиме.

Второе — родственником Дмитрия Николаевича был и командир лейб-гвардии Семеновского полка, генерал-майор С. П. Шипов. Из крепости Д. Н. Лермонтов был переведен в лазарет именно этого Семеновского полка. Очень неубедительными кажутся объяснения самого Д. Н. Лермонтова о том, что он не знал о существовании тайного общества и вышел на площадь, считая себя обязанным быть вместе с подчиненными ему матросами.

Из всего перечисленного можно сделать вывод, что Д. Н. Лермонтов был участником восстания декабристов, а от Сибири избавился благодаря заступничеству старшего брата и генерала С. П. Шипова. По освобождении из-под ареста Д. Н. Лермонтов служил в Черноморском флоте и во время войны с Турцией (1828–1829 гг.) на корабле «Пармен» участвовал в боях за крепость Варну. В 1836 г. он был назначен членом Кораблестроительного департамента Морского министерства, где и прослужил до выхода в отставку в 1853 г., получив чин генерал-майора от Адмиралтейства. Скончался 19 марта 1854 г. и был похоронен в Сергиевой пустыни близ Петербурга».

*В этот же день 15 декабря Его Императорское Высочество Начальник 1-й Гвардейской Пехотной Дивизии приказал собрать весь Экипаж и, построив его, повел на Адмиралтейскую площадь; там стоял аналой и столик, на котором стояла святая вода. Государь Император подъехал к выстроенному на этой площади развернутому фронту при криках Экипажа и собравшегося народа: «Ура!» — приказал сделать на молитву и вызвать знамя, освятить его и освященное отнести во дворец. За сим Государь отъехал во дворец, а Экипаж пошел в казармы.**

**Примечание М. Н.: В воспоминаниях адмирала Казина сказано: «Государь, подъехав к флангу, изволил позвать меня к себе, стоявшего на фланге как младшего штаб-офицера, подал мне руку*

и сказал “Благодарствую, я твоей службы никогда не забуду”, — и я несколько дней утром и вечером являлся к Его Высочеству Начальнику Дивизии с рапортом о состоянии Экипажа, а в следующий год 14 декабря я был приглашен к молебствию во Дворец».

Из числа нижних чинов, скрывавшихся до сумерек 14 декабря в партикулярных домах, 54 человека не дошли до Экипажа, а забраны объездом, с самых сумерек до рассвета ездившим, представлены в Ордананс-Гауз и оттуда отправлены в крепость, а потом поступили в сводный Гвардейский пехотный полк, ходивший на Кавказ; эти люди были впоследствии возвращены в Экипаж и беспрепятственно произведены в чины. В эти несчастные происшествия лишились жизни 1 флейтищик и 3 матроса, безвести пропало 11 матросов, 1 артиллерийский унтер-офицер, 3 канонира; ранены 11 матросов и 4 канонира.

В заключение об этом горестном происшествии представим вопрос: что мог сделать батальон без боевых патронов и с деревянными кремнями, артиллерист с тупым тесаком и безоружный ластовый против войска вооруженного и орудий заряженных? Ответ будет короток: ничего — следовательно, и вывод неопровержим, что Гвардейский Экипаж не заслужил ни упрека, ни названия мятежного, что твердым сохранением присяги в Гвардейском Экипаже по несчастью играла завлеченная за пределы неопытность, легковерие и необдуманность, не имея при том в виду злых умыслов мятежа; наконец ссылаемся на приказ по Гвардейскому Корпусу 1826 года за № 22 о сформировании двух Гвардейских батальонов из нижних чинов, кои 14 декабря увлечены были ложным истолкованием с подписанием присяги.

17 декабря Его Императорское Высочество Великий Князь Михаил Павлович приказал провести в Гвардейском Экипаже следствие над всеми нижними чинами, и это поручение возложено было на капитан-лейтенанта Лермонтова с прикомандированием к нему для делопроизводства известного Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Павловичу аудитора штаба Генерал-инспектора инженеров 9-го класса Иванова; следовательно должен был каждый вечер представлять Его Высочеству выписку из дневного следствия*.

*Примечание М. Н.: Его Высочество пребывал тогда в Зимнем дворце, на половине Императрицы-матери, в комнатах, которые занимала прежде Великая Княгиня Мария Михайловна.

В продолжение 10 дней всё следствие было кончено, оно ещё более доказало, что в Гвардейском Экипаже не было мятежного духа и направления, что в нем преобладала верность к присяге, данной Его Высочеству Государю Цесаревичу, милости которого к Экипажу ещё не исчезли в памяти Гвардейского Экипажа, и что с прибытием Его Высочества Начальника Дивизии к Экипажу нижние чины начали распознавать низость обмана и начали понемногу расходиться до выстрела.

К этому следует добавить, что, сохраняя истину в рассказе этом, ни написавший эти строки и ни кто из четверых свидетелей этого происшествия не может подтвердить мнения о том, что нижние чины освободили арестованных офицеров. Напротив, адмирал, вице-адмирал, полковник и штабс-капитан, служившие тогда в Гвардейском Экипаже, готовы подтвердить, что нижние чины, стоя во дворе, до возгласа о приезде Цесаревича были смирны. Что этот возглас двинул всю колонну со двора, и никто не восходил в третий этаж в канцелярию. Что бригадный командир уехал тогда, когда Экипаж уже ушел на площадь, а офицеры вышли вслед за ним. Может быть, некоторые из ротных командиров были арестованы в канцелярии, но по удалении бригадного командира самовольно вышли из канцелярии.

Со времени этого происшествия усердие к службе в Экипаже увеличилась ещё более, и все старались загладить этот проступок, и потому тем строже исполнялась Гарнизонная служба, тем усерднее занимался каждый строевой службою. Этот год кончился раз продолжением траура.

1826 год

4 января 1826 года флигель-адъютант лейб-гвардии Измайловского полка штабс-капитан лейтенант Лазарев 3-й переведен и зачислен в Гвардейский Экипаж капитан-лейтенантом с оставлением в том же звании и при Императоре; а 15 января Начальника Морского Штаба Его Императорского Величества в предписании за № 84 сообщил командиру Гвардейского Экипажа Высочайшее повеление о Всемилостивейшем назначении из Кабинета Его Величества матросам 8-й роты Сафрону

Дорофееву, Матвею Федорову и Алексею Куроптеву пенсий по смерти по 200 рублей ассигнациями каждому за оказанное ими отличие и об определении их к Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Павловичу.

22 января прикомандированы к Экипажу от флота лейтенанты Странолюбский, Барташевич, Бурдуков, фон Финк, Шлеин и Нахимов, мичмана Корнилов, Метлин, Бурдуков, Кутузов, Хитрово, Слизунов, Писарев, Иванов 12-й, Бунякин и Трубачев, а прикомандированные лейтенанты Жидовской, Журихин и Принцып 2-й и мичмана Наумов, Муравьев и Гребеничиков возвращены во флот. В марте месяце Гвардейского Экипажа лейтенант Балкашин послан в Черноморский флот для выбора нижних чинов на укомплектование Экипажа.

6 марта привезено в столицу тело Блаженной памяти Императора Александра I, встречено всеми войсками Гвардейского Корпуса и поставлено в Казанском соборе. Нижние чины Гвардейского Экипажа подвизионно приводимы были в назначенное время на поклонение ко гробу в Бозе почившего Государя, и, наконец, 12 марта вся Гвардия в строю в последний раз отдала честь перевозимому телу Императора из Казанского собора в Петропавловскую крепость. Офицеры Гвардейского Экипажа по очереди дежурили при теле, а 13 марта в день погребения тела Гвардия выстроилась на определенных местах, имея по 6 холостых патронов.

19 марта Государь Император Николай Павлович изволил сделать смотр всему Гвардейскому Корпусу на Дворцовой и Адмиралтейской площадях. Экипаж, уже имея на киверах помпоны из темно-зеленой шерсти, явился в парад в однобортных мундирах.

Из старого Гвардейского Экипажа, совершившего кампанию 1812, 1813 и 1814 годов и вошедшего 19 марта 1814 года в Париж, осталось только 78 штаб-, обер-, унтер-офицеров, музыкантов и матросов; накануне этого парада прислано было на первый раз 30 медалей за взятие Парижа и приказано было немедленно раздать их, в параде иметь уже эти медали на мундирах вместе с прочими медалями. В Экипаже продолжали служить офицеры старого Экипажа: капитан-лейтенант Лермонтов, доктор статский советник Кернер, комиссар 9-го класса Иванов и шкипер 9-го класса Романов*.

**Примечание М. Н.:* Капитан-лейтенант Римский-Корсаков был тогда в кругосветном плаваньи на шлюпе «Предприятие».

Этот первый смотр, произведенный Его Величеством Императором Николаем Павловичем, объявленного в Высочайшем приказе 20 марта войскам Монаршего благоволения, а нижним чинам пожаловано при том по рублю, по фунту рыбы и по чарке вина на человека.

Вслед за этим Начальник Морского штаба через Адмиралтейств-коллегию за № 659 сообщил Экипажу Высочайшее утверждение командирами судов, назначенных для плавания в этом лете Гвардейскому Экипажу. По этому расписанию утверждены командирами: капитан 1-го ранга Качалов — 74-пушечного корабля «Князь Владимир», капитан-лейтенант Казин — 44-пушечного фрегата «Константин»; Гвардейских судов: фрегата «Россия» — капитан-лейтенант Лермонтов, яхт: «Церера» — лейтенант Нахимов, строящейся яхты «Дружба» — лейтенант Литке, «Пожарский» — лейтенант Тимирязев и Голландского буера — лейтенант Дудинский. На корабль «Владимир» поступили штаб-офицер, 12 обер-офицеров, 46 унтер-офицеров, 35 музыкантов и 476 матросов, канониров и нестроевых, а на фрегат 9 обер-офицеров, 2 унтер-офицера и 227 матросов, канониров и нестроевых. 22 апреля вся эта команда отправлена на Адмиралтейских судах в Кронштадт. Между тем вооруженные уже фрегат «Россия», яхта «Церера» и бриг «Пожарский» вышли на рейд.

Назначение капитана 1-го ранга Качалова командиром корабля «Князь Владимир» повлекло за собой законную сдачу Гвардейского Экипажа и приём его, по распоряжению начальства, поручен капитан-лейтенанту Лермонтову, который 25 апреля принял Экипаж на законном основании со всем хозяйством и со всеми суммами, составлявшими 95552 руб. 46½ коп. ассигнациями, кроме артельных денег, хранившихся у артельщиков*.

**Примечание М. Н.:* Приказ по Экипажу 25 апреля.

В начале мая Эскадра Гвардейского Экипажа парусных судов вышла в крейсерство, а 15 мая эскадра кораблей и фрегатов под флагом адмирала Кроуна вышла на Кронштадтский рейд. В этой эскадре флагманский корабль «Князь Владимир» и фрегат «Константин» были укомплектованы Гвардейским

Экипажем, но до выхода фрегата на рейд капитан-лейтенант Казин по болезни должен был остаться на берегу, а капитан-лейтенант Лялин принял фрегат на законном основании. Яхты по возвращении из крейсерства заняли места, становясь по месту пребывания Государя Императора у Елагина острова или у Каменного. Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Федоровна часто изволила выезжать на фрегатском капитанском катере под веслами по протокам Невы, около островов, и тогда командир фрегата, сопровождая Её Величество, управлял рулем. Государь Наследник Цесаревич Александр Николаевич, ныне благополучно царствующий Император, также часто удостаивал фрегат «Россия» своим посещением; в свободное от занятий время Его Высочество с товарищами своими по этим занятиям, в сопровождении полковника Мердера приезжал развлекаться играми на фрегате, и я как современник позволяю себе сказать, что эти минуты были для всех служивших на фрегате самыми отрадными минутами их службы; Его Высочество принимал участие во всем и входил уже тогда во все служебные отношения, как, например, в один вечер один из товарищей Великого Князя маленькой Гурьев просил сойти вниз вахтенного лейтенанта, Его Высочество тотчас остановил Гурьева, сказав: вахтенный лейтенант не должен и не смеет сойти вниз во время своей вахты. Наследник никогда не пренебрегал пиццею матросов и в глазах всего Экипажа фрегата достойно оценивал довольствие матросов; словом, для всех на фрегате служивших посещение Его Высочества Наследника престола было праздником, а потому тем охотнее исполнялась служба, соблюдался порядок, устройство и чистота на фрегате и на яхтах.

Между тем Эскадра Адмирала Кроуна, на Кронштадтском рейде состоявшая из 12 судов, устроила линию от OtS на WtN, первым от O стоял фрегат «Елена», и за ним все прочие суда на 1½ кабельтова расстояния в следующем порядке: за фрегатом «Елена» фрегат «Эммануил» (60-пушечный, вновь выстроенный); корабль «Св. Андрей» под флагом контр-адмирала*;

**Примечание М.Н.: Контр-адмирала графа Гейдена.*

фрегаты «Патрикий» и «Константин»; корабль «Князь Владимир» под флагом адмирала; фрегаты «Вестовой» и «Легкий»; корабль «Сисой Великий» под флагом вице-адмирала**

***Примечание М. Н.: Вице-адмирала Лутомина.*

и фрегаты «Кастор» и «Проворный»; репетиционным на северном траверзе адмирала фрегат «Помочный». Брантвахтенный пост занимал фрегат «Крейсер». 17 мая яхты были уже у Ораниенбаума; 18-го в 8 часов утра Государь Император Николай Павлович выехал на Гвардейских катерах из Ораниенбаумской гавани и под веслами при ветре StW пошел прямо на Кронштадтский рейд; на яхтах люди встали по реям, следуя яхтам, и на эскадре тотчас же пошли по реям. Его Величество, проехав яхты, приказал поднять на катере штандарт, и Эскадры кораблей на рейде и яхтах, вступивших под паруса, и также все крепости начали салют. Его Величество пристал прямо на крепость большой рифсбанк, а яхты пошли на большой рейд и положили там якорь. По осмотре крепости Государь осматривал суда Эскадры в 10¼ часов посетил флагманский корабль «Князь Владимир», с этого корабля поехал на фрегат «Елена», осмотрев этот фрегат и приказав поднять на грот-брам-стенге штандарт, а на катере убрать его, и, выждав окончания салютации со всех судов и крепостей, Государь переехал на Гвардейский фрегат «Россия»; на этом фрегате в сопровождении яхт возвратился в Ораниенбаум в 2 часа пополудни. 24 мая Гвардейская Эскадра пошла к Петербургу, а Эскадра адмирала Кроуна, уже из 9 судов и одного репетиционного состоявшая, принимала на Кронштадтском рейде иностранных послов, прибывавших в Россию морем.

В этом году вооружен был и гребной флот и 27 мая перешел из Кронштадта в Петергоф. 1 июня на Эскадру адмирала Кроуна прибыл Государь Император с Его Высочеством Великим Князем Михаилом Павловичем, приказал немедленно сняться всем с якоря. Быстро и скоро исполнено повеление Государя, и в особенности флагманским кораблем, вследствие чего и удостоены Высочайшего благоволения за исправное и скорое действие на корабле «Князь Владимир»: командир корабля капитан 1-го ранга Качалов и все линейные штаб- и обер-офицеры корабля, а также командир Эскадры Гвардейских судов капитан-лейтенант Лермонтов с линейными офицерами, бывшими того числа на этой Эскадре, за произведенные в то время в присутствии Государя маневры, нижним же чинам корабля и Эскадры пожаловано по рублю на человека.

Не прежде 3 июня эскадра адмирала Кроуна, флагманский ее корабль «Князь Владимир» и фрегат «Константин» могли оставить Кронштадт и отправиться в море для крейсерства в Балтийском море до Готланда; через две недели Эскадра начала приближаться к своим портам, а 27 июня положила якорь на Кронштадтском рейде. Гвардейские парусные суда в это время бывали там, где пребывания Императора и большую часть в Петергоф; в продолжение всей этой кампании Гвардейские парусные суда весьма мало стояли на якорю, и деятельность их весьма увеличилась; все внутренние береговые распоряжения делались командующим Экипажем вне Петербурга на фрегате «Россия».

13 июля на Эскадре адмирала Кроуна был день окончательного исполнения на флагманском корабле «Князь Владимир» приговора, подтвержденного верховным уголовным судом над государственными преступниками. В начале 6-го часа пополудни на корабле «Князь Владимир», укомплектованном Гвардейским Экипажем, поднят был на крюйс-брам-стенге черный флаг; фрегатам «Константин», укомплектованному также Гвардейским Экипажем, и фрегату «Елена» приказано было немедленно сняться с якоря и идти в предписанный пункт. Тотчас по поднятии черного флага старшие офицеры со всех судов, стоявших на якорю, прибыли на флагманский корабль.

В 7 часов пополудни портовый пароход привел из Санкт-Петербурга шхуну «Опыт»; эта шхуна с двумя при ней баркасами, употребляемыми для перевоза больных, подведена к правому борту флагманского корабля, и в половине 8-го часа утра все государственные преступники Морского Ведомства были введены на корабль и обставлены вооруженным Гвардейским Экипажем; преступникам прочтен приговор, в исполнение которого над 10 человеками переломили сабли и со всех вообще сняли мундиры; после этого перевезли обратно к шхуне и отправили в Петербург тем же порядком. В этом числе преступников заключались Гвардейского Экипажа приговоренные верховным судом лейтенант Арбузов и мичман Дивов — по лишении чинов и дворянства на вечную ссылку в каторжную работу, мичмана Беляев 1-й и 2-й — по лишении чинов и дворянства на 12-летнюю ссылку в каторжную работу, а потом на поселение; лейтенант Кюхельбекер по лишении чинов и дворянства на 8-летнюю ссылку в каторжную работу, а потом на поселение; мичман Бодиско 2-й сослан в крепостные работы, лейтенанты Мусин-Пушкин, Вишневецкий и Окулов лишены чинов, написаны в солдаты и сосланы в дальние гарнизоны, а лейтенант Бодиско 1-й написан в матросы, а потом назначен в солдаты. Этим оканчиваются туманные страницы очерка истории Морского Гвардейского Экипажа, неизменно сохраняющего верность законному Государю и постоянно чуждавшегося мятежей. Через три дня после этого Эскадра снялась с якоря и пошла в крейсерство.

1 августа Гвардейского Экипажа лейтенант Балкашин привел выбранных им в Черноморском флоте 100 человек нижних чинов на укомплектование Гвардейского Экипажа; Гвардейские парусные суда по случаю отъезда Императора со всем двором в Москву для коронации не входили в Санкт-Петербург, а постоянно крейсерствовали между Кронштадтом, Ораниенбаумом и Петергофом; день Коронации Его Величества остававшиеся в Санкт-Петербурге 26 августа провели на Гвардейских судах и в Петербурге торжественно, в чем свидетельствуют того времени приказы по Экипажу. В течение всего этого лета как остававшиеся на берегу, так и служившие на судах были беспрестанно заняты, первые были наряжаемы в караулы по городу, а вторые в крейсерстве.

Милосердие вступившего на престол Императора не лишило нижних чинов Гвардейского Экипажа, беспорочно выслуживших 20 лет, заслуженной ими награды, и 10 сентября прислано было в Гвардейский Экипаж 20 знаков отличия Св. Анны для возложения на удостоенных Капитулом. Эскадра адмирала Кроуна, а в составе ее корабль «Владимир», выйдя из Кронштадта и не заходя никуда в порты, 23 июля пришла в Гельсинфор, там нашла она два свои фрегата «Константин» и «Елена», пришедшие туда 21 июля. Простояв на Гельсинфорском рейде до 28 июля, Эскадра в этот день снялась с якоря и пошла в Каттегат; построившись в две колонны. Эскадра благополучно прошла Каттегат, 31 июня вошла в Скагеррак и во 2-й день августа начала свое крейсерство в немецком море, продолжала его до 16 августа; в этот день адмирал Кроун с Эскадрой начал переход в восточную часть немецкого моря и, приблизившись, прошел 17 августа Скагеррак и Каттегат, но за штилями и течением Эскадра принуждена была положить якорь в виду Кронборха и не прежде 23 августа могла подойти к Гельсинфорсу. Отпраздновав на этом рейде 30 августа, день Тезоименитства Государя Цесаревича Наследника престола, 31 августа Эскадра снялась с якоря и пошла в свои порты, а в 4-й день сентября пришла на Кронштадтский рейд. Корабль «Князь Владимир» по расписанию был приписан к 3-му флотскому экипажу, а потому 18 сентября объявлено Высочайшее повеление о сдаче

этого корабля Командиру 3-го экипажа капитану 1-го ранга Грену, и команду и офицеров с этого корабля приказано перевезти на корабль «Царь Константин», назначенный в особое плавание.

Следует внести в этот очерк истории и об отдельном от Эскадры плавании двух фрегатов — «Константина», укомплектованного Гвардейским Экипажем, и «Елены». Эти два фрегата отделились от Эскадры адмирала Кроуна в Немецком море 4 августа, по предписаниям, данным им еще в Кронштадте, и по сигналу адмирала; противные ветры задерживали их на Great Fichers or long Bank, и оба фрегата, лавируя, только 8 августа пришли на доггер-банку, 10 августа подошли к Королевскому каналу, 11-го были на виду Гарвича, 12-го прошли Королевским каналом и, лавируя, 13-го вошли в р. Темзу; миновав Шеренс в тот же день, оба фрегата положили якорь у Гревзенда. Здесь простояли эти русские фрегаты до 24 августа, а в этот день пошли в обратный путь в Россию. 30 августа соединились с Эскадрой адмирала Кроуна и в составе Эскадры возвратились в Кронштадт. Фрегат «Константин», приписанный также к 3-му флотскому экипажу, должен был также поступить под начальство назначенного на этот фрегат командиром 3-го флотского экипажа капитана 2-го ранга Хрущева, а офицеры и нижние чины с фрегата «Константин» по Высочайшему повелению переведены на фрегат «Елена».

74-пушечный корабль «Царь Константин» и 26-пушечный фрегат «Елена» составили отряд русских военных судов, укомплектованных Гвардейским Экипажем под командою капитан-командора Беллинсгаузена; назначение отряда состояло в плавании в Средиземном море, зимовка в Тулоне и раннее возвращение в 1827 году в Кронштадт; командирами назначены на корабль капитан-лейтенант Казин, и к нему возвратившийся из вояжа вокруг света на шлюпе «Предприятие» капитан-лейтенант Римский-Корсаков, на фрегат Гвардейского Экипажа капитан-лейтенант Воронцов; корабль «Царь Константин», приняв провизию на 6 месяцев по числу 650 порций, 19 сентября вышел на рейд, 28 сентября прибыл на отряд капитан-командор Беллинсгаузен, поднял брейд-вымпел и перешел 5 октября с отрядом на большой рейд. Его Императорское Величество Государь Император Николай Павлович осматривал корабль и Экипаж 8 октября, переехав из Ораниенбаума в Кронштадт на двух катерах в сопровождении Эскадры Гвардейских судов; по осмотре корабля Его Величество поехал в Кронштадт и, пройдя фрегат «Елена», приказал поднять на катере штандарт; под штандартом вошел в Купеческие ворота, осматривал укрепления города и порт и, выйдя в Почтовые, подошел к ожидавшему Его Величество пароходу, на нем уже отправился в Ораниенбаум, имея на буксире оба катера, и сопровождаемый лавировавшими Гвардейскими судами.

Октября 10-го отряд капитан-командора Беллинсгаузена снялся с якоря и отправился по назначению. Господствующие в это время в Балтике западные ветры, переходя от NW к SW, задержали плавание отряда, и он только что 22 октября мог прибыть на Копенгагенский рейд; здесь, освежив команду, капитан-командор Беллинсгаузен 31 октября вышел из Копенгагена, повел отряд в Немецкое море и 6 ноября пришел на Портсмутский рейд. Здесь на рейде скончался 7 ноября командир фрегата «Елена», капитан-лейтенант Воронцов, и место его занял капитан-лейтенант Римский-Корсаков. Отряд 3 декабря снялся с якоря и пустился в путь. День Тезоименитства Государя Императора, 6 декабря, праздновал молебном и салютом в широте 47°, 11', 57", N-ой и долготы 7°. 30', 28" W, мыс Фингитерра на SW 34°, 7' в расстоянии 312½ итальянских миль. 18 декабря прошел Гибралтарским проливом в Средиземное море, с 23-го этого месяца начались крепкие с порывами ветры, переходящие от N r O, 26 декабря на меридиане Тулона ветер WtN. Унтер-земле, а в полночь задул шторм от WtS ½ W; к полдню 27-го ветер перешел к WtN унтер-земле, и отряд, штормуя до 8 января 1827 года, при постоянно противных и крепких ветрах с порывами, вынужден был наконец искать места якорной стоянки в заливе Пальмо острова Сардинии, там отряд 10 января стоял уже на якоре и начал исправлять повреждения, следствие шторма и продолжительных крепких и порывистых ветров, освежал по возможности команду и пополнял недостаток пресной воды.

До 23 января постоянно дули почти те же крепкие ветры, стихая только на короткое время и переходя к S, наконец в этот день 23 января отряд при ветре SSO снялся с якоря и пошел в Тулон, и 26 января в час и три четверти пополудни корабль «Царь Константин» и фрегат «Елена» положили якорь на малом Тулонском рейде.

В продолжение плавания отряда в 1826 году Гвардейские парусные суда плавали весь сентябрь месяц, и только в половине октября фрегат «Россия» втянулся в военную гавань в Кронштадт, а прочие яхты вошли в Галерный порт на зимовку; команда фрегата «Россия» оставлена также в Кронштадте. Командир Экипажа капитан 1-го ранга Качалов по сдаче корабля «Князь Владимир» всту-

пил по-прежнему в командование Экипажем, приняв его от капитан-лейтенанта Лермонтова на законном основании, а сей последний назначен на корабль «Царь Константин»*,

**Примечание М. Н.: *Приказ по Экипажу 25 сентября.*

но Государь Император не утвердил этого назначения; Его Величеству угодно было, чтобы Лермонтов оставался на зиму в Кронштадте для указания порядка службы во флотских экипажах, там находившихся, и формирования под начальством его флотской Учебной Команды. Высочайшее об этом повеление объявлено в Приказе по Экипажу 9 октября. Для обучения этой Учебной Команды командированы были от Учебного Пионерного батальона унтер-офицеры и ефрейторы при поручике Пущине; по этой причине и фрегат «Россия» зимовал в Кронштадте.

Примечание авт.: Корабль «Князь Владимир» заложен в 1822 г., спущен 27.5.1824 г. Входил в наиболее многочисленную серию 74-пушечных кораблей (23 единицы). Они отличались прочностью и прекрасными мореходными качествами. Головной корабль «Селафаил» построен в Новом Адмиралтействе Санкт-Петербурга И. П. Амосовым, остальные — на Соломбальской верфи А. М. Курочкиным. Водоизмещение — 2700 т. Длина — 54,3 м. Ширина — 14,6 м. Осадка — 6,2 м. Вооружение — 74 орудия. Экипаж — 570/610 человек. Перешел из Архангельска в Кронштадт, где был поставлен в док для обшивки днища медными листами. 13 июля 1826 г., когда корабль стоял на Кронштадтском рейде, на нем был поднят черный флаг, а на его палубе состоялось разжалование морских офицеров участников восстания на Петровской площади в Санкт-Петербурге 14 декабря 1825 г.: Н. А., М. А. и П. А. Бестужевых, К. П. Торсона, А. П. Арбузова, Ф. Г. Вишневого, Д. И. Завалишина, М. К. Кюхельбекера, Н. А. Чижова, Б. А. и М. А. Бодиско, А. П. и П. П. Беляевых и В. А. Дивова. Над головой каждого из осужденных был сломана шпага, а сорванные эполеты и мундиры брошены за борт. 10 июня 1827 г. в составе эскадры адмирала Д. Н. Сенявина «Князь Владимир» вышел из Кронштадта, у Красной Горки участвовал в показательных маневрах, за которыми наблюдал Император Николай Павлович. Затем с эскадрой пошел в Англию и 28 июля прибыл в Портсмут. После ухода эскадры контр-адмирала графа Л. П. Гейдена в Средиземное море 12.8 с эскадрой Д. Н. Сенявина вышел из Портсмута и 13 сентября прибыл в Кронштадт. Участвовал в войне с Турцией в 1828–1829 гг. В июне 1828 г. в составе эскадры контр-адмирала П. И. Рикорда вышел из Кронштадта в Средиземное море по маршруту Кеге-бухта — Плимут — Гибралтар и в октябре 1828 г. прибыл на остров Мальта. Затем с эскадрой вице-адмирала графа Л. П. Гейдена перешел к острову Порос. В феврале 1829 г. пришел к отряду П. И. Рикорда, блокирующему пролив Дарданеллы. После заключения Адрианопольского мирного договора в сентябре 1829 г. с эскадрой ушел в Грецию. В июле 1830 г. во главе отряда под флагом вице-адмирала графа Л. П. Гейдена ушел в Россию и осенью прибыл в Кронштадт. В 1831 г. перешел из Кронштадта в Свеаборг, где был переоборудован в блокшив. Командиры: С. М. Китаев (1824 г.), П. Ф. Качалов (1826 г.), А. И. Грен (1827–1830 гг.), Н. С. Зыбин (1831 г.).

(См. Илл. 73) М. А. Кузнецов. Гражданская казнь моряков-декабристов на 74-пушечном корабле «Князь Владимир». 1826 год. 1979. Холст, масло. 130 x 200 см [13].

27 октября командир Гвардейского Экипажа капитан 1-го ранга Качалов по Высочайшему повелению назначен в Морской Кадетский Корпус, а потому и сдал Экипаж на законном основании старшему по себе наличному штаб-офицеру капитан-лейтенанту Лялину.

В конце этой навигации построенная для Его Высочества Великого Князя Михаила Павловича яхта «Дружба» представлена Его Высочеству и заслужила одобрение Великого Князя, пожаловавшего нижним чинам по рублю на человека.

10 ноября вступил в Командование Гвардейским Корпусом Его Императорское Высочество Великий Князь Михаил Павлович. В 6-й день декабря числящийся в Гвардейском Экипаже капитан-командор Колзаков произведен в контр-адмиралы, а 30 декабря оставшиеся в Санкт-Петербурге при берегу офицеры Гвардейского Экипажа и прикомандированные к нему по воле Его Высочества Командующего Корпусом прикомандированы к лейб-гвардии Семеновскому полку.

1827 год

В начале 1827 года Гвардейский Экипаж был в разкомандировке; унтер-штаб его был в Санкт-Петербурге, корабль и фрегат во Франции в Тулоне, фрегат в Кронштадте, а яхты в Санкт-Петербурге. Начальник отряда военных судов, укомплектованных Гвардейским Экипажем и стоявших в Тулоне, капитан-командор Беллинсгаузен 4 февраля получил уведомление о производстве его в контр-адмиралы и потому в этот же день приказал поднять контр-адмиральский флаг; между тем отряд доканчивал исправления свои, поддерживая притом взаимные посещения и солютизации, отвечая учтивостию на учтивость и приветом на привет. 17 марта корабль и фрегат изготовились к походу, снялись с якоря и пошли в Россию. Выйдя в Атлантический океан 27 марта, отряд 7 апреля подошел к мысу Лизарду, 9-го вошел в Английский канал, а 12-го положил якорь на Портсмутском рейде. Поспешая в Россию, корабль и фрегат 21 апреля оставили Портсмут, корабль «Царь Константин» пошел в Россию, а фрегату «Елена» приказал идти в Шербург; скоро и благополучно пришел корабль Английским каналом, Немецким морем и Каттегатом и пришел 30 апреля в Копенгаген. Также скоро и благополучно, 23 апреля в 11 часов пополудни фрегат «Елена» пришел в Шербург. Не прежде 13 мая фрегат «Елена» мог выйти из Шербурга и отправиться на соединение с кораблем «Царь Константин». Обстоятельства, сопутствовавшие плаванию фрегата, благоприятствовали, и он пришел в Копенгаген 21 мая, застал на тамошнем рейде флагмана своего, и оба судна в тот же день вышли из Копенгагена, но, за противным и тихим ветром отойдя немного, принуждены были стать на якорь, и не прежде 26 мая могли вступить под паруса. 5 июня отряд пришел на Кронштадтский рейд и по приказанию начальствовавшего на рейде флотом адмирала Сенявина оба пришедшие судна встали на якорь в назначенные для них в линиях места.

Гвардейские парусные суда — зимовавший в Кронштадте фрегат «Россия», яхта «Дружба», — изготовясь и вооружась, вышли на рейд в начале мая; соединились в Кронштадте и открыли кампанию плаванием между Петергофом и Кронштадтом. Яхтою «Дружба» в этой кампании командовал капитан-лейтенант Лялин. Эти Гвардейские суда перед Высочайшим смотром флоту составили на большом Кронштадтском рейде особую линию, по которой построилась линия мелких военных судов, и во время смотра состояли в составе всей эскадры адмирала Д. Н. Сенявина; Гвардейские парусные суда представились на Высочайший смотр 9 июня. Государь прибыл на этот смотр на катерах из Ораниенбаума. По окончании смотра фрегат «Россия» и все другие яхты снялись с якоря по изустному повелению Его Величества. И Государь у военного угла, вступив на фрегат «Россия», приказал идти прямо в Петергоф. 10 июня Его Величество после 8 часов утра отправился на этом же фрегате в Кронштадт, у военного угла сел на катер и переехал на флагманский адмирала Синявина корабль «Азов». Эскадра уже в полночь снялась с (?). В половине 12-го часа Император прибыл на корабль «Азов» и тот же час приказал сделать сигнал сняться с якоря, начиная с подветренных, а кораблю «Царь Константин» и фрегату «Елена» сигналом же приказано отправить на берег десант к месту высадки; это значило начать смену командиров и команд с офицерами на этих судах, поступивших во 2-й экипаж.

В 4 часа пополудни снялся с якоря корабль «Азов» в присутствии Государя и, наполнив паруса, по Высочайшему повелению заменил свой адмиральский флаг штандартом. Салют из всех орудий в Кронштадте и на рейде приветствовал Императорский штандарт. Его Величество проводил флот, оставаясь на нем до 7 часов, и возвратился в Петергоф на фрегате «Россия», а корабль «Царь Константин» и фрегат «Елена» сданы первый капитану 1-го ранга Зеленому, а второй капитан-лейтенанту Епанчину 1-му, и тем кончилась заграничная компания Гвардейского Экипажа на этом отряде.

В этот же день, 10 июня, контр-адмирал Беллинсгаузен назначен командиром Гвардейского Экипажа. В июне месяце весь Гвардейский Экипаж снова поступил на суда. 11-го этого месяца отдан был приказ по Экипажу об изготовлении вооруженных уже, но не приготовленных к выходу на рейд прочих парусных судов, о сформировании десантных рот, и о немедленном выходе на рейд, по выходе же на рейд Эскадра должна была принять саперные роты для доставления в Петергоф. Этим приказом капитан-лейтенант Лермонтов 1-й командовал по-прежнему фрегатом «Россия», яхтой «Дружба» — капитан-лейтенант Лялин, «Нева» — лейтенант князь Кулунчаков, «Церера» — лейтенант де Шаплет и «Торнео» — лейтенант Лермонтов 2-й. На отряд канонерских лодок назначен лейтенант барон Шевич и артиллерии капитан-лейтенант Киселев и с ним 5-я рота и оставшейся артиллерией в десант 1-я, 8-я и часть 2-й роты. На время предполагавшихся маневров контр-адмирал Беллинсгаузен принял начальство над Гвардейскими парусными судами, отрядом канонерских лодок и десантными судами. Все эти суда в соединении с фрегатом Морского корпуса были разделены на дивизии. Бриг «По-

жарский», корпусный фрегат «Урания» и яхта «Нева» составили авангард под начальством Морского корпуса капитан-лейтенанта Адамса. Яхты «Дружба», фрегат «Россия» и яхта-галет «Торнео» образовали карде-баталию под начальством командира всей Эскадры контр-адмирала Беллинсгаузена. Арьергард под начальством капитан-лейтенанта Лермонтова составила шхуна «Радуга», яхта «Церера» и шхуна «Опыт». В Гребном флоте авангардом из 9 лодок командовал 20-го флотского экипажа капитан 2-го ранга Игнатьев, в карде-баталии был 19-го флотского экипажа капитан 2-го ранга Фролов. Арьергардом, укомплектованным Гвардейским Экипажем, командовал прикомандированный лейтенант Барташевич. Десантными судами 20-го флотского экипажа — капитан-лейтенант Кошелев. Сделав все нужные распоряжения для предстоящих маневров, контр-адмирал Беллинсгаузен не оставлял без яхт островов Каменного и Елагина во время Высочайшего прибытия во дворцах на этих островах. Одна из яхт постоянно стояла в заливе или лавировала вблизи Елагинского фарватера.

23 июля предположенные маневры начались, наступательные движения были столь быстры, что парусные суда не приняли в них участия, оставалось действовать только одному гребному флоту. Наступательная часть этого флота из 10 лодок и десанта под начальством контр-адмирала Беллинсгаузена успела подойти к Черной речке. Состоявший при этом наступательном отряде десант передан под команду капитан-лейтенанта Лермонтова, а пять защищающих Санкт-Петербург лодок перешли под начальство капитан-лейтенанта Казина. Десант высажен уже у Емельяновки и опирался своим левым флангом на 2 лодки, стоявшие в Черной речке.

Лейб-гвардии Преображенского полка батальон полковника Микулина примкнул к правому флангу десанта Гвардейского Экипажа. Застрельщики этого батальона соединились со стрелками Гвардейского Экипажа, и вся цепь, а с нею и канонерские лодки, двинулись вперед, но, встреченные лодками защищающих в большом числе, должны были остановиться, десант же Гвардейского Экипажа переехал на другой берег реки, рассыпался весь в стрелки, закрыто вышел впереди левого фланга наступавших лодок и открыл сильный огонь по гребцам защищавших и тем принудил их к отступлению. Наступательные движения снова начались и у Подзорного дворца совершенно кончились.

25 июля командир Гвардейского Экипажа контр-адмирал Беллинсгаузен отправился в Ревель для разведания на месте всех обстоятельств крушения фрегата «Вестового», Экипаж сдал старшему по себе капитан-лейтенанту Казину.

Со вступления на Престол Императора Николая Павловича деятельность в Адмиралтействах увеличилась, и Государь Император Высочайше повелеть соизволил на этот случай по недостатку людей в Морских Командах высылать каждодневно к выкатке казенных бревен в Санкт-Петербургские Адмиралтейства по 120 человек матросов из Гвардейского Экипажа; по окончании этой работы высылались нижние чины и в плотницкую работу в Адмиралтейства.

26 августа этого года заложены Триумфальные ворота (ныне Нарвская застава) и все, служившие тогда как в Гвардейском корпусе, так и в Гвардейском Экипаже, имевшие знаки отличия Прусского железного креста были в строю при закладке, составив для этого сводные батальоны. Капитан-лейтенанту Лермонтову с боцманом Мартюшевым и матросом Максимовым приказано было быть при закладке камня*,

**Примечание М.Н.: Приказ по Экипажу 25 августа 1827 года.*

а капитан-лейтенант Римский-Корсаков был при лейб-гвардии Измайловском полку. Впоследствии по этому случаю объявлено этим штаб-офицером Высочайшее благоволение каждому поименно, а нижним чинам Всемилостивейше пожаловано по 2 рубля на человека.

27 августа все Гвардейские Парусные суда вошли в гавань и начали разоружаться, фрегат же «Россия» пошел на зимовку на Охту. А 23 сентября отправлены в Берлин из Гвардейского Экипажа лейтенант Литке и унтер-офицер Виллачев с построенною для Его Королевского Высочества Принца Карла Прусского небольшою гребною яхтою. Яхта эта отправлена на купеческом судне Иоганна Вильгельмина до Штеттина, оттуда попечением Прусского правительства должна была доставиться в Берлин и там сдана Литкою по распоряжениям Его Королевского Высочества.

28 сентября явился в Экипаж переведенный по Высочайшему повелению команды транспорта «Кроткого» 23-го флотского экипажа матрос Илья Лисухин, который при острове Нукагива был ранен диким, и в 19-й день сентября этого года произведен в унтер-офицеры с переводом в Гвардейский Экипаж.*

**Примечание М. Н.: Предписанием Инспекторского Департамента Морского Министерства 21 сентября 1827 года за № 8040.*

1 октября капитан-лейтенант Казин утвержден батальонным командиром Гвардейского Экипажа с назначением по этому званию 1000 рублей ассигнациями столовых денег.

6 октября Инспекторский Департамент Морского Министерства в предписании за № 8775 сообщил Высочайшую Его Императорского Величества волю, чтобы Гвардейские парусные суда: фрегат «Россия», яхты «Дружба» и «Нева» — были заблаговременно выведены из гаваней, вооруженные находились в совершенной готовности октября 13-го, в день спуска на воду 110-пушечного корабля «Александр I» противу Главного Адмиралтейства в линии для салютизации при подъеме штандарта. Фрегат и все яхты встать в линию при проезде Государя Императора на катере без штандарта, поставили людей по рядам, провозгласив русское «ура!». Отсалютовали штандарту на корабле «Император Александр» по 3 выстрела с каждого орудия при спуске корабля.

По окончании спуска яхты «Нева» и «Дружба» и фрегат «Россия» пошли на Охту для того, чтобы повторить 15 октября тот же церемониал при спуске 74-пушечного корабля «Великий Князь Михаил» со стапелей Охтенской верфи, а потом «Россия» и «Дружба» вошли на Охте в реку на зимовку, а «Нева» спустилась в гавань галерного порта.

19 октября спущен на воду 84-пушечный корабль «Императрица Александра» с эллингов Нового Адмиралтейства. Для этого спуска корпусный фрегат «Урания» под командою Гвардейского Экипажа лейтенанта Барташевича, вооруженный нижними чинами этого же Экипажа, галет «Торнео» и яхта «Дружба», составив линию, встретили Государя Императора и вновь выстроенный корабль с тою же почестью. При всех трех спусках почетный караул был наряжаем от Гвардейского Экипажа. В это же время командир Гвардейского Экипажа контр-адмирал Беллинсгаузен по Высочайшему повелению назначен бригадным командиром флотских экипажей эскадр в Санкт-Петербурге.

19 декабря бывший в командировке в Пруссии лейтенант Литке и с ним унтер-офицер Виллачев возвратились из Пруссии и явились в Экипаж.

Глава X. Сухопутный поход в 1828 году от Санкт-Петербурга до Варны, служба на кораблях Черноморского флота во время Высочайшего прибытия Государя Императора на 110-пушечном корабле «Париж», зимовка Гвардейского Экипажа в Севастополе, продолжение войны с турками в 1829 году; возвращение Экипажа в Санкт-Петербург в 1830 году и кампания парохода «Ижора»

1828 год

Окончание предшествующего 1827 года и начало наступившего 1828 года в Гвардейском Экипаже посвящены были единственно строевым занятиям и исполнению Гарнизонной службы. Командир Гвардейского Экипажа контр-адмирал Беллинсгаузен, наш известный мореплаватель в самых больших широтах южного полушария, строгий собственно к себе во исполнении служебных обязанностей, был так же строг с в исполнении обязанностей Командира Гвардейского Экипажа. Уважатель всеми морями, он не упускал ничего из виду относящегося до доведения Гвардейского Экипажа до возможной степени совершенства как по морской части, так и по строевой. Строго наблюдая за всем на море, контр-адмирал Беллинсгаузен еще строже был в исполнении обязанностей сухопутной службы; точный и справедливый, он оставил по себе неизгладимую память в тех, которые служили под его начальством.

(См. Илл. 74) Неизвестный художник. Ф. Ф. Беллинсгаузен. (1779–1852). 1-я половина XIX века [13].

Примечание авт.: Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен (Фабиан Готтлиб Таддеус фон Беллинсгаузен (Fabian Gottlieb Thaddeus von Bellingshausen). Родился 9 (20) сентября 1778 г. на острове Эзель, Лифляндской губернии, Российской империи. Русский мореплаватель, адмирал, первооткрыватель Антарктиды. Происходит из остзейских немецких дворян, балтийских немцев. В 10 лет поступил в Морской кадетский корпус в Кронштадте, в 1795 г. был произведен в гардемарины. На следующий год он совершил плавание к берегам Англии. В 1797 г. Беллинсгаузен был произведён в мичманы и получил назначение в Ревельскую эскадру. В 1803–1806 гг. Беллинсгаузен участвовал в первом кругосветном плавании русских судов на шлюпе «Надежда» под командой Ивана Крузенштерна. По окончании плавания произведён в капитан-лейтенанты. В кампанию 1809 г. командовал корветом «Мельпомена». С 1812 по 1816 гг. командовал фрегатом «Минерва», с 1817 по 1819 гг. — фрегатом «Флора». В 1819–1821 гг. был начальником кругосветной антарктической экспедиции, отправленной в Южнополярные моря. Она состояла из шлюпов «Восток» и «Мирный». Выйдя 4 июня 1819 г. из Кронштадта, экспедиция прибыла 2 ноября в Рио-де-Жанейро. Оттуда Беллинсгаузен направился прямо на юг и, обогнув юго-западный берег острова Южная Георгия, открытого Куком, около 56° ю.ш. открыл три острова маркиза де Траверсе, осмотрел Южные Сандвичевы острова, пошёл к востоку по 59° ю.ш. и два раза отправлялся далее на юг, насколько позволяли льды. Достигнув 69° ю.ш., 16 (28) января 1820 г. экспедиция открыла Антарктиду, приблизившись к ней в точке 69° 21' 28" ю.ш. и 2° 14' 50" з.д. (район современного шельфового ледника), 21 января (2 февраля) участники вторично видели берег, 5 и 6 (17 и 18) февраля экспедиция подошла почти к берегу. Затем в феврале и марте 1820 г. шлюпы разделились и пошли в Австралию (порт Джексон, ныне Сидней) по пространству Индийского и Южного океанов (55° шир. и 9° долг.), ещё никем до того не посещённым. Из Австралии экспедиция отправилась в Тихий океан, открыла несколько островов и атоллов (Восток, Симонова, Михайлова, Суворова, Россиян и проч.), посетила другие (Остров Великого Князя Александра) и вернулась в Порт-Джексон (Сидней). В ноябре 1820 экспедиция опять отправилась в южнополярные моря, посетив остров Маккуори под 54° ю.ш., к югу от Новой Зеландии. От него шлюпы отправились прямо на юг, затем к востоку и 3 раза пересекали Полярный круг. 10 января 1821 под 70° ю.ш. и 75° з.д. Беллинсгаузен встретил сплошной лёд и должен был пойти на север. В январе 1821 г. открыл между 68° и 69° ю.ш. остров Петра I и берег Александра I, затем подошёл к Южным Шетлендским островам, обогнул их и открыл многие вновь. От Южных Шетлендских островов взяли курс на Рио-де-Жанейро, а оттуда, через Атлантический океан, в Европу. 24 июля (5 августа) 1821 г. после 751-дневного похода

экспедиция вернулась в Кронштадт. Поход экспедиции Беллинсгаузена по справедливости считается одним из самых важных и трудных, когда-либо совершённых. В ходе экспедиции были открыты материк Антарктида и 29 островов.

По возвращении из плавания Беллинсгаузен был произведён в чин капитана 1-го ранга, через два месяца — в чин капитан-командора и награждён «за беспорочную выслугу, в офицерских чинах, 18 шестимесячных морских кампаний» орденом Св. Георгия IV степени. В 1822–1825 гг. командовал 15-м флотским экипажем, а затем был назначен генерал-цейхмейстером морской артиллерии и дежурным генералом Морского министерства. В 1825 г. награждён орденом Св. Владимира II степени. После восшествия на престол императора Николая I Беллинсгаузен был назначен членом комитета для образования флота и в 1826 г. произведён в чин контр-адмирала. В 1826–1827 гг. командовал отрядом судов в Средиземном море. 10 июня 1827 г. был назначен командиром Морского Гвардейского Экипажа. Фаддей Фаддеевич участвовал в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и за отличие при взятии Мессеврии и Инады был награждён орденом Св. Анны I степени. 6 декабря 1830 г. произведён в чин вице-адмирала и назначен начальником 2-й дивизии Балтийского флота. В 1834 г. ему был пожалован орден Белого орла. В 1839 г. назначен главным командиром Кронштадтского порта и военным генерал-губернатором Кронштадта. Ежегодно на время морской кампании Беллинсгаузен назначался командующим Балтийским флотом. В 1840 г. награждён орденом Св. Александра Невского с пожалованием через два года алмазных знаков к нему. В 1843 г. произведён в чин адмирала и в 1846 г. награждён орденом Св. Владимира I степени. 11 мая 1852 г. умер и был похоронен в Кронштадте в возрасте 73 лет, в 1870 г. там ему воздвигли памятник [21].

В береговых служебных занятиях прошел январь. Командиры яхт заботились о судах своих, а командир Экипажа заботился об улучшении снабжения яхт и Гвардейских судов и вследствие этой заботливости Кораблестроительный Департамент Морского Министерства от 30 января за № 621 уведомил командира Гвардейского Экипажа, что на Гвардейские, Министерские и Корпусные суда по приличию назначенные брезенты делать из канифаса. В феврале открыли все Гвардейские суда, для того чтобы, не обременяя Порт, приводить эти суда по возможности своими средствами в должный вид. Но 24 февраля последовало предписание командующего 2-й Гвардейской пехотной дивизией от 23 февраля за № 420 о предназначенном движении войскам Гвардейского Корпуса и Гвардейскому Экипажу по видам военным. Это обязывало обратить все внимание на приготовление к сухопутному походу, и уже не яхты и Гвардейские суда, а обоз требовал особого внимания, поэтому командир Экипажа поручил надзор над строящимся по Высочайшему повелению для Гвардейского Экипажа в Главном штабе обозом капитан-лейтенанту Римскому-Корсакову. Ротным Командирам приказал озаботиться приготовлением артельных повозок по одной в роту и по паре лошадей для каждой повозки, а так как движение войска должно было начаться весною при переменных погодах, то для сохранения здоровья нижних чинов приказано было иметь всем набрюшники.

В это же время поступили в первый раз в Гвардейский Экипаж рекруты из евреев; они поступили на этот раз на самые скромные места военной службы,; в число обозных, и вместе с обозом и мастеровыми отданы под команду Гвардейской ластовой роты, подпоручика Боброва. Относительно вооружения, Его Высочество командующий Гвардейским Корпусом по Высочайшему повелению предписал Гвардейскому Экипажу принять из Санкт-Петербургского Арсенала новые семилинейные длинноствольные ружья Ижевского завода на то только число нижних чинов, которое выступит в поход, а на ожидаемых на укомплектование Экипажа из Черного моря такие же ружья должны были быть высланы в Тульчин; старые ружья при этом случае должны были быть сданы в Санкт-Петербургский арсенал; между тем всю зимнюю одежду нижних чинов приказано было уложить в тюки, отправить в город Балту при унтер-офицере Лисухине; все эти тюки весом 60 пудов отправлены 23 марта.

Распорядительность и заботливость контр-адмирала Беллинсгаузена распространилась и на все остающиеся от похода в Санкт-Петербурге. Гвардейские парусные суда со всем оставленным на них имуществом, как казенным, так и попечением командиров приобретаемым, поручено особому ответственному заведыванию Гвардейского Экипажа подполковнику Никитину и во всем соответственно Циркулярному предписанию по Гвардейской Пехоте от 27 февраля № 440. Ему же, полковнику Никитину, поручена и вся остающаяся в Санкт-Петербурге часть нижних чинов Гвардейского Эки-

пажа с предварительным размещением этой части по казармам и оставшегося багажа по цейхгаузам. Школа кантонистов и юнг перешла также в заведование подполковника Никитина и соединилась с музыкантскими учениками и певчими. Две смены хлебопеков посланы вперед для заготовления десятидневного провианта в печеном хлебе и сухарях; первая из них поручена лейтенанту фон Финку, а вторая — артиллерии лейтенанту Коришунову.

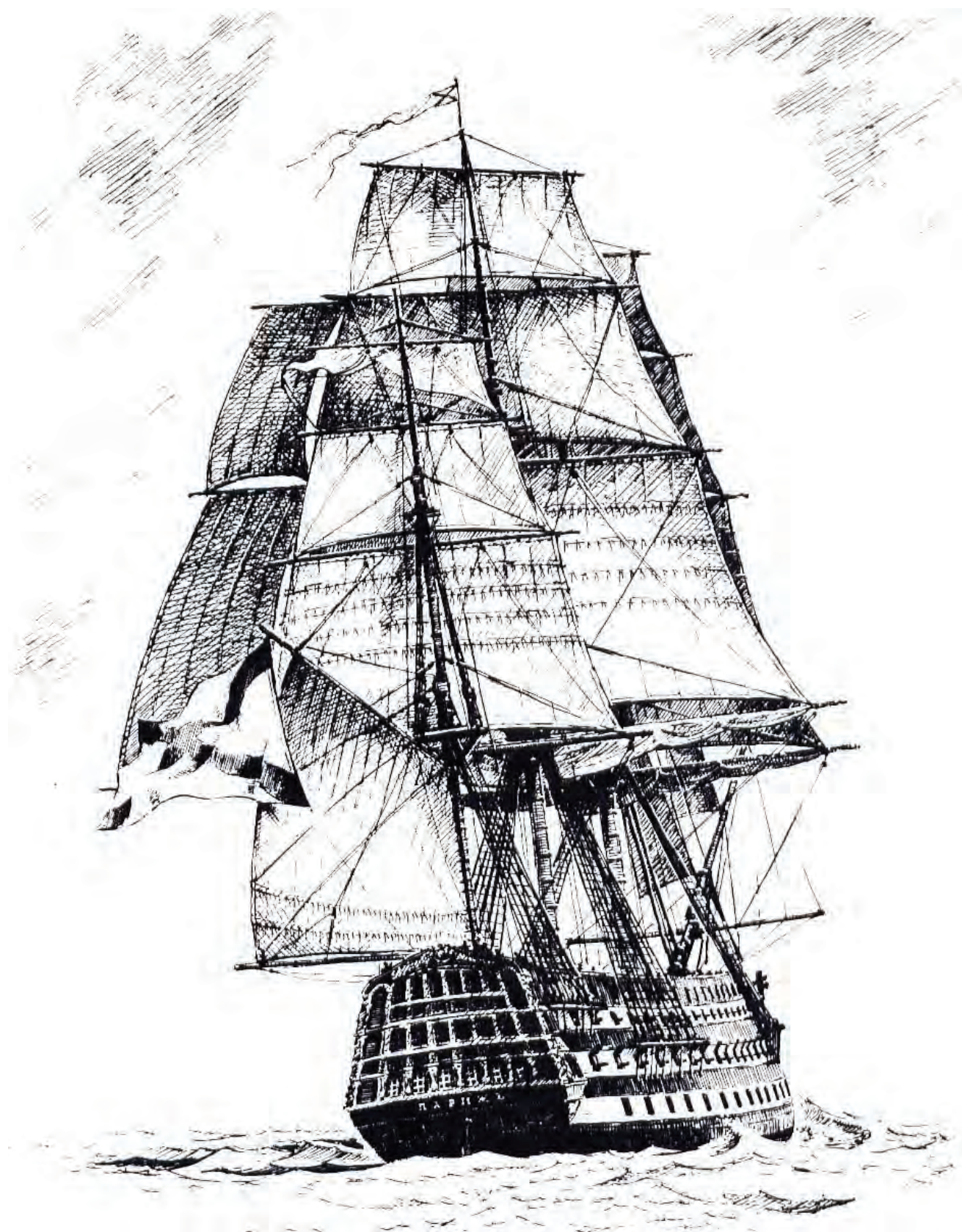
1 апреля Гвардейский Экипаж должен был выступить в поход по маршруту на Тульчин, по отслужении напутственного молебна в казармах Экипаж этот соединился у Обухова моста с лейб-гвардии. Саперным батальоном. В 10 часов Его Величество Государь Император изволил прибыть к Экипажу и проводил его за Нарвскую заставу по дороге к Красному Селу. Эшелон этот состоял под начальством генерал-адъютанта Сазонова. Вступив на дневку в город Гатчину, Ея Императорское Величество Императрица-мать изволила принимать всех генералов, штаб- и обер-офицеров походного эшелона, изволила повелеть на дневке разместить их всех во дворце и удостоила всех офицеров приглашением к обеденному столу, по окончании которого простилась со всеми в самых милостивых и лестных выражениях, как будто предчувствуя, что никто более из этих офицеров уже не увидит здесь, на земле, Императрицу-мать, и как будто желая, чтобы последние приветы Ее Величества и напутственные слова оставались навсегда в сердцах Гвардии вместе с воспоминанием о почившей.

Поход от Санкт-Петербурга при постоянно хорошем довольствии винною и мясною порциею в правой колонне Гвардейского Корпуса был совершен отлично хорошо. В начале июля Гвардейский Экипаж подошел к берегам Дуная около Сатунова; лейб-гвардии Саперный батальон, следуя вместе с Гвардейским Экипажем, вместе с ним и вошел в Сатуново. Здесь примкнули к этим двум батальонам лейб-гвардии полки Егерский (ныне Гатчинский) и Финляндский и Сотня Черноморских Казаков, войска эти составили Первый Гвардейский Эшелон под командою генерала Головина, и 25 июля после молебна, отпетога на левом берегу Дуная, весь Эшелон двинулся к плотине, составлявшей начало моста, устроенного через Дунай по распоряжению начальства Черноморского флота и портов, на флахшхоутах. Уже во время молебна собрались тучи и предвещали сильную грозу, по окончании же молебна, лишь только Гвардейский Экипаж, шедший в голове Эшелона, вступил на плотину, тучи эти разразились жестоким шквалом, Гвардейский Экипаж, не останавливаясь, пошел к мосту; сила ветра увеличилась вдруг до невероятности, верховые лошади останавливались и не шли вперед, их надобно было вести в поводу; при большой ширине реки, этот сильный порыв ветра произвел неправильное волнение, сообщившее мосту по всей длине неправильную качку, заставлявшую опасаться, что мост разорвет. «Большим шагом, марш! Марш!» — скомандовал контр-адмирал Беллинсгаузен и под проливным дождем, разрешившим этот сильный шквал, Гвардейский Экипаж перешел через Дунай усиленным беглым шагом и сомкнулся в колонну у Визирского Кургана, вблизи взятой у турок небольшой крепости Исаки. Поздно вечером переправился хвост Эшелона, поздно вечером расположились войска лагерем в палатках на земле, распустившейся от проливного дождя.

Отсюда эти войска Гвардейского передового Эшелона пошли через Бабадаг и Кюстенджи к Каварне: 16 августа провели там дневки, а 17-го Гвардейский Экипаж, отбившийся от Эшелона, оставил все свои тяжести, обоз и лошадей в Коварне, отделился от Эшелона с запасом на три дня сухарей, пошел самым быстрым путем к Варне; переночевал у Текке-кион, 18 августа рано утром явился под Варною и в тот же день поступил на суда Черноморского флота, составлявшие и действовавшие противу этой первоклассной Турецкой крепости.

Черноморский флот под Варною состоял из 110-пушечного корабля «Париж» под флагом Главного Командира Черноморского флота и Портов адмирала А. С. Грейга, 110-пушечного корабля «Император Франц» под вице-адмиральским флагом; корабля «Норд-Адлер» под контр-адмиральским флагом.

(Илл. 74–1) 110-пушечный корабль «Париж». Построен в 1826 году [29].

Под ординарными вымпелами кораблей «Пармен», «Пимен», «Иоанн Златоуст», «Скорый», «Пантелеймон»; фрегатов «Поспешный» и «Штандарт»; бомбардирских судов «Опыт», «Подобный» и «Соперник»; люгеров «Широкий» и «Глубокий»; катеров «Сокол» и «Соловей»; транспортов

«Мария», «Зита», «Ингул» и «Граф Ланжерон»; парохода «Молния»; нескольких иол; 9 зафрахтованных купеческих разных наций судов и 5 вырезанных у турок под Варною Начальником Штаба Черноморского Флота капитаном 1-го ранга Мелиховым турецких купеческих судов. На линейные суда этого флота разбит был поротно Гвардейский Экипаж, а именно на корабле «Пармен» контр-адмирал Беллинсгаузен поднял свой флаг, и с ним помещены штаб-офицеры и две роты с унтер-штабом, на корабль «Париж» штаб-офицер 1 и также две роты; на корабль «Пантелеймон», «Пимен», «Императрица Мария» и на фрегат «Поспешный» по одной роте, офицеры размещены по судам со своими ротами; равно и артиллерийская рота Гвардейского Экипажа расписана была по тем же судам. С первого же дня поступления на флот Морская Гвардия начала усердно нести службу на судах, и каждой роте Гвардейского Экипажа удалось быть на кораблях в деле против крепости Варны; пароход «Молния» скоро доставил Экипажу из Каварны самые необходимые вещи из ротных повозок и фур. 27 августа Государь Император Николай Павлович прибыл на флот на фрегат «Флора» и, отсалютовав адмиралу 11 выстрелами, фрегат с последнею пушкою поднял на грот-брам-стенге штандарт и обций со всего флота салют и громкое русское «ура!» с рей, униженных стоящими на них людьми, возвестило осаждавшим крепость о Высочайшем прибытии. В тот же день Государь изволил переехать на корабль «Париж» со всею свитою, флигель-адъютант Римский-Корсаков находился при Его Величестве. Гребцы Первого Государева катера все были на Флагманском Адмиральском корабле, на этом корабле приготовлен был и особый катер для Его Величества; гребцы и катер тотчас по Высочайшем прибытии на корабль поступили в ведение флигель-адъютанта Римского-Корсакова, и Государь Император каждодневно ездил на этом катере на берег к осаждавшим крепость войскам; по случаю болезни командира корабля «Париж», капитана 1-го ранга Бальзама, место временно его занял Гвардейского Экипажа капитан-лейтенант Казин.

Крепость Варна, лежащая на берегу Черного моря в углублении небольшого залива, была осаждена уже в июле месяце от востока флотом, от севера нашею армиею, от запада, прикрытая озером Денно; крепость эта была также тревожима и с озера средствами, от флота приготовленными; южная же часть крепости, за малочисленностью войск, не будучи занята осаждавшими, открывала ей свободное сообщение с Константинополем и даже с укрепленным турецким лагерем под Шумлою. Главное Начальство над осаждавшими Варну войсками, после генерал-адъютанта князя А. С. Меншикова, положившего основание взятию Варны и тяжело раненного, по прогнании сильной вылазки турок против малосильных войск русских, было возложено на генерал-адъютанта графа Воронцова.

Гвардейский Корпус между тем подходил к осаждаемым, и первыми пришли саперы, егеря и финляндцы, за ними измайловцы и павловцы, и две батарейные роты пешей Гвардейской артиллерии № № 3 и 4 и т.д. Войска эти со своими обозами и артиллерия не могли идти по той дороге, по которой прошел Гвардейский Экипаж, пробиравшийся без тяжестей по тропинкам и часто по руслу иссякших протоков, а потому войскам, имевшим при себе полковые тяжести, обходя на Балчик, надобно было около 5 дней марша, чтобы прибыть к Варне. Турки не оставались также хладнокровными зрителями усиления осаждающих войск; к ним приходили по Константинопольской дороге с южной стороны подкрепления, и, наконец, паша Омар-Врион двинулся на выручку крепости. Из Главной армии нашей отделили армейский корпус навстречу паше, корпус этот выходил из-за озера Денно, охраняющего Варну с западной стороны; осаждавшим оставалось занять южный берег Варнского залива и открыть по возможности если не правильную осаду крепости с южной стороны, то по крайней мере стеснить ее усиленною блокадою и вместе с тем открыть сообщение с корпусом, выходившим на Константинопольскую дорогу.

Для занятия южной стороны Варненского залива Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелеть назначить в десант 4 роты Гвардейского Экипажа и поручить этот десант капитан-лейтенанту Лермонтову, а для устройства пристани и прочих работ на берегу присоединить к этим четырем ротам столько же черноморских моряков с оружием и инструментами и всю эту сводную команду отдать под начальство Черноморского флота храброго капитана 1-го ранга Критского.

29 августа ночью весь этот отряд соединился на бомбардирских судах и на шхуне «Гонец», а 30 августа, перед самым восходом солнца, когда сильный туман начал опадать, четыре роты Гвардейского Экипажа, размещенные в порядке занятия берега, посажены на гребные суда, на тихой гребле, пошли они к южной стороне залива и между мысом Галата и Константинопольской дорогою в назначенном же порядке пристали к берегу; избрав застрельщиков под командою лейтенанта

Хитрово, немедленно заняли берег; без шума и в таком же порядке высажен весь десант, двинулся на высоты и этим движением отрезал мыс Галата, на котором сверху было выбито старое укрепление; командовавший четырьмя ротами Морской Гвардии донес обо всем капитану 1-го ранга Критскому и просил его распорядиться занять мыс этот флотскими матросами для того, чтобы со своими 4 ротами обозреть, сколько возможно долго и подробно, Константинопольскую дорогу. Получив разрешение, Гвардейские моряки, принимая всю цепью, прошагав вправо к дороге и примкнув к ней, заняли правым флангом выгодную позицию, а, переменяв строй цепи левым флангом вперед, вся цепь встала лицом на юг к Константинополю, и посылали на дорогу сильные патрули. Турки до того были поражены, заметив русских на Константинопольской дороге, а мыс Галата занятым русскими, что, побросав все свои утренние потребности и даже часть одежды, бросились в крепость, при всем том флотские роты захватили несколько пленных и крепостной рогатый скот, сберегавшийся в укреплении Галата. Взошедшее солнце развеяло туман, а на Константинопольской дороге блистали русские штывы патрулей, цепь Гвардейского Экипажа сообщалась с мысом Галата и берегом, но турки еще ни на что не решались.

Капитан 1-го ранга Критский, отозвав матросов Черноморского флота с мыса Галата, стянул цепь Гвардейского Экипажа ближе к берегу и, наконец, приказал поставить эту цепь по отлогам к морю, дабы этим прикрыть в случае нужды начавшиеся работы по устройству пристаней и балаганов для склада материалов и продовольствия. В это же время перевезено несколько лошадей Бугского уланского полка, и флигель-адъютант Римский-Корсаков под конвоем этих уланов повез бумаги из Главной императорской квартиры на флоте в вышедший на Константинопольскую дорогу русский корпус войск.

Весь этот день употреблен на обозрение местности, Государь Император изволил осмотреть сам местность эту и, заметив, что Константинопольская дорога, скатываясь с северных Балканских гор, выходила к крепости через разрытое ущелье, Высочайше повелеть изволил занять эти высоты и устроить редут на низменности между крепостью и ущельем; крепость лишена будет этим всякого сообщения; прорываться в крепость Секурсу также невозможно или весьма трудно, потому что выход из нее будет обстреливаем с высот и из редута. Поэтому в ту же ночь с 30 августа на 31-е офицеры лейб-гвардии Саперного батальона явились на южную сторону залива, проверили местность, провели трасс редута, немедленно заложили его, и при помощи Черноморских молодцов-моряков к утру редут был уже почти кончен. Турки стреляли из Варнской цитадели огромными ядрами, которые хотя и ложились в цепь, но не могли наносить большого вреда новому редуту по его местности, а только указывали наши же небольшие недостатки; неподвижность турецкой тяжелой артиллерии давала возможность охранить и цепь, и редут от вреда; оставалось вооружить этот редут, и потому немедленно были свезены с кораблей орудия и, несмотря на выстрелы с крепости, сыпавшиеся на дорогу, по которой надобно было везти корабельные орудия. Редут был скоро вооружен и открыл вместе с флотом огонь по крепости. Этот редут, прикрытый Гвардейским Экипажем, был собственно редутом этого Экипажа, потому что, вооруженный корабельными пушками, не имел другой прислуги, кроме артиллеристов Гвардейского Экипажа, и командир этой роты, капитан-лейтенант Киселев, с первого и до последнего выстрела оставался начальником этого редута.

2 сентября вечером подняли на корабле «Париж» на фор-брам-стенге белый флаг, на всех крепостных бастионах развеивались также белые флаги, и военные действия прекращены на время; в это время катер Гвардейского Экипажа с лейтенантом фон Финком отвалил от корабля «Париж» под белым флагом и повез в крепость парламентаря капитан-лейтенанта Кузнецова и переводчика Ботьямо, катер возвратился скоро из крепости, а белые флаги не спустились.

3 сентября адмирал А. С. Грейг в сопровождении действительного статского советника Негри отправился на корабле «Императрица Мария» и приказал на этом корабле поднять белый флаг; гребное судно вышло из крепости под белым флагом. Капудан-паша с турецкими чиновниками явился на корабль «Императрица Мария» для переговоров. В 11 часов телеграфом с этого корабля донесено, что не сдается, ответом на этот шаг было Высочайшее повеление флоту и войскам быть готовыми к возобновлению военных действий; через четверть часа на корабле «Императрица Мария» спустили белый флаг и подняли красный, и действия ракетами, бомбами, пальба из орудий и из ружей началась с большею против обыкновенного силою.

4 сентября Его Величество Государь Император изволил прибыть на южную сторону Варны и, севши на вороную лошадь, в сопровождении только капитан-лейтенанта Лермонтова, началь-

ствовавшего 4 ротами Гвардейского Экипажа, изволил отправиться кратчайшим путем к передовой цепи и в редут. Напрасно представлял этот штаб-офицер опасность этого пути. Его Величество, невзирая ни на что, осмотрел передовую цепь, резервы и редут, проверил положение его к Константинопольской дороге, проехал по этой дороге, осматривая местность, и через три часа после выхода на берег тою же дорогою возвратился к катеру. Садясь на катер, Его Величество изволил благодарить за верное описание местности и за меры, принятые к осаде крепости*.

**Примечание М. Н.:* Подъезжая к резервам Гвардейского Экипажа, Государь изволил заметить сопровождавшему Его: «Ты сам введешь меня, резервы твои встали, вели: пусть лежат и не вставать при Мне, встанет — и цепь привлечет внимание неприятеля». Но цепь не вставала, и Император не знал, что Его вороная лошадь известна в крепости и Государя знали-таки (слова Юсуф-паши).

5 сентября Корпус русских войск занял окончательно Константинопольскую дорогу и приблизился к крепости, а потому корабли «Пармен», «Пимен», «Пантелеймон» и «Императрица Мария» забрали десант Гвардейских моряков строевых рот, артиллеристы же Гвардейского Экипажа оставались в редуте до самого взятия крепости.

16 сентября с южной стороны донесено Государю, что правый фланг наш сильно атакован неприятелем, просят прислать с кораблей десант для прикрытия пристани и прочего на берегу. Его Величество сигналом повелеть соизволил стоявшим под крепостью кораблям «Императрица Мария» и «Пармен» свезти на этот предмет всех строевых Гвардейского Экипажа, вместе с тем прислано приказание поручить этот десант капитан-лейтенанту Лермонтову. Турки действительно сильно атаковали наш правый фланг, прорвались до линии обозов, но были отбиты, и десант возвращен; в то же время турецкая кавалерия выходила из крепости с южной стороны, намереваясь прорваться, но редутом Гвардейского Экипажа артиллерии капитан-лейтенанта Киселева и содействием иолов была обращена в крепость.

Флигель-адъютант Римский-Корсаков послан от Его Величества осмотреть лазареты и госпитали. Капитан-лейтенант Казин по тяжелой глазной болезни отправлен заранее в Одессу, а потому 17 сентября Высочайше повелено капитан-лейтенанта Лермонтова с корабля «Пармен» перевести на корабль «Париж». Здесь приказано этому штаб-офицеру находиться при Государе Императоре и сопровождать Его Величество во всех поездках на берег и по осадным работам; ему переданы катер Государев с гребцами, сумка с планами и чертежами осадных работ и расположения осадного войска и, наконец, зрительная труба Государя. Император каждый день ездил на берег, но с отказа паши сдать крепость на предложенных условиях Его Величеству угодно было строже и сильнее продолжать осаду крепости. Государь сам лично посещал по утрам производство осадных работ, наблюдал и осматривал вред, нанесенный крепости; невзирая на предостережения графа Воронцова, являлся перед крепостью на самых видных и опасных местах, в этот последний случай Его Величество оставлял всю свиту свою в некотором отдалении и, сопровождаемый только Гвардейского Экипажа штаб-офицером, имевшим при себе план, и реиткнехтом, останавливался на избранном месте и, спешась, принимая трубу от этого штаб-офицера, клал ее на плечо ему и смотрел в крепость и на ее стены, приказывая при том державшему трубу наносить новые бреши на чертежи. Император обыкновенно перед возвращением на корабль посещал войска, в лагере стоявшие, и, наконец, лазаретные балаганы, от флота из запасных парусов устроенные. Его Высочество Великий Князь Михаил Павлович часто посещал Государя Императора на корабле и бывал всегда привозим и отвозим на катере Его Величества тем же штаб-офицером.

Три недели продолжалась осада; бомбы, ракеты и ядра разрушали стены и взорвание северо-восточного бастиона крепости, повреждение минами другого атакованного бастиона и разрушение ядрами куртины произвели в северной стене крепости три широкие обвала, удобные для входа; стрелки наши уже залегли в разрушенных бастионах, а упорство турок держалось в крепости.

(См. Илл. 75) Зауервейд Александр Иванович (1783–1844).

Инженерная атака крепости Варна саперным батальоном 23 сентября 1828 года. 1836. Холст, масло. Центральный военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи.

Необходимость требовала приступа, но Государь Император, имея ввид, что следствием приступа будет сильное кровопролитие, щадя людей, согласился только на занятие некоторых пунктов на разрушенных валах и завалах, поэтому Его Величеству благоугодно было утвердить следующие распоряжения. С вечера 24 на 25 сентября в самую полночь охотники 13-го и 14-го Егерского полка и Черноморского флота должны были собраться во рву взорванного северо-восточного бастиона, первые в числе 110 человек, а Черноморские матросы и часть пионеров в числе 150 человек; эти последние должны были с турами и фашинами идти за охотниками для устройства внутри крепости у взорванного бастиона ложементов; рота егерей 13-го и 14-го Егерских полков должна была занять приморскую стену крепости и тем обеспечить действия охотников и прикрыть работы ложементов, и 2-я Гренадерская рота лейб-гвардии Измайловского полка должна была поддержать все эти действия. Для отвлечения внимания турок некоторые полки Гвардии спустились в ров и одновременно с движением левого фланга должны были произвести ложную атаку и на другие части крепости, уже охотники взойшли по разрушенному северо-восточному бастиону; мины и ядра прорыли в нем углубления и ямы, в них залегли стрелки и ждали сигнала, и ровно в 5 часов утра 25 сентября взлетела сигнальная ракета, батареи открыли огонь, охотники вскочили, штыки их выкололи первых попавшихся турок, егерская рота заняла приморскую стену крепости, и все двинулись вперед; но храбрым не было указано пределов движению вперед, они не дали время опомниться туркам, и 11 их орудий не выстрелили ни разу; лейтенант Зайцевский с Черноморскими матросами приступил к заложению ложементов, а егеря шли дальше и дальше в крепость.

Опомнились и турки. Они увидели, что на другие пункты крепости ведены были ложные атаки, оставив их, они бросились со всеми силами на вошедших в крепость, и порывы примерной отваги и истинного мужества должны были уступить многолюдству, и вошедшие должны были выйти из крепости. Лейтенант Зайцевский при этом случае ранен в руку, долго и еще утром продолжалась эта утренняя схватка.

Государь Император, наблюдая с корабля «Париж» все эти действия, раньше обыкновенного поехал на берег и дольше обыкновенного провел на берегу. Возвращаясь на корабль, Его Величество изволил с участием говорить о пострадавших от неудачного исполнения этого прекрасно обдуманного предприятия.

26 сентября с Высочайшего соизволения объявлено главноначальствующему в крепости Варне Капудану-паше, что дело предшествовавшей ночи доказывает возможность и ручается за успех приступа, следствием которого будет неминуемая гибель гарнизона. Это объявление подействовало, и на другой день, 27 сентября, трехбунчужный паша Юсуф Сересский, второй начальник в крепости, явился в наши траншеи для переговоров с прибывшим туда же адмиралом Грейгом. С этим вместе прекратились и военные действия. Переговоры продолжались до утра 28 сентября, но несклонный Капудан-паша заставил в этот же день в 4/2 часа пополудни, снова открыть жесточайший и непрерывный огонь по крепости, который уже решительно принудил наконец гарнизон и жителей вскоре после полуночи просить пощады Юсуф-пашу, перешедши со своим войском на сторону русских.

Государь Император каждый день продолжал посещать берег, объезжал войска, осматривал работы и раненых, проезжая всегда на своем Гвардейском катере. 29 сентября в 12 часов сдача крепости окончательно решена; в час пополудни на главном ее бастионе подняли русский флаг, турецкий же флаг и ключи крепости на борту поднесены Его Величеству Государю Императору Николаю Павловичу. Войска начали вступать в крепость, а со флота по сигналу с берега произвели салют из всех орудий. Пропустив войска в крепость, Государь изволил объехать крепость, осмотрел все бреши бастионов и поручил находившемуся безотлучно при Его Величестве во все это время Гвардейского Экипажа штаб-фицелю проверить чертежи и карты Его Величества и нанести то, чего еще не было нанесено на них. 30 сентября Император, съехав на берег, отправился прямо в Гвардейский лагерь, там отслужил молебен за дарованный Господом Богом успех; флот же при возглашении многолетия Императорскому дому произвел снова салют из всех орудий. В этот же день адмирал Грейг и генерал-адъютант граф Воронцов удостоены Всемилостивейших наград: первый — ордена Св. Георгия 2-й степени, а второй — золотой алмазами осыпанной шапки с надписью «За взятие Варны». Этим не ограничилась признательность справедливого Монарха, Его Величеству благоугодно было пожаловать из числа взятых в Варне орудий генерал-адъютантам графу М. С. Воронцову и князю А. С. Меншикову каждому по одному орудию. В этот день и в последующие дни, 1 и 2 октября, Его Величество одинаково с главнокомандующим, флотом и войсками заботился об обеспечении Варны со стороны моря и сухого пути, о расположении войск на зиму за Дунаем, об обратном походе Гвардии и проч.

Все повеления Его Величества развозились с корабля распоряжением Начальника штаба Черноморского флота, капитана 1-го ранга Мелихова, или находившимся при Государе Гвардейского Экипажа штаб-офицером. В 2½ часа пополудни 2 октября Император изволил переехать на приготовленной для плавания Его Величества в Одессу корабль «Императрица Мария». При прощании с офицерами и Экипажем корабля «Париж» Государь благодарил офицеров и нижних чинов за их службу, проходя мимо офицеров, изволил подозвать к себе капитан-лейтенанта Лермонтова и, идучи по шканцам корабля «Париж», изволил сказать ему: «Поздравляю тебя, я и тебя не забыл, никогда не забуду службы твоей, а затем прощай»*.

**Примечание М. Н.: Эти слова глубоко врезаны в душу мою, и в самую минуту смерти они будут для меня утешительным доказательством исполнения долга моего.*

Корабль «Императрица Мария», приняв Его Высочество, тотчас же снялся с якоря и вступил под паруса, отсалютовал адмиральскому флагу 11 выстрелами и с последнею пушкою поднял штандарт. Черноморский флот и на нем раскомандированный Гвардейский Экипаж, прощаясь с Монархом, в последний раз в этом 1828 году отсалютовал его штандарту.

Привет Его Величества на шканцах корабля «Париж» означил Всемилостивейше награды, пожалованные капитан-лейтенантам Гвардейского Экипажа Казину, Лермонтову и флигель-адъютанту Римскому-Корсакову, — следующие чины капитана 2-го ранга, а командиру артиллерийской роты этого же Экипажа капитану-лейтенанту Киселеву — производство в капитаны 3-го ранга и объявление Всемилостивейшаго благоволения за отличное исполнение поручения при устройении на южной стороне Варнского редута этого же Экипажа лейтенантам Лермонтову 2-му, Литке 2-му, Бурдукову и Хитрово и мичману Андрееву.

Сверх этой награды Его Величество пожаловал всем, служившим во время Высочайшего присутствия на корабле «Париж» как Черноморского, так и Гвардейского Экипажа, по годовому окладу жалованья. Этою наградою воспользовались капитан-лейтенанты: Казин — 1170 рублями, Лермонтов уже по чину 2-го ранга — 1350 р., мичманы: князь Гагарин, Белиянин и Иванов 12-й — по 900 р., артиллерии капитан-лейтенант Киселев по чину капитана 3-го ранга — 1170 р. Юнкер Кириллов — 48 р. И боцманматов 3, квартирмейстеров 12, экипажный барабанищик 1, флигель-горнист 1, флейтищиков, горнистов и барабанищиков 8, музыкантов 39, матросов 173; артиллеристской роты барабанищиков 1, унтер-офицеров 7, барабанищиков 9, канониров 23 и нестроевых 3.

Плавание корабля «Императрица Мария» по причине осенних ветров было не совсем удачно, ему сопутствовали яхта «Утеха» и пароход «Метеор», рота Гвардейского Экипажа была на этом корабле. 2 октября в 2 часа пополудни корабль снялся с якоря при тихом SSW, но в ту же ночь ветер перешел к NNW; северо-восточная зыбь при тихом ветре в то же время служила предвестницею шторма.

4 октября около двух часов пополуночи ветер задул от OtN и начал постепенно крепчать; к 8 часам перешел в риф-марсельный с порывами; в 10½ часов при жестком порыве, имея только одни нижние паруса и зарифленный грот-марсель, корабль потерял фор-стенгю, а потом бомутлегарь и утлегарь; офицеры и матросы работали усердно, Гвардейского Экипажа лейтенант Литке 2-й распоряжался работами на фор-марсе и, работая сам при очистке сломанной стеньги, поощрял нижних чинов. К полудню ветер обратился в шторм, ему сопутствовали пасмурность и дождь; штормовые паруса не подвигали корабль вперед, и положение его становилось затруднительно. К шести ветер вдруг и неожиданно пошел к N, а в полночь дошел до NW; эта перемена ветра не лишила по крайней мере корабль возможности в случае нужды искать убежища в наших крымских портах. Твердая воля Государя Императора проявилась и тут, Его Величество не приказал изменять направления в Одессу, хотя это и продолжало неприятное осеннее плавание на неопределенное время.

(См. Илл. 75–1) И. К. Айвазовский (1817–1900).

Корабль «Императрица Мария» во время шторма. 1892. Холст масло. [30].

Наконец 5 октября утром начала прочищаться пасмурность, ветер стал ослабевать в своей силе, пользуясь этим, корабль выстроил запасную фор-стенгю и, получив ветер от WSW, поставил паруса по силе ветра, пошел в Одессу и прибыл в этот порт только с 7 на 8 октября ночью.

6 октября корабль «Париж» и почти весь стоявший под Варною Черноморский флот снялся с якоря и пошел в Севастополь. Продолжительные северные ветры, изредка переходящие к северо-западу, задерживали плавание флота; через 6 дней после отплытия от Варны флот пришел в Севастополь, и корабль «Париж», проводив адмирала Грейга со штабом его в Николаев, вошел в гавань и разоружился. Корабли и суда, бывшие в отдельном от флота плавании, по мере окончания данных им поручений приходили в Севастополь, входили в гавань, возвращали роты Гвардейского Экипажа в состав его, и не прежде 6 декабря Экипаж этот соединился весь, для того чтобы, исправясь несколько, посылать сначала по 5 рот и потом по 2 роты в крейсерства на судах Черноморского флота к берегам русским. По этому случаю некоторые роты Гвардейского Экипажа приняли деятельное участие при покорении Сизополя.

Остаток этого (?) роты капитан-лейтенант Семенов скончался вследствие усиленных трудов своих во все продолжение кампании и крейсерства, и Его Императорское Величество щедро вознаградил осиротевшую семью покойного, назначив каждому члену ее особую пенсию.

Не приводя здесь приказов Командира Севастопольского Порта и Командира Гвардейского Экипажа, исполненные признательности ко всем вообще чинам Гвардейского Экипажа за исполнительность по службе и особое благонравие, служившие тогда в Гвардейском Экипаже могут допустить благородную надежду, что имена усердных не умрут, доколе будет существовать архив Гвардейского Экипажа, а память о подвигах его навечно сохранится на обоих Триумфальных воротах.

Старшим командиром в Гвардейском Экипаже оставался по болезни капитана 2-го ранга Казина капитан 2-го ранга Лермонтов, ему поручена была в этот промежуток времени должность батальонного командира, и наконец на него же возложен был прием на законном основании корабля «Париж» от 28 экипажа и вооружение корабля. Для этого дана была этому штаб-офицеру 6-я рота, и 25 марта 1829 года корабль вышел на рейд, совершенно изготовленный к походу. Роты Гвардейского Экипажа по мере смены судов в крейсерстве присоединялись к Экипажу и к выходу корабля на рейд были все в сборе и поступили на корабль. Экипаж в сборе состоял из контр-адмирала — 1, штаб-офицеров — 5, обер-офицеров — 20, музыкантов — 47, юнкеров и унтер-офицеров — 71, матросов и канониров — 795; нестроевых штаб- и обер-офицеров — 8, унтер-офицеров — 12, нижних чинов — 25, всего же всех с прикомандированными к флагманской части и проч. были на корабле 1060 человек.

2 апреля Главнокомандующий флотом адмирал Грейг прибыл из Николаева в Севастополь на пароходе «Метеор», осмотрел корабль, изъявил изустную благодарность свою за точное и строгое исполнение приказаний его и своего долга и 5 апреля поднял флаг свой на корабле «Париж».

Флот, стоявший в это время на Севастопольском рейде, состоял из кораблей: «Париж», «Император Франц», «Чесма», «Иоанн Златоуст» и «Норд-Адлер»; фрегатов «Поспешный» и «Штандарт»; бригов «Меркурий» и «Мингрелия»; люггеров «Широкий» и «Глубокий»; катеров «Соловей» и «Жаворонок»; бомбардирских судов «Опыт», «Подобный», «Соперник» и «Успех».

12 апреля в 3 часа пополудни корабли «Париж», «Император Франц» и «Иоанн Златоуст», бриг «Мингрелия» и все бомбардирские суда по сигналу адмирала снялись с якоря и пошли к Варне, 18 апреля флот этот подошел к Варне; корабль «Париж» положил тут на короткое время якорь, адмирал съехал в крепость, а прочим судам приказал продолжать плавание в Сизополь. Простояв тот день на Варнском рейде, 19 апреля в 5 часов пополудни корабль «Париж» отплыл от Варны и через 14 часов пришел на Сизопольский рейд, здесь нашел он все вышедшие с ним из Севастополя суда и, сверх того, корабли «Пантелеймон» и «Императрица Мария» под контр-адмиральским флагом; «Чесма» и «Норд-Адлер» и «Пармен» под ординарными вымпелами; фрегат «Флора» и небольшой отряд гребной флотилии. Весь этот флот расположился по диспозиции для защиты Сизополя.

Главнокомандующий флотом в сопровождении начальника штаба своего рекогносцировал с 20 по 23 апреля весь южный и часть западного берега, окружавшего Сизопольский залив, и, заметив на берегу у Баргаса передовые войска Омера Врион, приказал занять мыс Св. Троицы и устроить на перешейке, соединяющем его с материком, батарею. Инженер-капитану Бюрно поручена инженерная работа, а две роты Гвардейского Экипажа под командою капитан-лейтенанта Лялина*

*Примечание М. Н.: Десантными ротами Гвардейского Экипажа командовали лейтенанты Подушкин и Хитрово, и при них был мичман Андреев.

прикрывали эти работы; турецкая кавалерия несколько раз являлась перед цепью застрельщиков Гвардейских моряков, но всегда была возвращаема. С 25 апреля эта батарея была уже вооружена 6-дюймовыми корабельными орудиями и была занимаема ротой Гвардейского Экипажа, свозимой со своими офицерами поочередно на три дня с корабля «Париж» и всегда при одном штаб-офицере. Таким образом, пришлось всему Гвардейскому Экипажу во время якорной его стоянки в Сизополе быть несколько дней глаз на глаз с неприятелем. Адмирал, известясь от крейсеров наших о стоявших в Босфоре судах турецкого флота и приняв это за намерения их выйти в море, в исходе апреля с кораблями «Париж», «Император Франц», «Императрица Мария», «Чесма» и «Норд-Адлер», фрегатом «Флора» и бригом «Ганимед» вышел из Сизополя и, крейсируя между Босфором и Инадюю, выжидал неприятельского флота; но зажигаемые при появлении флота у берегов костры на материке, по всем вероятиям, служили известительными знаками в Константинополь о выходе русского флота в море, и на этот раз турецкий флот простоял спокойно в Босфоре.

Южнее Сизополя и в соседстве с ним на берегу моря были два небольших города: Василико и Агатополю, оба занятые турками. Агатополю был, сверх того, укреплен. Главнокомандующий флотом, признавая возможным выгнать турок из обоих мест, занять их и удержать за собою в продолжение этого крейсерства, назначил для этой операции два фрегата и яхту; десант на эти суда посажен был от Гвардейского Экипажа и часть от флота; но, к сожалению, крепкий ветер и близлежащие камни, опасные только при дувших тогда ветрах, воспрепятствовали приведению в исполнение предположения адмирала Грейга, заботившегося вместе с тем и о сохранении Сизополя как весьма важного пункта в стратегическом отношении и в особенности для облегчения движения наших войск по переходе их через Балканы. Поэтому 2 мая адмирал, оставив высоты Агатополя, пошел с флотом в Сизополю.

Внося в очерк Истории Гвардейского Экипажа только то, что относится собственно до службы этого Экипажа в Черном море во время войны, было бы неуместно вносить в этот очерк все разнообразные действия судов Черноморского флота. Частные атаки наших судов противу батарей, возводимых турками, на внутренних берегах Фаросского залива, равно уничтожение неприятельской каботажной торговли на всех берегах Черного моря и даже славное истребление турецких военных судов в Пендераклеи — все это не относится собственно до Гвардейского Экипажа, потому что ему не пришлось принять участия в этих славных действиях, и только отблеск всех славных дел Черноморского флота падает и на сотрудников его, служащих тогда в Гвардейском Экипаже.

15 мая в 9 часов утра фрегат «Штандарт», крейсировавший у Босфора, подойдя к Сизополю, сигналом дал знать флоту о выходе неприятеля в море. Сигнал адмирала, повелевавший всему флоту сняться с якоря, был достойным ответом сигналу фрегата «Штандарт», и корабли «Париж», «Император Франц», «Императрица Мария», «Чесма», «Пармен» и «Иоанн Златоуст», фрегаты «Флора», «Евстафий»; бриги «Ганимед» и «Мингрелия»; бомбардирские «Успех» и «Победный»; люггера «Широкий» и «Глубокий» и катер «Соловей», забрав людей с батарей, немедленно снялись с якоря и пошли к Босфору. В 5 часов пополудни флот встретил бриг «Меркурий» под командою капитан-лейтенанта Казарского; взгляд на этот бриг убеждал каждого в том, что ему пришлось быть в бою с силами, превосходящими его силы. Паруса его были прострелены, такелаж перебит, корпус и рангоут истреляны. По приезде командира брига на флагманский корабль узнали, что бриг «Меркурий» выдержал бой на оба борта в одно и то же время с 110- и 74-пушечными турецкими кораблями; первый под флагом Капудана-паши, а другой под адмиральским флагом. Казарский, решившись защищаться до последней крайности, решился в случае невозможности держаться свалиться с одним из неприятельских кораблей и вместе с ним взорвать свой бриг на воздух, но не сдаваться в плен, и ни тяжелые снаряды корабельной артиллерии, кнители и картечь, ни гранаты, произведшие пожар на бриге, — ничто не могло изменить решимости Казарского и его храбрых сослуживцев. Три часа бриг был с обоих бортов под беспрестанными выстрелами 92 корабельных пушек большого калибра, отбивался от них с каждой стороны своими 11 карронадами на самом близком расстоянии, так что очень ясно было слышно с корабля Капудан-паши требование, чисто по-русски высказанное: «Сдавайся и убирай паруса». Потеря брига состояла: убитыми 4, ранеными 6 нижних чинов; небольшой корпус брига имел 22 пробоины; в рангоуте оказалось 16 повреждений; в парусах — 133; в такелаже — 148, все гребные суда избиты, и одна корронада уничтожена, поэтому бриг «Меркурий» послан в Сизополю для исправления по возможности теми средствами, какие в этом порте заготовлены были.

(См. Илл. 76) И. К. Айвазовский. Бриг «Меркурий», атакованный двумя турецкими кораблями. 1892 г. Холст, масло, 212 x 339 см. Феодосийская картинная галерея им. И. К. Айвазовского.

Примечание авт.: Одна из известных картин Ивана Айвазовского «Бриг “Меркурий”, атакованный двумя турецкими кораблями» воспроизводит морской бой, который произошел 14 мая 1829 г. 18-пушечный бриг «Меркурий», курсируя у берегов Босфора, неожиданно встретился с двумя линейными турецкими кораблями. На предложение неприятеля сдаться командир брига капитан-лейтенант А. И. Казарский решил вступить в бой и, в случае необходимости, взорваться с одним из неприятельских кораблей. Русский корабль имел 18 орудий против 184 неприятельских. Искусно маневрируя и не давая противнику воспользоваться десятикратным превосходством в артиллерии, бриг «Меркурий» нанес такие поражения неприятельским кораблям, что после 3-часового боя они прекратили преследование. Подвиг брига «Меркурий» вызвал не только всеобщее восхищение соотечественников, но и признание противником морального превосходства русских моряков. Один из турецких штурманов, участников боя, писал: «Если в великих деяниях древних и наших времен находятся великие подвиги храбрости, то сей поступок должен все иные помрачить, и имя сего героя достойно быть начертано золотыми буквами на храме Славы: оно называется капитан-лейтенант Казарский и бриг “Меркурий”». В ознаменование этого подвига в Севастополе на морском бульваре поставлен памятник с надписью: «Казарскому. Потомству в пример».

Флот турецкий, узнав о выходе в море нашего флота, 16 мая удалился в Босфор. Крейсера наши, сделавшись как бы фор-зеслями флота, 17 мая донесли, что турецкий флот в числе 11 линейных и 20 мелких судов стоит на якоре около Бупкерда; пароход «Метеор» для разведания о неприятеле подошел так близко к азиатским берегам Босфора, что с некоторых батарей стреляли по нему, но не вредили ему.

Главнокомандующий флотом нашим, адмирал Грейг, до 26 мая оставался в море, выжидая выхода из Босфора турецкого флота; но, видя его неподвижность и заботясь о сохранении занятых флотом отбитых береговых пунктов на неприятельском берегу, в этот день, 26 мая, возвратился в Сизополь с большею частью своего флота, усилив притом крейсеров наших у Босфора. Это движение флота если не сохранило, то спасло Сизополь от нападения Сераскира Абдул-Рахмана, с семью тысячами войска приготовлявшегося 29 мая к атаке этого города, но отменившего атаку по случаю пребывания флота на Сизопольском рейде; весть эту сообщили два переметчика, а в подтверждение известия служит ход из Босфора нескольких военных турецких судов на несколько часов и погоня их за нашими крейсерами.

2 июня корабли «Париж», «Императрица Мария», «Пармен», «Иоанн Златоуст» и «Норд-Адлер» снялись с якоря, впоследствии сигнала от подошедшего крейсера о выходе неприятеля в море; собравшийся флот наш крейсировал на высоте (?), высылал суда свои выманывать турецкий флот вдоль берегов Анатолии, чтобы удобнее отрезать его от Босфора, но все было напрасно, при появлении русского флота неприятель скрывался опять в Босфоре. Появившиеся признаки чумы в окрестностях Сизополя, в самом Сизополе и, наконец, на островах, где были склады припасов, материалов для флота и войск, требовали возвращения адмирала в Сизополь и его заботливости, а также и распорядительности начальника его штаба следует приписать то, что не допущен этот бич народов до флота и чума ограничилась немногими смертными случаями между бывшими при материалах на островах, и весьма ограниченно на грузовых судах.

Во время якорной стоянки нашего флота в Сизополе адмирал признал нужным сделать промер рейда у Мессомврии, лежащей севернее Сизополя, и у подошвы Балканских гор. Город Мессомврия, занятый турками, был укреплен с моря несколькими батареями, а у берега каменной стеной, укрепления эти были вооружены артиллериею. Для промера назначен был фрегат «Поспешный» и (?) корпуса флотских штурманов подполковник Немоляев; для работ собственно при промере в виду и под выстрелами неприятеля употребили Гвардейского Экипажа рулевых с корабля «Париж». Подойдя к Мессомврии, заметили, что под стенами ее стоят два турецких полубаркаса; эти гребные суда могли препятствовать промеру, и подполковник Немоляев решился уничтожить или взять их; исполнить это вызвались вместе с другими все Гвардейские моряки, с ним бывшие, и уверяли, что полубаркасы эти стерегутся только с берега, перед рассветом подошли тихо на небольшом гребном суд-

не к этим полубаркасам на расстояние от них около 40 сажен, поставили свое судно на дрек; рулевой Гвардейского Экипажа матрос Юдин разделся, обвязал около себя лот-линь дип-лота и острый нож и поплыл к турецким полубаркасам. «Слабее травите мне лот-линь, братцы», — сказал Юдин товарищам и поплыл к берегу. Стихло все на русской шлюпке, ровно и медленно расходилась бухта лот-линя, наконец остановилась; долго и пристально смотрели все в молчании на эту бухту, и вот вдруг невидимая сила сдернула с бухты один шлаг, потом другой — крепи за банку и выбирай лот-линь — и вскоре подтянули турецкие полубаркасы — на первом лежал разделтый Юдин, и <он>, одеваясь, рассказывал, как обрезал сначала все концы, придерживавшие полубаркасы на месте, и, найдя баркасы взаимно один за другим связанными, закрепил конец за переднюю банку переднего баркаса и стал подтягиваться к своим; опомнившись, турки услышали движение судов, и раздалась на берегу ружейные выстрелы, и пули засвистели над головой Юдина. За таковой подвиг рулевой Юдин награжден Знаком Отличия военного Ордена под № 54210*

**Примечание М. Н.: Этот подвиг гораздо подробнее описан в последних годах солдатского чтения.*

В течение всего июня месяца во флоте ничего особого не произошло; Гвардейский Экипаж во время якорной стоянки постоянно был употребляем в десант по частям на передовых постах противу неприятеля. Выход флота нашего в море постоянно возвращал выходивших из Босфора на небольшое только расстояние турок; наконец, по донесению командира фрегата «Поспешный», турки не позволяли себе отдаляться от пролива своего больше 5 итальянских миль. В исходе июня флот наш подходил к проливу на расстояние 12 только миль, но и это не вызвало турок на бой; между тем достоверные сведения об увеличивающемся числе неприятельских войск около Сизополя, и усиление отряда наших сухопутных войск в Сизополе требовало возвращения адмирала в Сизополь; по этому флот 4 июля возвратился в Сизополь.

7 июля получено уведомление от генерала Рота о приближении его к Мессемврии, и в тот же день линейные суда наши, стоявшие в Сизополе, пошли к Мессемврии. 8 июля, подойдя на 2½ мили к этому городу, адмирал послал инженер-капитана Бюрно парламентером к неприятелю на катере с лейтенантом графом Гейденом под белым флагом, с предложением о сдаче, но двухбунчужный паша Осман не согласился сдаться, и бомбардирские суда «Подобный» и «Опыт» с 9 июля начали бомбардировать город, и в тот же вечер бомбардирский «Опыт» взорвал на воздух неприятельский пороховой погреб, повредивший взрывом и саму батарею.

В этот же день, 9 июля, Гвардейского Экипажа мичман Балк явил пример неустрашимости и необыкновенной предприимчивости. Спускавшаяся с Балканов наша армия нуждалась в продовольствии; генерал Рот довел о том до сведения Главнокомандующего флотом; адмирал Грейг немедленно озаботился доставлением сухарей, крупы и зернового фуража к северному берегу залива Мессемврии; надобно было известить о том генерала Рота и успокоить армию, надобно было передать этому генералу некоторые сведения об укреплениях Мессемврии, о неприятельском войске и т.п., дабы направить с выгодой сходящие с гор войска. На высотах Балкан мелькали по временам русские уланские пики; а в Гвардейском Экипаже уже знали, что в горах на каждом шагу встречаются непроходимые преграды, следовательно, дойти до этих улан в земле неприятельской, занятой отступавшим неприятелем, казалось более невозможным, нежели возможным. Но, едва сделалась известна на корабле «Париж» забота адмирала и его желание открыть сообщение с армией, мичман Балк явился с предложением доставить бумаги адмирала Грейга генералу Роту. Предприимчивый и неустрашимый Балк взял с собою четырех охотников из Гвардейских матросов, вооруженных только ружьями, принял бумаги, сел на шестивесельную шлюпку и поехал на северный берег залива. Турки заметили это и выслали немедленно значительный объезд их кавалерии; но Балк успел пристать к берегу прежде прихода турок, выскочил со своими охотниками на берег, поспешил в чащу леса, которым покрыт был южный склон Балкан, и скоро скрылся в изрытой природою местности. Шлюпка отошла от берега на ружейный выстрел и встала на дрек. Турки подъехали к месту высадки, осмотрели местность, въезжали в лес, возвращались и снова кидались на поиски, но, не найдя ничего и проведя около часа в этих напрасных поисках, возвратились в Мессемврию.

В 8 часов утра Балк сошел с корабля; в 6 часов пополудни увидели несколько восточнее места высадки сильный патруль наших улан, а между ими Балка верхом и штыки Гвардейских моряков; шлюпка подняла дрек, приняла офицера своего и молодцов, товарищей своих, а искренний, дружеский

привет на корабле храбрым и предприимчивым сослуживцам был первой им наградой. Балк за успешное исполнение возложенного на него поручения награжден чином лейтенанта.

11 июля флот подошел к стенам и батареям Мессемврии и встал по диспозиции; в это же время генерал Рот, разбив Сераскира Абдул Рахмана, частью войск обложил Мессемврию с берега, заняв весь перешеек своими колоннами, и Осман-паша сдался с гарнизоном военнопленным, а сводная рота Гвардейского Экипажа под начальством капитана 2-го ранга Казина при лейтенантах Подушкине, Хитрово и Белянине и мичманах Золотове и графе Гейдене, имея в резерве полуроту при лейтенанте князе Кулунчакове и мичмане Андрееве, будучи высажены на берегу в самый город, способствовали подъему на стенах Мессемврии капитан-лейтенантом Кузнецовым Российского Императорского флага, заняла караул при нем. Вслед за покорением Мессемврии быстро шло в течение июля месяца покорение прибрежных укрепленных мест. Опираясь левым флангом на Черное море и флот, быстро двигалась армия к Адрианополю, а флот, не отставая от армии, бригам «Орфей» взял Архивоао, занял Агатополь и Василико высаженную в десант ротой Гвардейских моряков и двумя ротами Камчатского пехотного полка и обратил внимание свое на укрепленную Шнаду. Прибытие из Севастополя к Сизополю части войск 12-й пехотной дивизии способствовало исполнению намерений адмирала. 3 августа корабли «Париж», «Чесма», «Императрица Мария», «Пармен», «Иоанн Златоуст», «Пимен» и «Норд-Адлер»; фрегат «Тенедос», бриги «Мингрелия», «Ганимед» и «Орфей» и бомбардирские суда «Опыт», «Подобный» и «Соперник» вышли из Сизополя и оставили зачумленные его окрестности; флот пошел к Инаде, туда же следовал по берегу и небольшой сухопутный отряд войск под командою инженер-подполковника Бюрно, с ним пошли и офицеры Гвардейского Экипажа, мичманы Балк, барон Вровский и граф Гейден.

7 августа, придя к Инад, адмирал отрядил часть флота для действий против Инадских укреплений, приказал приготовить десант от Гвардейского Экипажа; капитан-лейтенант Лялин, лейтенанты Подушкин, Белянин и мичман Золотов свезены немедленно на корабль «Норд-Адлер»; и в промежуток двухчасового времени один корабль, два фрегата, три бомбардирских судна, два брига и десант выгнали турок из 7 редутов, весьма правильно устроенных, покоряя эти редуты один за другим, и заставили бежавших обратиться к крепости Мидия, а не на соединение со своим секургом в три тысячи человек, стоявших в лагере между Инадою и Самокова. Еще не возвратился десант Гвардейского Экипажа от редутов Инадских, как надобность потребовала высадки отдельного десанта для разогнания турок, собравшихся около редута, отстоявшего от Инады по берегу в расстоянии около трех верст. В 5 часов вечера рота Гвардейского Экипажа при лейтенанте Хитрово и мичмане Андрееве, под начальством капитана 2-го ранга Лермонтова, прикрытая выстрелами брига «Мингрелия», высажена против редута с люггера «Глубокий»; разогнала турок, взяла и истребила редут и ружейную оборону, позади его устроенную, а взятые в редуте два орудия передала на бриг.

Сухопутный отряд подполковника Бюрно, будучи задержан на пути следования разными непредвиденными обстоятельствами, прибыл к Инад на другой день ее покорения, 8 августа в 6 часов утра; сменил десант Гвардейских и Черноморских моряков, возвратившихся по смене на корабли, и часть отряда Бюрно пошла на Самоково для поисков неприятеля и для истребления там находящегося казенного литейного завода. Неутомимый и храбрый мичман Балк, отправясь с этою частью отряда во главе 30 казаков, много содействовал к исполнению данного начальству этого отряда приказанию.

Окончив распоряжения относительно содержания Инады и снабдив войска всем нужным, Главноначальствующий флотом 11 августа снялся со всеми судами с якоря и пошел к крепости Мидии; 12-го по случаю совершенного штюля и течения весь флот встал на якорь. 14-го адмирал, предложив атаковать Мидию, вступил под паруса. Приказал назначенным для атаки кораблям и судам подойти к крепости и открыть огонь, а с корабля «Париж» свезти десант в дополнение десанта из егерей; две роты Гвардейского Экипажа под командою капитан-лейтенанта Лялина при лейтенантах Подушкине, Новожовском и мичманах Андрееве, бароне Вревском и графе Гейдене высажены вне выстрелов крепости. Высокая местность, на хребте которой выстроена эта крепость, довольно глубокая и около 10 сажен широкая река, замедлили ход атаки; из крепости навстречу десанту к реке вышла кавалерия в значительном числе; мичман граф Гейден с передовою цепью начал уже переходить реку, но, не дойдя еще далеко до середины ее, из опасения подмочить в глубине реки патроны и встретить неприятельскую кавалерию одними штыками, должен был возвратиться. Капитан-лейтенант Лялин донес обо всем Главноначальствующему флотом, и адмирал сигналом приказал десант принять на действующие против крепости суда. Зыбь препятствовала атаке, и потому она шла медленно.

При всем этом 17 августа крепость была очищена турецким войском, отступившим к Кара-бурну, и жители сдали ее стоявшим под стенами крепости нашим иолам, 18 августа на ней уже развевался русский флаг. Этим оканчиваются собственно военные действия Черноморского флота и Гвардейского Экипажа, составлявшего боевую частицу этого флота в одну из знаменитых эпох его существования. Мир, заключенный в Адрианополе 2 сентября 1829 года, прекратив военные действия, обратил внимание к распорядительности Главнокомандующего и его штаба на скорейшую перевозку больных и раненых в портовые госпитали, на прекращение чумы, приведение в известность и перевозку трофеев и прочего отнятого от неприятеля и, наконец, на возвращение и перевозку войск и всего завезенного в Турцию из наших портов. Искусство и самоотвержение медиков Гвардейского Экипажа постоянно ознаменовывало службу старшего врача Огиевского, медика-хирурга Дроздова и лекаря Гнаваста. Самоотвержение это в Сизополе преждевременно свело в могилу последнего из них. Старший врач Огиевский и медик-хирург Дроздов по заключении мира потреблялись к успокоению больных и раненых при перевозке их в свои порты. Но при всей необыкновенной деятельности штаба Главноначальствующего флота адмирал, переходя с флотом от Мидии в Инаду, а потом в Сизополь и Мессемврию, простояв в каждом из этих портов по несколько времени для необходимых распоряжений и спустив 16 сентября взятый у Мессемврии (?), стоявший еще на стапеле турецкой крепости, не прежде 13 октября пошел с частью флота в Севастополь и 14 вечером прибыл на Севастопольский рейд. Корабль «Париж» должен был выдержать обсервацию под карантинным флагом, а адмирал Грейг со штабом своим, приказав ночью спустить на кораблях флаг свой, перенес его на яхту «Утеха» и 19-го отправился в Николаев. 12 ноября, по окончании обсервационного карантинного термина, корабль «Париж» сдан Гвардейским Экипажем в 28-й экипаж капитан-лейтенанту Вергопуло.

Так кончил Гвардейский Экипаж службу свою на Черном море. И в очерке истории этой службы позволительно внести несколько слов о трофеях, приобретенных в кампании 1829 года, потому что в эту кампанию Гвардейский Экипаж с самого начала действия до конца их принимал в них деятельное участие и, даже можно сказать, участвовал во всем со дня поступления на Черноморский флот, с 18 августа 1828 года, по 12 ноября 1829 года в течение 15 месяцев. Собственно флотом и десантом его отнято в 1829 году у турок 79 орудий, 2 знамени и значительные запасы по береговым крепостям и складам; сверх этого, содействием армии в Мессемврию взято 15 пушек. Военных и купеческих судов взято 16, истреблено 33 — всего 49 судов.

Всемилоостивейшие награды возвышают еще более заслуги Гвардейского Экипажа. Эти награды состояли в пожаловании орденов Св. Анны 1-й степени командиру Экипажа и корабля «Париж», контр-адмиралу Беллинсгаузену. Того же ордена 2-й степени: капитану 2-го ранга Лермонтову, капитану-лейтенанту Балкашину и старшему врачу штаб-лекарю Огиевскому; того же ордена 3-й степени: лейтенантам Дудинскому, фон Финку, Странолюбскому и Хитрово; мичманам Голенищеву-Кутузову, Золотову, Иванову, Андрееву и графу Гейдену, и артиллерийской роты капитан-лейтенанту Коршунову. Св. Владимира 4-й степени лейтенантам Тимирязеву, Подушкину, князю Кулунчакову и Литке. Капитан-лейтенант Лялин произведен в следующий чин, а капитан 2-го ранга Казин удостоен Высочайшего благоволения.

Нижние чины удостоены Знаков Отличия Военного Ордена Св. Георгия: четыре человека за действия при покорении Сизополя в зимнюю кампанию с 1828 на 1829 год на кораблях «Императрица Мария», «Пантелеймон» и «Пимен» и фрегате «Рафаил», рулевой Степан Юдин за предприимчивость и храбрость при промере рейда у Мессемврии; два юнкера, Веригин и Кириллов, и тридцать пять человек нижних чинов за отличия при покорении Василико, Агатополя и Инады; матрос 3-й роты Семен Чернов, служивший с ротой в зимнюю кампанию на корабле «Париж», стоя на русленях во время отдания якоря 18 ноября 1829 года на Варнском рейде, бросившись в воду, успел спасти упавшего за борт с нока-фор-марса реи 29-го флотского экипажа матроса Логгина Черкашева, удостоен за то Высочайшей награды медалью и 200 рублями. Из числа храбрых сподвижников Казарского на бриге «Меркурий» несколько человек переведено в Гвардейский Экипаж. Высочайшим указом на имя начальника Морского штаба от 28 сентября 1829 года изъявлена особая признательность флагманам и капитанам и совершенная благодарность офицерам за эту войну, а нижним чинам сокращен на этот раз срок службы*.

*Примечание М. Н.: Смотри приложения.

1 октября объявлен следующий высочайший приказ Войскам и Флотам:

«Войскам 2-й Армии Отдельного Кавказского Корпуса и действовавшим эскадронам Балтийского и Черноморского флотов.

Благословением Всевышнего окончена брань, в коей вы покрыли себя незабвенною новою славою, и трудами вашими Россия торжествует мир достославный!

В двух странах света неумолчно раздавался гром побед ваших; многочисленный упорный враг сокрушен повсюду, и пала перед Вами вековая слава неприступных твердынь его, до появления вашего не знавших победителей. Смелою стопою переносились вы через хребты гор непроходимых, и, поражая врага в неприступнейших его убежищах, у врат Константинополя, принудили его к торжественному сознанию, что мужеству Вашему противустоять Он не в силах. Столько же вы отличили себя кротким обращением с побежденными, дружелюбным охранением мирных жителей в покоренных областях, постоянным соблюдением самого примерного воинского порядка и подчиненности и строгим исполнением всех ваших обязанностей. Вы истинно достойны имени Русских воинов.

В ознаменование толиких заслуг ваших Престолу и Отечеству, повелеваю носить всем участвовавшим в военных действиях противу турок в 1828 и 1829 годах установленную Мною особую медаль за Турецкую войну, на ленте Ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия.

Да будет знак сей памятником вашей славы и Моей к вам признательности, да послужит он залогом и будущей верной вашей службы. Перед этим Всемилостивейше пожаловано в 21 сентября 1829 года по случаю благополучного окончания войны гг. генералам штаба и обер-офицером годовые оклады жалованья, а нижним чинам по 5 рублей ассигнациями».

Наконец, приказ Начальника Главного Морского штаба 23 октября 1838 года при открытии Триумфальных ворот (ныне Московская застава) заключил эти награды Высочайшим благоволением и признательностью за верную службу и мужество, адмиралам штаб- и обер-офицерам и нижним чинам флота, участвовавшим в последней турецкой кампании.

Да позволено будет мысленно бросить последний взгляд на прошедшее. Это прошедшее составляет неотъемлемое утешение тех, которые служили в это время в Гвардейском Экипаже и ныне с покойною совестью достигают предела жизни; люди не отнимут у них этого утешения — и ветераны Гвардейского Экипажа, умирая, скажут: мы были исполнителями великого плана Императора Николая I, поколебавшего Турцию, приняв базисом своих военных действий покоряемые берега Черного моря, поставить армию свою в Адрианополь, примкнув правым ее флангом к Балтийскому и опереть левый на Черноморский флот, знаменательно велико подобное предприятие, значительны и дела исполнителей. Счастлив тот, кого промысел Божий допустил совершить кампании 1812, 13, 14, 28 и 29 годов*.

*Примечание М. Н.: Мы просим прощения у тех, которые, разоблачая великие дела минувших лет, дела великих людей, ярко выставляют черные пятна, забывая современность. По-нашему, это унижение народной гордости.

и хотя прискорбна была Гвардейскому Экипажу разбивка его поротно по судам Черноморского флота, но тем не менее Морская Гвардия успела приобрести внимание начальства и сослуживцев и, идущи наравне с флотом, в то же время не отставала ни в чем и от сухопутных войск.

Здесь не упоминается ничего о потерях Гвардейского Экипажа потому, что потери эти большую частью произошли от местных лихорадок и других болезней, и можно сказать, что редкий из офицеров не подвергался этой болезни; чума похитила также несколько человек из числа находившихся на берегу при хранении материалов.

По вступлении в Севастополь все внимание начальства обращено было на успокоение трудолюбивых Гвардейских моряков, приказы того времени суть лучшие тому свидетельства. В ноябре месяце 1829 года получено в Гвардейском Экипаже Высочайшее повеление о назначении капитана 2-го ранга Лермонтова командиром образцового флотского Экипажа в Санкт-Петербурге. В декабре того же года командир Отдельного Гвардейского Корпуса Его Императорское Высочество Великий Князь Михаил Павлович предписывал Гвардейскому Экипажу выступить из Севастополя на соединение с Гвардейским Корпусом, но Экипаж не мог приступить к немедленному исполнению этого приказа, потому что Севастополь находился в сомнительном положении относительно чумы и Экипажу следовало выдержать карантин по всем правилам карантинного устава, а в Севастополе каран-

Унтер-офицеръ
Барабанщикъ
1817|1819 г.

Илл. 67. Унтер-офицер и барабанщик (строговая форма).
1817–1819 гг. Акварель [12]

Илл. 69. Обер-офицер и канонир артиллерийской команды. 1817–1823 гг. Акварель [12]

Илл. 68. Барабанщик Гвардейского Экспедиции на сухопутных манёврах.
Оловянная миниатюра. Коллекция автора. 2014 г.

Илл. 70. А. П. Боголюбов. Бой у острова Везель. 24 мая 1719 г. [13]

Илл. 71-1. Карл Булла. Казармы Герардеевского Экипажа на канале Грибоедова. Фото 1900-е гг.

Илл. 71. Современный вид казарм Гвардейского Экипажа, построенных в 1820 г. на набережной канала Грибоедова, дом 133. Санкт-Петербург. Октябрь 2010 г. Фото автора [11]

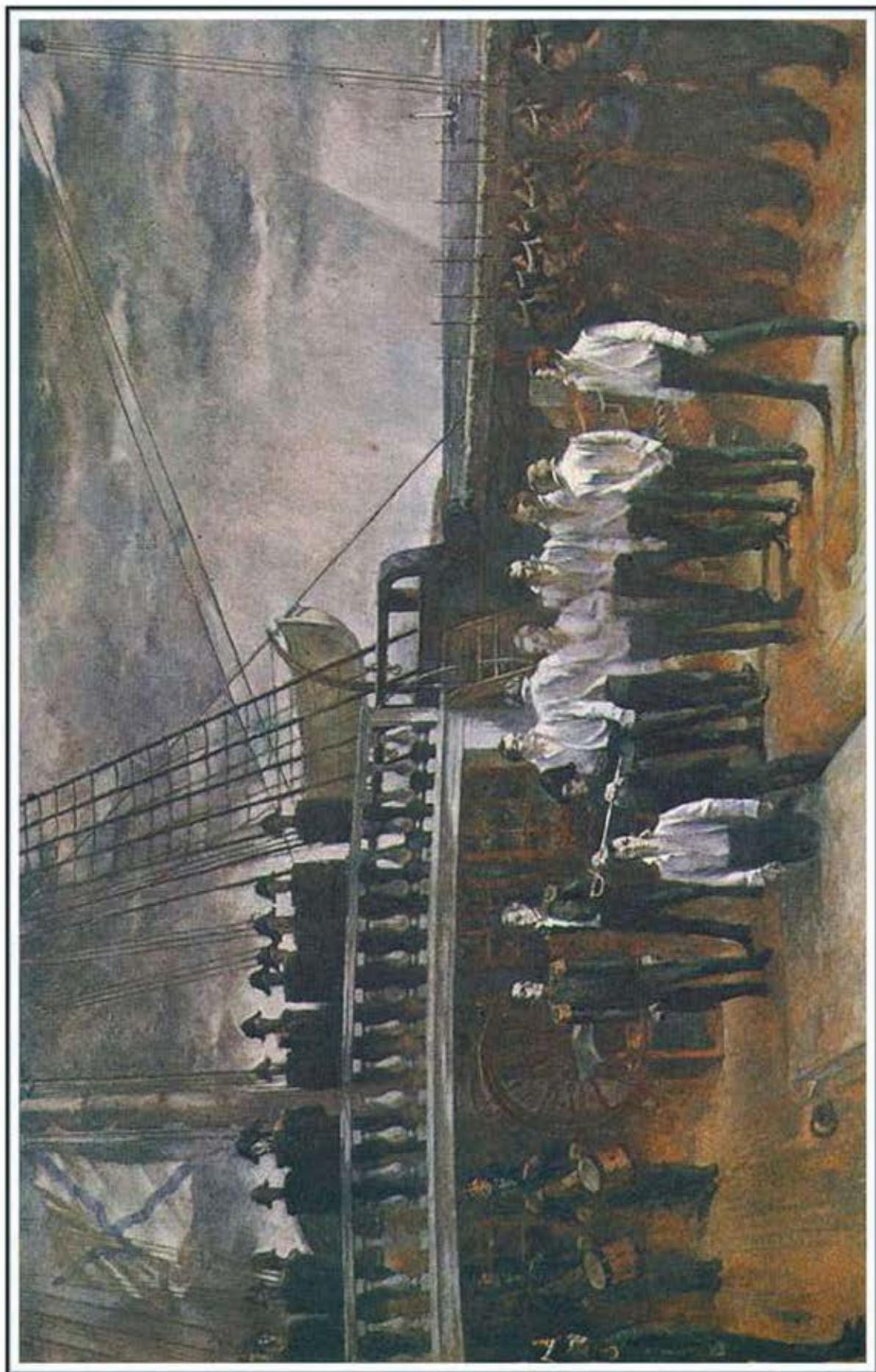
Илл. 72-1. С. Д. Всеволожский. Георгиевское знамя, пожалованное Императором Александром I Гвардейскому Экипажу за участие в сражении под Кульмом. Акварель [6]

Илл. 72. Неизвестный художник. Карлов Иван Петрович. 1826–1830 гг. [13]

Илл. 73-1. А. А. Тронь. Морской Гвардейский Экипаж на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. 1983 г. Акварель [28]

Илл. 73. М. А. Кузнецов. Гражданская казнь морского-декабристское на 74-пушечном корабле «Владимир». 1826 г. 1979 г.
Холст, масло. 130 x 200 см [13]

Илл. 74. Неизвестный художник. Ф. Ф. Белинггаузен. (1779–1852). 1-я половина XIX века [13]

Илл. 75. Зорервейд Александр Иванович (1783–1844). Изяженерская атака и крепости Барна сатарных батальоном 23 сентябрь 1828 г.
1836 г. Холст, масло. Центральный военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи

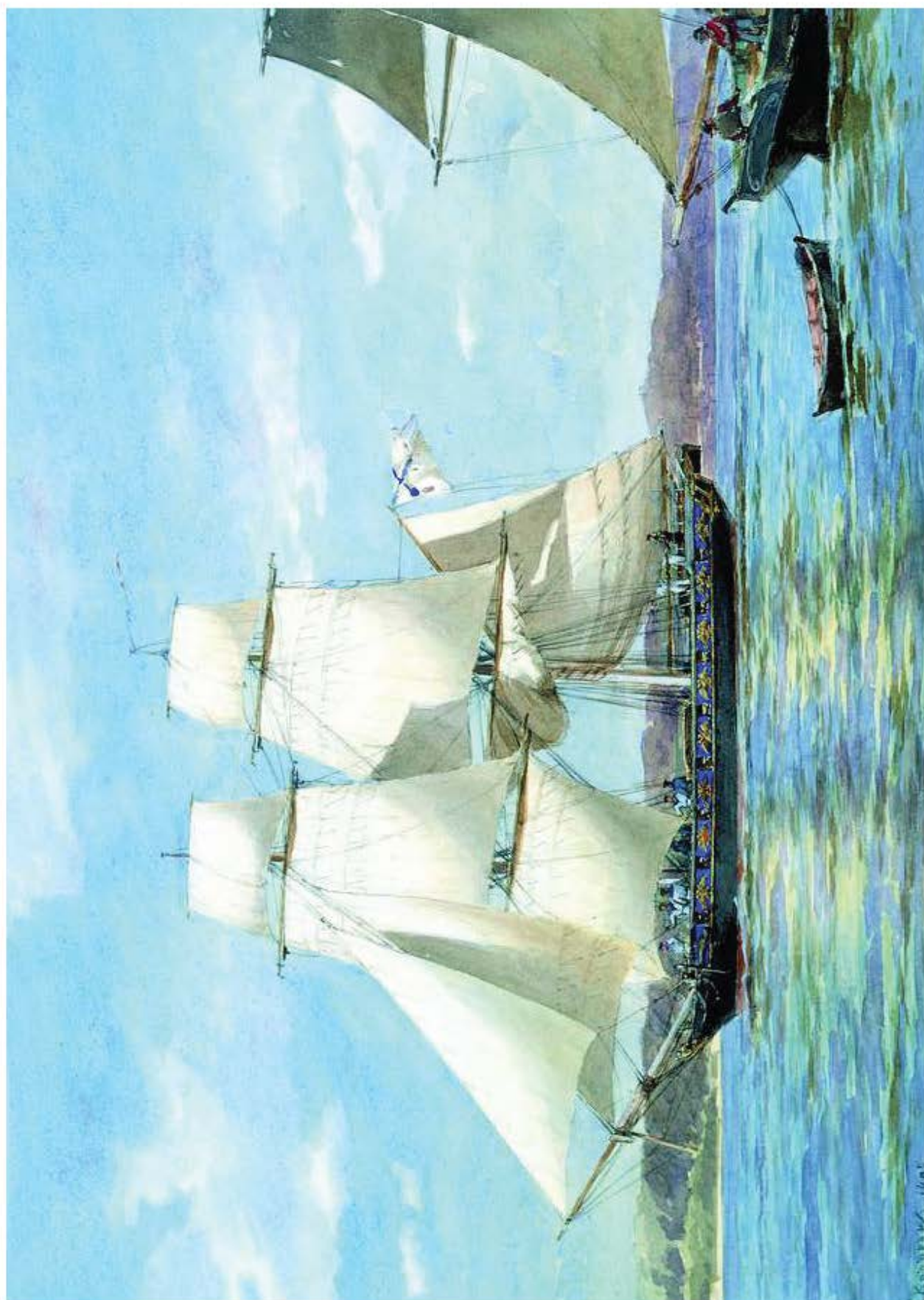
Илл. 75-1. И. К. Айвазовский (1817-1900). Корабль «Императрица Мария» во время шторма. 1892 г. Холст, масло [30]

Илл. 76. И. К. Айвазовский. Брига «Меркурий», атакованная турецкими кораблями. 1892 г.
Холст, масло, 212 х 339 см. Феодосийская картинная галерея им. И. К. Айвазовского

Илл. 77. Наверху образца 1830 г. от дерева знамени Гвардейского Эскадрона [13]

Илл. 78. А. К. Бегров (1841–1914). Яхта «Дружба». 1826–1848 гг. [13]

тинное помещение не могло принять такого числа чинов с их обозом и другими тяжестями; по этой причине палаточные ящики с палатками, ружья, амуниция сданы в Севастополь. Запасные же мундиры приказано было, очистив по карантинным правилам, переслать в Петербург на счет Комиссариата, и с наступлением весны 1830 года Гвардейский Экипаж размещен на Северной и Южной сторонах Севастополя для выдержания карантина.

Примечание авт.: В декабре 1829 г. был получен приказ командира Гвардейского корпуса, Великого Князя Михаила Павловича, о выступлении Экипажа из Севастополя на соединение с Гвардейским корпусом. Но из-за чумы, свирепствующей в это время на юге и последующего карантина, только 20 марта 1830 г. гвардейские моряки отправились в столицу. 18 июля Государь встретил Экипаж в Гатчине и нашел его, несмотря на понесенные потери и трудности сухопутного перехода, в отличном состоянии.

В 1829 г. был учрежден новый знак отличия гвардейских частей Российской Императорской армии: наверху к древку знамени вместо учрежденного в 1806 г. Новое наверху изготовлялось из бронзы в виде двуглавого орла с Георгиевским крестом на Георгиевской ленте, которая крепилась к трубке наверху. Оно и было пожаловано Экипажу с прибытием в столицу к месту постоянной дислокации.

(См. Илл. 77) *Наверху образца 1830 года от древка знамени Гвардейского Экипажа [13].*

1830 год

28 января вступили в карантин на северную сторону 2-я рота, обоз, хлебопеки и квартирмейстеры всех рот, ластовой роты фурлейты и весь унтер-штаб, на Южную все остальные строевые роты и артиллерийская рота; окружили себя строгою цепью и по выдержании карантинного термина и очищении всей амуниции 20 марта 1830 года выступили поротно к деревне Черной, а в Бахчисарае весь Гвардейский Экипаж соединился в свой строевой состав.

Маршрут, данный Экипажу, вел его на города: Симферополь, Перекоп, Береслав, Крюков, Кременчуг, Гадяч, Ромны, Сосница, Стародуб, Мглин, Рославль, Смоленск, Поречье, Велиж, Великие Луки, Порхов, Луга, в Санкт-Петербург. Командир Гвардейского Экипажа контр-адмирал Беллинсгаузен имел особое и весьма важное поручение, должен был остаться в Севастополе, а Экипаж вел всю дорогу батальонный командир, капитан 2-го ранга Казин. Контр-адмирал Беллинсгаузен прибыл к Экипажу 10 июля в город Лугу. 16 июля Гвардейский Экипаж в Гатчине встречен был Его Императорским Величеством Государем Императором и Его Императорским Высочеством Великим Князем Михаилом Павловичем, командовавшим Гвардейским Корпусом, и найден во всех отношениях в отличнейшем виде и порядке*.

*Примечание М. Н.: Приказ по Гвардейскому Экипажу 16 июля 1830 года.

18 июля Экипаж вступил в Санкт-Петербург, здесь нашел он вновь поступивших в Экипаж одного юнкера, 55 матросов и 6 юнг и занялся приписанными к Морской Гвардии парусными и гребными судами. В это лето к Гвардейскому Экипажу причислен был вновь выстроенный пароход «Ижора» и заложена на Охтенской верфи по чертежу яхты «Дружба», собственно для Его Высочества Государя Цесаревича, ныне благополучно Царствующего Государя Императора Александра Николаевича особая яхта. Пароход «Ижора», яхта «Дружба», галет «Торнео» и Голландский буер были в лето 1830 г. в кампании: первый с начала лета под командою штурмана Новицкого, а потом капитан-лейтенанта Лескова, переведенного впоследствии в Гвардейский Экипаж, вторая под командою лейтенанта Лермонтова 2-го, третий лейтенанта Подушкина и последний адъютанта Экипажа лейтенанта Дудинского.

Пароход «Ижора» вышел на рейд 28 апреля, укомплектованный из состоявших в Санкт-Петербурге налицо нижних чинов в числе 33 человек, а с прикомандированными от Морского Ведомства из 54 человек. Был длиною по килю 120, а по палубе 140 футов, шириною 22 фута, имел вооружение шхуны и 8 медных корронад 6-фунтового калибра, числа сил парохода в журнале не означено, сидел в грузу форштевнем 7 футов 8 дюймов, имел дифферент на нос 2 дюйма.

Примечание авт.:

1. Пароход «Ижора». Вооружение: восемь 6-фунтовых карронад. Длина — 46,83 м. Ширина — 6,7 м. Осадка — 4,1 м. Машина мощностью 100 номинальных л.с. Колесный пароход, заложен 16 октября 1824 г. на Ижорском заводе. Спущен 4 мая 1826 г. Введен в строй в 1829 г. Тимберован на Охтенской верфи в 1837 г. Вторично тимберован в Кронштадте в 1854 г. Продан на слом в 1862 г.

2. Императорская яхта «Дружба» строилась для императора Николая I на Охтинской верфи в Санкт-Петербурге под руководством полковника Корпуса корабельных инженеров В. Ф. Стоке. Корпус яхты деревянный с обивкой киля и обшивки ниже ватерлинии медными листами, против обрастания корпуса морскими микроорганизмами. Вдоль верхней части бортов шел орнамент из повторяющихся плоскостных изображений геральдических орлов. В носу, под острым углом к горизонту, располагалась фигура воина в римских доспехах и шлеме с пышными перьями. Весь крепеж изготовлялся из кованого железа. Яхта имела фок-мачту и грот-мачту с парусным вооружением брига. Корма ограничивалась простыми по профилю ригелями, двуглавым орлом на гакаборте и строгим по рисунку кормовым фонарем. Яхта была отделана с большой роскошью, внутренние помещения обиты штофом, украшены золочеными карнизами и пилястрами, полы были устланы голубыми, зелеными и лиловыми коврами, мебель сделана из красного дерева с позолоченной бронзой и из карельской березы с серебром, замки дверные и оконные были золоченые и т.д. Наружная резьба бортовых арматур и кормового орла была вызолочена, на что потребовалось 280 книжек золота червонного от лучших здешних фабрикантов. Парусная яхта «Дружба» имела две мачты, на которых были прямые и косые паруса. Вооружение яхты: 12 одноствольных 3-фунтовых пушек с длиной ствола 19 калибров, располагались побортно на верхней палубе. Орудие чугунное, гладкоствольное размещалось на колесном деревянном станке. Расчёт орудия включал 2 человека. Зарядание ручное ядрами. Дальность стрельбы составляла около 2 км. Масса пушки — 368,3 кг. Яхта «Дружба» вплоть до 1846 г. состояла при Балтийском флоте и совершала плавания из Петербурга в Кронштадт и обратно. Яхта вступила в строй Балтийского флота в 1826 г.

(См. Илл. 78) А.К. Беггров (1841–1914). Яхта «Дружба». 1826–1848 годы [13].

Пароход «Ижора» начал кампанию еще с ходом льда из Ладожского озера и постоянно был употребляем для Высочайших Государя Императора поездок в Кронштадт и обратно. Ранее прибытие из Средиземного моря Эскадры наших военных судов привлекало Императора в Кронштадт чаще обыкновенного; Его Светлость Начальник Морского штаба генерал-адъютант князь Меншиков, постоянно заботясь о приведении флота в требуемый Государем вид и порядок, употреблял также пароход «Ижора»; 9 мая пароход этот вытребовал в Кронштадте 2900 пудов угля, налившись водою и приняв генерал-адъютанта графа Сухтелена с семейством, снялся с якоря и под парами пошел в Стокгольм. Это первое плавание парохода за границу совершено благополучно; пароход не заходил в шхеры, но, идучи морем при свежих противных ветрах, имея только 4 часа по 8 узлов ходу, большею же частью от 2½ до 4, 13 мая прибыл к Ваксгольму и после необходимых переговоров в этот же день перешел в Стокгольм. 29 мая генерал-адъютант граф Сухтелен на этом же пароходе «Ижора» в час пополудни отправился обратно в Санкт-Петербург, и 31 мая в 9½ часов утра пришел на Кронштадтский рейд. 3 июня корпуса флотских штурманов капитан Новицкий сдал пароход «Ижора» капитан-лейтенанту Лескову.

В лето 1830 года шведский военный фрегат «Наяда» приходил в Кронштадт, и на нем прибыл в Россию наследный принц шведский. Пароход «Ижора» был в продолжение всей кампании этого лета в непрерывном действии как для поездок Государя Императора и всего Царствующего дома, так и для Его Королевского Высочества принца Шведского. Начальник Морского штаба Его Императорского Высочества также весьма часто употреблял этот пароход. Высочайшие смотры флоту, посещение Императором шведского фрегата и маневры флота в присутствии Государя Императора производились на этом пароходе или при участии этого парохода; этим определяется и польза, и деятельность парохода «Ижора».

Примечание авт. Пароход «Ижора» стал первым вооружённым колёсным пароходом для морского флота России. Длина парохода составляла 46,83 м, ширина без обшивки — 6,7 м, осадка — 4,1 м.

На пароходе была установлена паровая машина мощностью 100 л.с. Вооружение судна состояло из восьми 6-фунтовых карронад. Имел два бортовых гребных колеса и паруса. Пароход был заложен на Ижорском заводе 16 октября 1824 г., спущен на воду — 4 мая 1826 г., а в 1829 г. был введён в состав Балтийского флота. Первое продолжительное плавание в открытом море пароход совершил в Стокгольм, после чего в июле 1830 г. перевез в Штетин гостившего у императора Николая I прусского принца Карла со свитой. В 1837 году пароход подвергся тимберовке на Охтенской верфи, а в 1854 году — вторичной тимберовке в Кронштадте. В 1862 году пароход «Ижора» был продан на слом.

Прибытие в Санкт-Петербург Его Королевского Высочества Принца Карла Прусского доставило случай новому Гвардейскому пароходу служить и Его Высочеству; Русский Императорский флот приветствовал салютом Королевско-Прусский флаг, на пароходе «Ижора» развевавшийся, и, наконец, 23 июля в час пополудни пароход «Ижора», приняв на Петергофском рейде Его Высочество Принца Карла Прусского с Его Свитой, отправился в Штетин. Крепкие противные ветры задерживали плавание парохода и произвели излишнюю сверх ожидания трату угля, и потому Его Высочество приказал спуститься к Готланду как для отдохновения от продолжительной качки, так и для сбережения угля, 27 июля пароход в 7 часов вечера подошел в селению Ронена о. Готланда и встал там на якорь; 28-го, коль скоро стих ветер, пароход снялся с якоря и прибыл к Свиномюнде и к Штетину; Его Высочество Принц Карл в этот же день оставил пароход и отправился в предстоявший ему путь, а русский пароход, простояв в реке против Штетина, вышел оттуда 2 августа для обратного плавания в Россию и 6 августа рано утром был уже в Петербурге.

В течение всего августа месяца в журнале парохода «Ижора» весьма немного свободных от плавания дней, он был в Петербурге только 25 августа для спуска кораблей «Березина» и «Смоленск» с церемонией, а 26 августа Государь Император Николай Павлович произвел Высочайший смотр флоту, состоявшему большею частью из вновь построенных судов со времени вступления на престол Его Величества, и из судов, возвратившихся с контр-адмиралом Лазаревым из Средиземного моря; в начале сентября пароход вошел в Неву, делав рейсы только в Петергоф и обратно; 17 сентября Государь с парохода «Ижора» произвел снова смотр флоту в Кронштадте, при этом смотре находился и английской службы адмирал Кодрингтон; Его Величество с этим адмиралом посещал многие корабли и фрегаты и возвратился в Петергоф, а пароход из Петергофа с Командиром Гвардейского Экипажа контр-адмиралом Беллинсгаузенем вошел в Неву.

Прибытие вице-адмирала графа Гейдена с остальными военными судами из Средиземного моря вызвало пароход «Ижора» вновь к деятельности, и 7 октября начальник Морского штаба генерал-адъютант князь Меншиков прибыл в Кронштадт на этом пароходе, не только что осматривал Эскадру, но в трехдневное пребывание свое в Кронштадте употреблял этот пароход для пользы бывшей эскадры.

Пароход «Ижора» окончил плавание свое переездом Его Высочества, командовавшего Гвардейским корпусом, из Петербурга в Ораниенбаум 24 октября и 29-го того же месяца вошел в реку Охту на зимовку.

С введением паровых яхт парусные суда Гвардейского Экипажа потеряли свое значение, и вооруженные в это лето яхты плавали постоянно между Санкт-Петербургом, Петергофом, Ораниенбаумом и Кронштадтом. Каменный и Елагин острова, реже посещаемые Императорскою фамилией, не требовали яхт, и суда эти с переездом двора из Петергофа в Царское Село вошли 21 сентября в гавань на зимовку.

Гвардейский Экипаж в строевом составе своем, исполняя гарнизонную службу в Санкт-Петербурге, принял участие в сухопутных маневрах, в это лето бывших; при спуске кораблей «Березина» и «Смоленск» 25 августа от этого Экипажа был наряжен почетный караул со знаменем, укомплектованы корпусные фрегаты на этот случай и 8 гребных катеров; контр-адмирал Беллинсгаузен имел свой флаг на фрегате «Надежда». Фрегаты и яхты, стоя в линии, салютом встретили сошедшие со стапеля корабли под штандартом.

Занимаясь зимнее время строевою службою, Экипаж постоянно заслуживал одобрение высшего начальства, как по строевому образованию, так и по внутреннему устройству и нравственности. 6 декабря контр-адмиралы: состоявший при Его Высочестве Государь Цесаревич Константин Павлович Колзаков и командир Гвардейского Экипажа Беллинсгаузен — произведены в вице-адмиралы,

первый с оставлением при прежней должности, а второй с назначением начальником 2-й флотской дивизии; в этот же день назначен командиром Гвардейского Экипажа контр-адмирал Шишмарев.

В заключение первой части очерка истории Гвардейского Экипажа, составленного служившим в Экипаже со времени формирования его до 1830 года включительно, позволяем себе сказать несколько слов об Экипаже этом. Основываясь на всем представленном нами, мы смеем думать, что Гвардейский Экипаж сделал все, что должен был сделать, сделал все, что мог сделать на суше и на море, со времени формирования и до этого времени.

Может быть, заметят нам, что Гвардейский Экипаж, отвлекаемый от прямых морских обязанностей занятиями строевой службы, не пользовался во флоте, в Балтийском в особенности, именем отличного Морского Экипажа, и на это ответим: Экипаж исполнил все, что требовалось от него, сделал все, что должен был сделать, и, служа на судах и на берегу, во время мира и войны, являлся всюду точным исполнителем своего долга, достойным представителем флота в Гвардии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рукопись М. Н. Лермонтова [1] явилась в последующем очень ценным историческим первоисточником для многих публикаций по истории Гвардейского Экипажа. Так, из этой рукописи взяты дословно описания формы одежды первых царских гребцов и команд придворных яхт начиная от эпохи царя Петра I и заканчивая 1830 г., эпохой императора Николая I. Позже именно по этим описаниям была сделана часть акварелей формы офицеров и матросов для подарочного альбома императрице Марии Федоровне, ставшей с декабря 1892 г. Августейшим Шефом Гвардейского Экипажа [12].

Целые страницы этой рукописи (также дословно!) были использованы И. А. Виноградским при описании самых сложных героических сражений Экипажа в Отечественную войну 1812–1813 гг. в его статьях [19, 20].

Наконец-то из этой рукописи становится ясно детально и исторически достоверно, как и что на самом деле происходило в Экипаже 14 декабря 1825 г. «Из первых уст» М. Н. Лермонтова не только как свидетеля тех событий, но и как председателя специальной комиссии по расследованию действий офицеров Экипажа в этот «несчастный для Морской Гвардии день» все изложенные факты выглядят более чем убедительно.

Огромную ценность для истории имеют также воспоминания М. Н. Лермонтова о поистине отеческом отношении всех Российских Монархов и Великих Князей к своей морской лейб-гвардии, к её офицерам и нижним чинам. Это объясняется тем, *«что основным частям Гвардейского Экипажа, в сравнении с другими войсками, по службе своей приходилось гораздо более действовать перед глазами Государей, следовательно, и обращать на себя особое их внимание»*.

Михаил Николаевич отмечает в рукописи и особый статус Морской Гвардии: *«Со времени же вступления на престол Императора Павла I читатель убедится, что едва ли которому из полков Императорской Гвардии представлялось столько случаев обращать на себя столько внимания Государей, как представлялось их основным частям Гвардейского Экипажа, и едва ли который-либо из полков имел возможность быть так приближен к Государям, как Придворные гребцы и матросы, служившие на яхтах, сколько бы ни желалось избежать помещения сведений, почерпнутых из фактов хранящихся»*.

Дорогой читатель! Работа над книгой по созданию Морской Гвардии в России на основе расшифрованных автором рукописей адмирала М. Н. Лермонтова завершена.

Однако научные исследования в этом направлении продолжаются, и, возможно, через некоторое время выйдет следующая книга, но уже по всей истории российской морской лейб-гвардии, которая начиналась в конце XVII века и закончилась через 228 лет — в начале XIX века.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. М. Н. Лермонтов. Очерк истории Гвардейского Экипажа от времени формирования до 1830 года. РГА ВМФ. Фонд 935. Дело № 166, опись 2. Объем — 502 листа.
2. М. Н. Лермонтов. Материалы по истории Гвардейского Экипажа. РГА ВМФ. Фонд 935. Дело № 164, опись 2. Объем — 170 листов.
3. М. Н. Лермонтов. Дополнительные материалы, комментарии и статьи для истории Гвардейского Экипажа. РГА ВМФ. Фонд 935. Дело № 165, опись 2. Объем — 90 листов.
4. Книга Устав морской. О всем, что касается к доброму управлению в бытности флота на море. Напечатан по указу Государственной Адмиралтейской Коллегии в типографии морского шляхетского кадетского корпуса. Санктпетербург. 1763 года.
5. Сайт: <http://Muzei-mira.com>.
6. Альбом. Русские императорские яхты. «ЭГО», СПб, 1997.
7. Переславль-Залесский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Сайт: www.museumpereslavl.ru
8. Переславль-Залесский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Фото автора.
9. Сайт: <http://www.navy.su/-1850/poteshnaya/index.htm> .
10. Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург. Сайт: <http://www.Gallerix.ru>. Альбом 200 русских живописцев.
11. Л. А. Малышев. Морской Гвардейский Экипаж. 300 лет. История и современность. «АСТ», СПб, 2011.
12. Альбом рисунков, снимков и фотографий, преподнесенных императрице Марии Федоровне в декабре 1892 г. Из фондов ЦВММ.
13. Электронные копии картин и экспонатов ЦВММ. Санкт-Петербург, ЦВММ. 2010 год.
14. Сайт: <http://www.randewy@mail.ru>.
15. А. Л. Ларионов. Из истории императорских яхт Российского флота. Журнал Гангут № 22–24. Санкт-Петербург, 2000.
16. А. А. Чернышев. Морская гвардия отечества. М.: Вече, 2013.
17. Сайт: <http://www.shipmodeling.ru>.
18. Т. П. Молчанова. Лермонтовы 1613–2013. Российский род шотландского происхождения. 2013.
19. Гв. эк. лейтенант И. А. Виноградский. Участие Гвардейского экипажа в сухопутной кампании 1812 года. Морской сборник, № 4, 5. 1899.
20. Гв. эк. лейтенант И. А. Виноградский. Действия Морского Гвардейского экипажа в войну 1813 года. Морской сборник, № 4, 5, 6. 1903.
21. М. И. Богданович. История войны 1813 года по достоверным источникам, т. 1.
22. Сайт: www.napoleonicwars-club.ru.
23. Сайт: <http://www.runivers.ru>.
24. Сайт: <http://gorodabelarusi.ru/vizit-imperatora-aleksandra-i.html>.
25. Общий Морской Список. СПб., 1893. Т. 7. с. 415–418.
26. Приложение к распоряжению Правительства Санкт-Петербург от 11 июля 2005 г. № 88/1-рп. Перечень мест захоронений на кладбищах Санкт-Петербурга известных граждан, внесших значительный вклад в историю России и Санкт-Петербурга.
27. Григоров А. А. Из истории костромского дворянства / Сост., вступ. ст. и примечания Н. А. Зонтикова. — Кострома, 1993. — 472 с.
28. А. А. Тронь. Выставка акварелей в ЦВММ: «О морях, кораблях, моряках». Декабрь 2010. Архив автора с выставки.
29. Сайт: <http://www.guardcrev.com>.
30. Сайт: <http://www.Gallerix.ru>. Альбом 200 русских живописцев.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Л. А. МАЛЫШЕВ. СОЗДАНИЕ МОРСКОЙ ГВАРДИИ В РОССИИ (1690–1830)	3
АВТОРСКАЯ СПРАВКА.....	3
ОТЗЫВ ДИРЕКТОРА ЦЕНТРАЛЬНОГО АРХИВА ВМФ	4
ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА	5
ЧАСТЬ I. ЦАРСКИЕ ГРЕБЦЫ И КОМАНДЫ ИМПЕРАТОРСКИХ ЯХТ	9
Глава I. Вступление, придворная гребцовая команда со времени основания флота.....	9
Глава II. Придворные яхты и команды их.....	23
Глава III. Соединение Команды Придворных гребцов и Команды Придворных яхт и подчинение их, равно как и яхт, одному общему начальству.....	35
ЧАСТЬ 2. МОРСКОЙ ГВАРДЕЙСКИЙ ЭКИПАЖ ОТ СФОРМИРОВАНИЯ ДО 1830 ГОДА	45
Глава I. Вступление на престол Императора Александра I, продолжение предыдущего	45
Глава II. Формирование Морского Гвардейского Экипажа	61
Глава III. Кампания 1812 года.....	69
Глава IV. Кампания 1813 года.....	83
Глава V. 1814 г. Кампания 1814 года, взятие Парижа, возвращение в Россию морем, вступление в Санкт-Петербург и поход 1815 года	103
Глава VI. Служба и действия Гвардейского Экипажа 1816, 1817 и 1818 годов и плавания фрегата «Меркуриус»	115
Глава VII. Служба Гвардейского Экипажа в 1819, 1820, 1821 годах и плавание его на фрегате «Гектор» и бриге «Олимп»	122
Глава VIII. Служба Гвардейского Экипажа в 1822, 1823 и 1824 года и плавание фрегата «Проворный» и корабля «Эмгейтен».....	127
Глава IX. Кончина Императора Александра I, вступление на престол Императора Николая I. Служба Гвардейского Экипажа в 1825, 1826 и 1827 годах и плавание его на 74-пушечном корабле «Сысой Великий», «Князь Владимир», «Царь Константин» и 36-пушечном фрегате «Елена»	136
Глава X. Сухопутный поход в 1828 году от Санкт-Петербурга до Варны, служба на кораблях Черноморского флота во время Высочайшего прибытия Государя Императора на 110-пушечном корабле «Париж», зимовка Гвардейского Экипажа в Севастополе, продолжение войны с турками в 1829 году; возвращение Экипажа в Санкт-Петербург в 1830 году и кампания парохода «Ижора».....	153
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	173
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	174

Леонид Александрович Малышев
Создание морской гвардии в России
(1690–1830 гг.)

Корректор *Л.А. Галаганова*
Оригинал-макет *А.А. Крыласов*
Дизайн обложки *А.А. Крыласов*

Подписано в печать 27.01.2015. Формат 60×90/8
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 22
Тираж 250 экз. Заказ № 4145

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)622-01-23